Мемуары

Кики

Salamandra P.V.V.

KIKI
SOUVENIRS

Кики

МЕМУАРЫ КИКИ

Предисловие Э. Хемингуэя

Salamandra P.V.V.

Кики

Мемуары Кики. Предисл. Э. Хемингуэя и Фуджиты. Пер. с англ. и франц. Н. Семонифф. Комм. И. Соболевой. – Salamandra P.V.V., 2011. – 243 с., илл.

Самая знаменитая натурщица XX века, она вдохновляла Сутина и Модильяни, Фуджиту и Кальдера, Брассая и Пикабиа, была возлюбленной Ман Рэя и подругой Жана Кокто и Макса Эрнста.

Она появилась на свет незаконнорожденной и в 12 лет очутилась в Париже, в 15 лет позировала скульпторам обнаженной, в 28 была избрана «королевой Монпарнаса».

Она пела в ночных клубах, сыграла в девяти кинофильмах, состоялась как талантливый художник и навсегда вписала свое имя в историю той краткой и блестящей эпохи, когда Монпарнас был центром мирового художественного гения.

Откровенные мемуары Алисы Эрнестины Прен (1901-1953), прославившейся как «Кики с Монпарнаса», до середины 1970 годов были запрещены к изданию или продаже на территории США.

Первый русский перевод воспоминаний Кики дополнен в нашем издании предисловиями Эрнеста Хемингуэя и Фуджиты, подробными комментариями и другими материалами, а также мемуарными отрывками, написанными Кики в 1950 г.

Ki Ki

Эрнест Хемингуэй

Предисловие

В этой книге представлено достаточно фотографий Кики, чтобы понять, как она выглядела все только что прошедшие десять лет. Я пишу это в 1929 году, и сегодня Кики похожа на памятник самой себе и той эпохе Монпарнаса, которая, несомненно, закончилась ко времени публикации ее книги.

Декады завершаются каждые десять лет, начиная отсчет с исходной даты события, подобной рождению Христа или концу войны, а эпохи могут заканчиваться в любое время. Никто не знает, когда они начинаются – во всяком случае, не осознает это в момент рождения эпохи. Те же, на которые обратили внимание и разрекламировали в самом начале, обычно длятся недолго, примером чего может служить эпоха, начавшаяся с Локарно*.

Эпохи легко начинать в газетах, и авторы редакционных статей частенько это делают, но такие эпохи быстро забываются, и они не имеют ничего общего с настоящими Эпохами. Надеюсь, вы не решитесь сейчас на такую наглость, как открыть словарь и узнать поточнее, что же такое Эпоха, ведь это может испортить мое серьезное произведение. В помпезном сочинении весьма важно использовать такие слова, как Запад, Восток, Цивилизация и так далее, и очень часто они ни черта не означают, но без них не бывает помпезного сочинения. Мой собственный опыт подсказывает, что, стоя носом к северу и держа голову неподвижно, вы увидите справа восток, а слева запад, и можно писать об этом сколько угодно напыщенно и выводить эти слова заглавными буквами, только они, вполне вероятно, не будут означать ровным счетом ничего.

Но вернемся к еще одному признаку серьезного произведения – разговору об Эпохах. Хоть никому и неизвестно, когда они начинаются, все хорошо понимают, когда они заканчиваются. Так вот, когда в один год была увековечена Кики, и Монпарнас стал богатым, процветающим, ярко освещенным, танцевально-вым, мелкопшенным, овсян-

чато-изюмо-вым или воздушно-хлопьевым (выбирайте, господа, у нас теперь все эти продукты имеются на завтрак), а в «Доме»* подавали икру... что ж, та Эпоха, чего бы она ни стоила, хотя лично я не считаю, что ценность ее велика, минула.

Монпарнас в этом смысле означает кафе с ресторанами, куда люди приходят, чтобы оказаться на публике. Он не означает квартиры, мастерские и гостиничные номера, где они работают в одиночестве. В былые времена разница между работягами и бездельниками состояла в том, что последние появлялись в кафе задолго до полуденного часа. Конечно же, это не совсем точное замечание, так как величайшие бездельники (используя скорее американское, нежели британское значение этого слова) не вылезали из постели до пяти вечера, и, завалившись в кафе, напивались в дружелюбном состязании с работягами, только что закончившими свой рабочий день. Работягу ведет в кафе то же одиночество, что писателя или художника, который трудился весь день и не желает думать о работе до прихода дня следующего. Он общается с людьми и говорит о чем-нибудь незначительном, легко выпив перед ужином и может быть, в зависимости от своих наклонностей, во время или после ужина.

После работы очень приятно видеть Кики. На нее необыкновенно приятно смотреть. Изначально обладая прекрасным лицом, она сделала из него произведение искусства. У нее изумительное тело, красивый голос (разговорный, а не певческий), и она, безусловно, царила в той эпохе Монпарнаса куда заметней, чем королева Виктория в эпохе викторианской.

Эпоха завершилась. Она исчезла вместе с почками работяг, которые слишком долго пили с бездельниками. Бездельники были чудесными людьми и в итоге доказали, что их почки крепче. Но ведь днем они отдыхали. Как бы ни то было, Эпоха закончилась.

У Кики все еще остается голос. Нам не нужно беспокоиться о ее почках, поскольку родом она из Бургундии, где эти штуки делают лучше, чем в Иллинойсе или Массачусетсе, а лицо ее, как и прежде, представляет собой великолепное произведение искусства. Теперь у нее, разве что, чуть больше материала для творчества; но перед вами фотографии в книге и сама книга. Думаю, в этом и состоит ее смысл.

Все люди, обыкновенно сообщающие мне, какие книги станут долговечными произведениями искусства, нынче в отъезде, и поэтому я

не могу осмысленно выставить оценку книге Кики. И все же мне она кажется лучшим из прочитанного после «Огромной комнаты»*.

Возможно, в переводе она вас разочарует – если так, рекомендую начать учить французский и прочитать книгу на этом языке. Выучить французский не помешает в любом случае, и к тому времени о книге вы уже не вспомните. Если же вы все же овладеете им, помните, что я посоветовал прочитать книгу Кики, а не Джулиана Грина*, Жана Кокто* или любого другого, кого американцы в ту минуту будут считать великим французским писателем. Прочтите ее всю с начала и до конца. Последняя глава не имеет никакого значения и совершенно бесполезна, но вы не будете ничего иметь против нее, прочитав главу VII под названием «Initiation Manquee» или главу XII, «Ma Grand'-mere».

Это единственная книга на свете, к какой я когда-либо писал предисловие, и, даст Господь, она же окажется и последней*. Переводить ее – преступление. Если ее испортят переводом на английский (перечитывая ее сейчас в очередной раз, я понимаю, что переводчика неминуемо ждет провал), пожалуйста, прочитайте ее в оригинале. Книга эта написана женщиной, у которой, насколько мне известно, никогда не было Своей Комнаты, но, как мне кажется, она частично напомнит вам и местами сможет выдержать сравнение с другой книгой, названной женским именем и написанной Даниэлем Дефо*. Если вас утомляют дамские романы, сочиненные нынешними писателями обоих полов, то сейчас перед вами лежит книга, написанная женщиной, которая никогда и ни при каких обстоятельствах дамой не являлась. На протяжении почти десяти лет она была настолько Королевой, насколько возможно ею быть в наши дни, но между Королевой и дамой, конечно же, разница немалая.

---

* Я никогда не читал Джулиана Грина и потому считаю эту рекомендацию довольно-таки несправедливой. Говорят, он очень хорош, так что позвольте мне отозвать свой совет, а точнее изменить его и убедить вас, как только вы овладеете французским языком, прочесть и Кики, и господина Грина (*Прим. авт.*).

Фуджита

Мой друг Кики

Зима-Кики окутывает свое великолепие роскошной, седой бородой. Ночи проводит в своем шикарном особняке, в окружении тысяч светских львов и львиц.

Лето-Кики сидит возле двух резвящихся мальчиков, курит трубку и о чем-то мечтает на своей вилле в Миди.

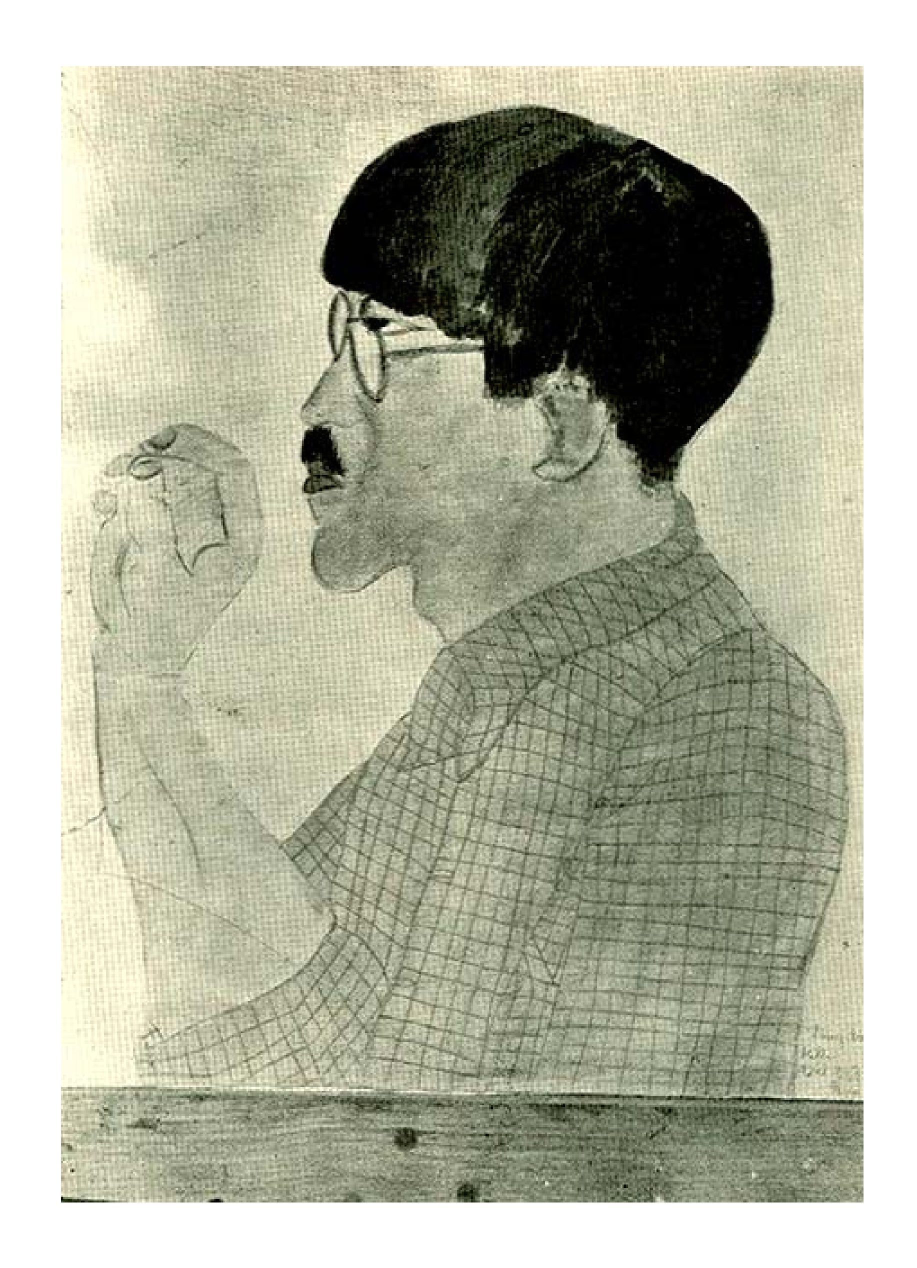
Летом ли, зимою ли, Кики никогда не носит трусики, и днем и ночью она ежеминутно думает о еде.

Три Кики – Кики Ван Донген*, Кики Кислинг* и Кики Кики – всемирно известные знаменитости и поистине восхитительны.

Много времени прошло с тех пор, как Кики Кики впервые пришла позировать ко мне в мастерскую. На самом деле это была не мастерская, а простой гараж, в котором я жил. Она вошла медленно, робко, с милым крошечным пальчиком в маленьких красных губках, уверенно покачивая задом. Сняв пальто, она оказалась абсолютно обнаженной*, а тонкий, весело раскрашенный платочек, пришпиленный к изнанке пальто, создавал иллюзию ее нового платья. Она заняла мое место перед мольбертом, приказала мне не двигаться и спокойно начала писать мой портрет. Закончив картину, она пососала и покусала все мои карандаши, потеряла мой ластик и, довольная, начала танцевать, петь и орать, растоптав коробку камамбера. Потребовав с меня деньги за позирование, она победно удалилась, захватив с собой написанный ею портрет. Спустя три минуты богатый американский коллекционер купил у нее эту картину в «Доме» за возмутительную цену.

Я не могу с уверенностью сказать, кто из нас был художником в тот день.

К счастью, на следующий день художником был я. Я написал большую картину «Nu couché de Kiki»*. Наступила осень, и

Кики. *Портрет Фуджиты*

я послал картину в «Осенний Салон» – впервые в жизни я выставил такую большую картину.

С утра о картине судачили все газеты.

В полдень меня поздравил министр.

Вечером картина была продана за восемь тысяч франков известному коллекционеру, а государственный покупатель немного опоздал*. Это был замечательный успех.

И Кики, и я остались одинаково довольны, и я вновь не знал, кто из нас художник.

Крепко держа пачку денег в руке, я переживал. Мне казалось, что я их не заработал, а украл, потому что в те времена мой агент платил мне лишь семь франков и пятьдесят сантимов за каждую картину.

Какая радость! Какой праздник! Как хорошо! Не колеблясь, я прошептал Кики в ухо: «Закрой свои прекрасные глазки» и одну за другой вложил несколько красивых купюр в ее руку. Кики обезумела и начала задыхаться, ловя воздух открытым ртом.

Не теряя ни секунды, она выскочила и исчезла со скоростью пушечного ядра в направлении улицы Гэте, улицы Веселья*.

Час спустя меня посетила красивая женщина, одетая в шляпу, украшенную цветами, в пальто, в платье, красивее любой дамы с обложки журналов мод, в спортивных туфельках, ярко сверкавших, как зеркало.

Женщина держала в руке сумку, переполненную огромным количеством косметики, включая образцы духов, выданных ей дружелюбным торговцем. Это была Кики, маленькая Кики. Она застала меня врасплох и довела до безумной ревности всех своих приятелей по кварталу.

Монпарнас изменился, но Кики остается прежней.

Всего лишь два дня назад она сказала мне: «Любовь моя, когда же ты принесешь мне ту обещанную ткань? Мне нечего носить. Если она шириной в метр, мне нужны будут четыре метра, а если шириной в метр тридцать, меня устроят три метра. Сладкий, дорогой мой, сделай это, и я всю жизнь буду любить тебя».

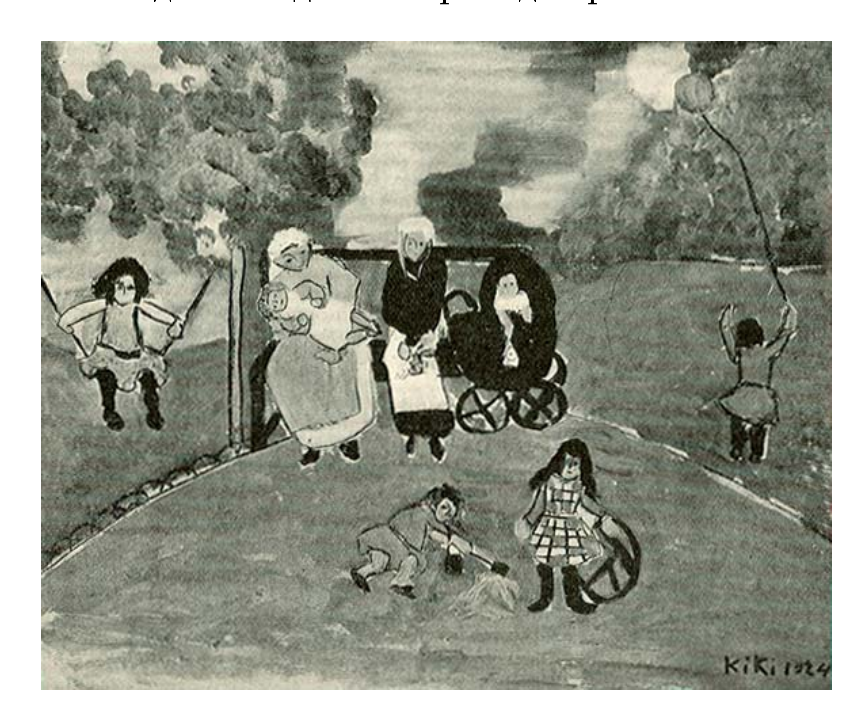
Фуджита. *Nu couché à la toile de Jouy* (1922)

МЕМУАРЫ КИКИ

I

ДЕТСТВО В БУРГУНДИИ

Я родилась в Бургундии 2 октября 1901 года. Моя мать оказалась не у дел и поволоклась в Париж, оставив меня с бабушкой, получившей в подарок трудное дело воспитания полдюжины детей от троих дочерей.

Кики. *Няньки* (1924)

... Нас было шестеро незаконнорожденных малышей, чьи отцы проигнорировали такую мелочь, как призна-

ние нас. Мать на мое содержание присылала пять франков в месяц.

Мой дедушка был дорожным рабочим и зарабатывал полтора франка в день. Днем бабушка стирала или шила для богатых соседей. Мы были очень бедны, но вкусная похлебка из фасоли на обед была всегда.

Меня отдали в детский сад, когда мне было пять или шесть лет. Помнится, там на обед давали суп с хлебом. Во дворе стояла большая лавка, очень длинная и низкая, и я, задрав платье, взбиралась посидеть на ней. У меня был восьмилетний товарищ по играм. Его звали Анри и у него были длинные, темные волосы, падавшие на плечи.

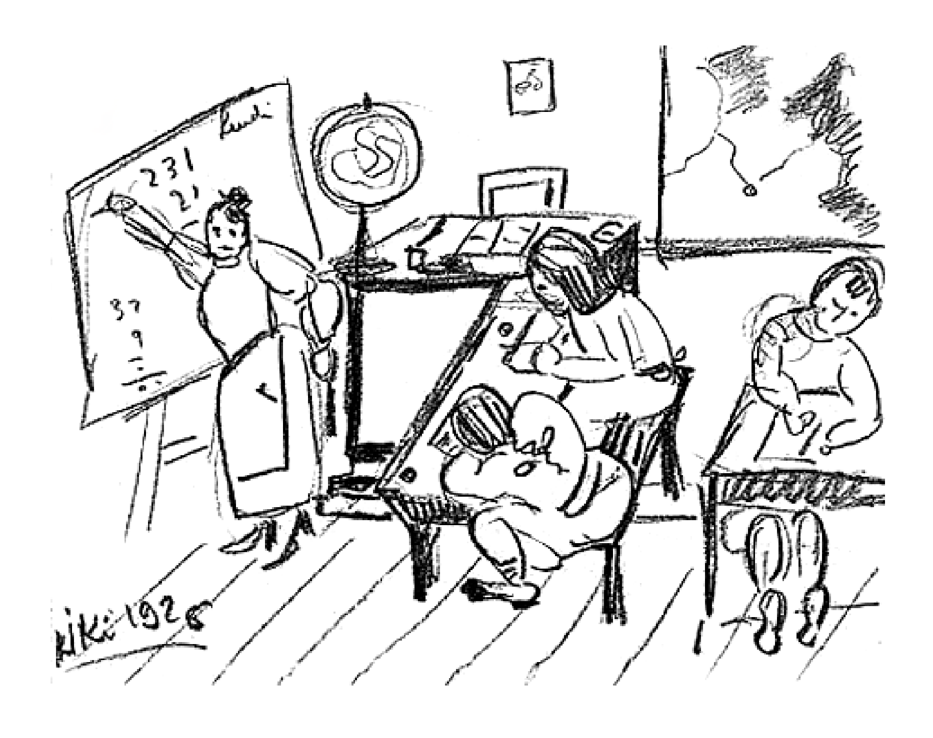

Кики. *Маленькая Алиса и маленький Анри* (1929)

Мне казалось, что он просто восхитителен, потому что моя голова всегда была по-мальчишески коротко острижена.

Это избавляло бабушку от кучи работы. Пятеро моих кузенов – и девочек и мальчиков – были стрижены так же коротко. Мы проводили жесткой щеткой по головам, пытаясь скинуть вшей (отчего их не становилось меньше).

Школу я посещала нерегулярно из-за ужасно злой учительницы. Она совсем не жалела нас, бедных детишек! Посадив на пол классной комнаты, она наказывала нас ни за что. Она обходилась с нами так, будто мы были ей

Кики. *Классная комната* (1926)

омерзительны, и мне это не нравилось, даже если и предположить, что мы такими и были. Для меня она придумала худшее наказание – ставила в угол носом к стене, и я стояла так целыми днями. Я думала, я умру. Я так уставала и к тому же стена была зеленого цвета, отчего у меня болели глаза.

Кики. *Школа* (1929)

Так как мы были очень бедны, два раза в неделю мы ходили к «добрым сестрам»* за рисом или фасолевым супом. Это было то еще наказание для меня и моей кузины, потому что «сестры» не любили нас.

Мы были грязными, не слишком религиозными и потому всякий раз, когда я подставляла свою тарелку, я видела пару жестких, злобных глаз, осматривающих меня. А после меня, конечно же, бранили: «Опять ты, маленькая Прен! В чем дело? У твоей матери в Париже не хватает тебе на еду? Говорят, в Париже можно заработать денег...» А остальные дети растопыривали глаза и уши от удивления.

Ох! Им самим приходилось сносить немало похожего, ведь все мы были в одинаковой ситуации. Нельзя сказать, что моя мать купалась в роскоши. Она работала нянькой в Бодлоке* и на мое проживание всегда присылала пять франков в месяц.

Но в деревне деньги можно сделать из чего угодно! Мы с нетерпением ждали летних бурь, чтобы выйти в проливной дождь и искать улиток в кустах и дырках в стенах. Еще там были одуванчики, миску которых, предварительно хорошо промыв и очистив, можно было продать за пару су. Мы собирали в лесах дикую клубнику и грибы. Все это помогало прокормить семью. Мы также продавали краденое, нажитое в бродяжничестве по садам и полям. Что же еще делать бедному селянину? Рядом с бабушкиным домом стоял красивый дом с великолепным амбаром, полным дров и угля. Кажется, именно там проживал мой отец. У него были жена и дочь, с которыми он хорошо обращался. Они очень красиво одевались. Отец никогда не заговаривал со мной, только странно посматривал на меня. Он бывал особенно хорош, когда наступала пора ярмарки, и он руководил оркестром

Кики. *Пейзаж с пастухом* (1924)

и спортивными играми. Из разговоров сельчан я узнала, что он славный малый и красавец. Он был вынужден уйти от моей матери после шести лет совместной жизни, чтобы жениться на женщине с тысячей франков и свиньей.

II

ПРИБЫТИЕ В ПАРИЖ

Мне двенадцать.

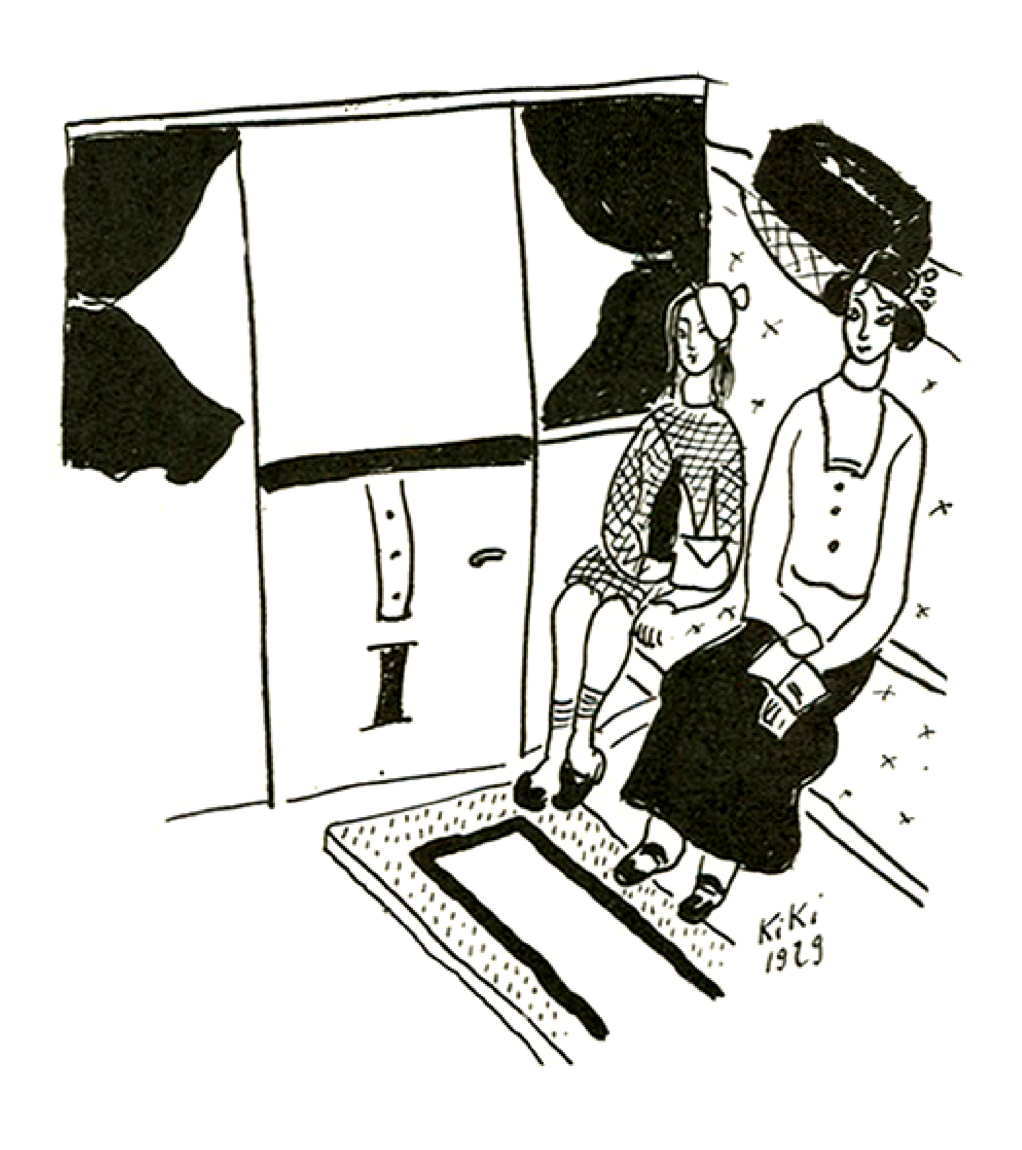
Мать прислала бабушке письмо с указанием отправить меня в Париж, чтобы я научилась читать. Меня терзают сомнения. Мне страшно подумать, что я никогда больше не увижу те школьные лавки... И потом, я обожаю бабушку. Все-таки я почти не знала свою мать. Для меня она была дамой из Парижа, приезжавшей к нам ежегодно на месяц отпуска и привозившей мне игрушки, блестящие туфельки или красивое платье.

Бабушка доезжает со мной на поезде аж до самого Труа и передает меня там начальнику станции, который впихивает меня в вагон первого класса. Он просит какую-то даму присматривать за мной, но она лишь одаривает меня холодным взглядом.

Я, наверное, выгляжу очень привлекательно. У меня иссиня-черные всклокоченные волосы и тесный голубой берет с красным помпоном. Я худущая, с желтым лицом, и за плечами у меня висит мешок из дерюги с вышитым на нем красными нитками моим именем. Я боюсь, что меня потеряют!

Поезд трогается, и я начинаю голосить на всю округу, а дама продолжает глазеть на меня все это время! Она спрашивает, почему я плачу, и все, что я способна произнести: «Бабушка». Я вижу, что ей не нравится мой плач и, стараясь показать ей, какой я могу быть сильной и храброй, достаю из мешка толстый кусок чесночной колбасы и маленькую бутылку красного вина.

Я ем, пью и плачу.

Кики. *По пути в Париж* (1929)

Моя колбаса воняет на весь вагон, и у дамы я, по всей видимости, вызываю полное отвращение.

Я продолжаю плакать.

Поезд прибывает в Париж и меня передают матери, которая до смерти напугана тем, что я могла потеряться. Но, честно говоря, если хотите знать, у меня такая фигура, что меня сложно упустить из виду.

Меня посадили в фиакр. Мать начинает дергаться в конвульсиях, когда я спрашиваю ее, не натирают ли сверкающие парижские улицы воском – ведь сколько это для кого-то труда.

III

ПЕРВЫЕ ЗАРАБОТКИ

Мне минуло тринадцать лет.

Я только что навсегда бросила школу. Я умею писать и считать – и больше ничего!

На какое-то время я устраиваюсь в ученицы брошюровщицы. Потом мамина приятельница рассказывает ей, что на фабрике, где чинят солдатские ботинки, платят по три франка в день.

Идет война.

Ботинки присылают с войны для дезинфекции, а оттуда они поступают на фабрику: там их погружают в масло, чтобы кожа стала мягче. Моя работа заключается в надевании ботинок на деревянные распорки, на которых им возвращают прежнюю форму молотком. Потом у меня были и другие работы: паяние, дирижабли, аэропланы и огнетушители.

Заработанное вдвоем с матерью едва позволяет свести концы с концами. Днем я обедаю в забегаловке за восемь су и все равно в их фасолевых похлебках всегда полным-полно песка!

По субботам мы с матерью навещаем общих друзей – цветочных торговцев на улице Муфтар. Я очень люблю это делать. Утром я иду в Лез Аль* с мамашей Гуинуазо и ее детворой – двумя моими ровесницами и пятью мальчиками, и с десяти до двух мы продаем цветы.

На улице Муфтар рядом со мной стоит ужасный конкурент, орущий громче меня: «Купите чеснок или лук!» Самая старшая из торгующих со мной девочек – статная, красивая блондинка. У нее удивительные руки, руки ко-

Кики. *Цветочная торговля* (1926)

ролевы. Мы соревнуемся в том, кто сможет лучше нарядиться цыганкой, то есть наложить на волосы побольше масла, чтобы влажные кольца из волос на обеих щеках оставались на месте, а потом мы вкалываем в волосы кучу гребешков с разноцветными камешками и бронзовыми украшениями. Днем мы ходим на блошиный рынок Порт д'Итали. Вот где можно приодеться: туфли по дешевке за полтора или два франка, пальто и нижнее белье за пять-десять франков. А вечерами мы ужинаем жареной картошкой с белым вином. Потом нас отпускают в кино, как взрослых девушек. Там нас ждут возлюбленные. Моего зовут Деде. Это высокий светловолосый парнишка с угрюмой рожей. Ему около девятнадцати. Со мной у него легкий роман, потому что он живет с женщиной. Кажется, она работает, а он ничего не делает. Я в него влюблена. В кино он ни на секунду не оставляет мой рот в покое, а в воскресенье я возвращаюсь на набившую оскомину работу и с нетерпением жду следующей субботы. Мать как-то заметила пятно цвета баклажана у меня на шее. Я поплевала на носовой платочек, но пятно не стиралось. Пока я стояла и думала, что бы это пятно могло означать, я получила такую оплеуху, что у меня закружилась голова... Я не знала, что и поцелуи могут оставлять отпечатки. Теперь буду знать.

Увы! Я только что узнала, что мой красавец Деде – маленький воришка и что его поймали ночью, когда он грабил обувной магазин на улице Гобеленов. Он ничего не потерял в моих глазах. Наоборот, я – читательница «Фантомаса»* – продолжаю считать его героем из моих любимых книжек. Да, я люблю читать, но от этого не становлюсь более светской. Меня повергают в ужас чулки. Я без ума от желтых носочков...

На каминной полке у матери стоит красная искусственная герань, и я каждый день ворую по лепестку и подрумяниваю себе щеки и губы.

Потом я наглухо стягиваю свой корсет бечевкой, и он становится намного солиднее!

Единственная проблема, что есть на свете люди, которым нравится совать свой нос куда не положено, и кое-кто из них не ленится и сообщает моей матери, что я раскрашена, как уличная девка (будто так можно выглядеть в тринадцать!)

Чтобы подразнить меня, мать иногда набивает мне в корсет ваты – кажется, что у меня большая грудь. Потом она начинает расхаживать туда-сюда у дверей с важным видом и, когда кто-нибудь из моих ухажеров случайно проходит мимо, она говорит ему: «Взгляни на Алису, во кокетка!...» Но мне все равно – у меня столько парней!

Дабы покончить с семейством Гуинуазо, скажу, что бабушку их решили похоронить на кладбище в Банье. Двух соплячек пришлось посадить на ступеньки катафалка, чтобы они смогли добраться до кладбища. Когда все было позади, семья поспешила, как обычно, утопить печаль в белом вине, жареной картошке и колбасе. Но конец вечеринки оказался далеко не веселым. Пьяны были все: удары в челюсти, драки, черные креповые шляпы в канаве, орущие малявки... и все вокруг говорят: «Ш-шш». После драки они примирительно выпили еще белого вина и поели жареной картошки с колбасой.

Война продолжается. Мать едва зарабатывает себе на жизнь. А моих еженедельных десяти су хватает совсем ненадолго.

В Труа проживают тетя и несколько кузин, и мать посылает меня к ним на заработки, потому что там можно заработать три франка в день на прядильной фабрике.

Я добираюсь туда к началу зимы. Тетушка живет на окраине города. Я вполне удовлетворена. Тетя чем-то напоминает мне большого раздавшегося полицейского. Она не то что бы очень злая, но все время рявкает что-то хриплым голосом и попахивает чем-то неприятным. В руках она всегда держит табакерку.

В доме также живет кузина Эжени, модница и франтиха. По дому она ходит в брюках. За два года до войны у нее был любовник, от которого она родила. Он к ней так и не вернулся... Наверное, погиб на войне.

Тетя боготворит внука. У нее есть еще одна дочь – тринадцатилетняя рыжеволосая Мадлен. Я хочу сказать, она жгуче-рыжая, и семья все время выставляет ее на посмешище.

В доме целых две комнаты, но они совсем небольшие. Тетя спит с Эжени и внуком между ними, а я сплю с рыжей.

Каждое утро мы втроем уходим на фабрику, а в полдень бегом возвращаемся назад выпить так называемого кофе без сахара и попировать селедкой, которая стоит всего два су за штучку. Вечером рыжая уходит в лавочку, чтобы принести нам чего-нибудь поесть. Это повкуснее дневной селедки, но бедную рыжую не пускают за стол и разрешают есть только хлебные корки... «Она на диете» – говорит тетка. Рыжей можно только кофейные зерна и она должна присматривать за грязным, противным ребенком. Он умеет уже достаточно хорошо разговаривать для того, чтобы снабжать тетушку поразительными историями, после чего тетка наскакивает на рыжую и отправляет ее спать без ужина.

Я сама еще слишком юна, и мне сложно понять ситуацию несчастной рыжей, но к горлу подступает комок каждый раз, когда я, сидя за столом, оглядываюсь на нее, сидящую там под окном, на деревянном стульчике с

Кики. *Материнство* (1928)

едой на коленях. Она часто остается без ужина на ночь и ложится спать голодной, но я умудряюсь стащить для нее сухарики и иногда что-нибудь еще. Бедная рыжая! Я помню ее белую как полотно кожу и щуплую, маленькую грудь. Бабушка растила нас вместе до двенадцати лет, поэтому мне она как сестра.

Я прожила там меньше трех месяцев, потому что поранила ногу.

Что ж, я вновь в Париже, где рассказываю матери все о жизни у тети, включая несчастную рыжую. Рыжая осталась в деревне, вышла замуж за дровосека, родила ребенка, но она по-прежнему озлоблена на свою мать, и здоровье у нее неважное*.

IV

«ПРИСЛУГА ЗА ВСЕ»

Мне четырнадцать с половиной, и мать только что нашла мне работу у булочницы в Сен-Шарле с ночевкой, едой, прачечной и тридцатью франками в месяц.

Я встаю в пять утра и продаю хлеб за су или два мужчинам, собирающимся на работу. В семь я разношу хлеб заказчикам и ношусь по лестницам вверх-вниз до одышки, скажу я вам! К девяти я должна вернуться в дом, чтобы начать уборку, выполнить кучу поручений и провести четверть часа в огромном шкафу с мукой. Мне нужно следить за железной заслонкой, которая пропускает муку в сито. Вылезаю я оттуда белая, как мышка. Потом я помогаю булочнику вытаскивать хлеб из духовки. Булочник любит раздеваться догола и испускать грязные шутки в мою сторону: «Гляди, Алиса, гляди! Где ты такое еще увидишь!»

Назад – на кухню!

Хозяйка – злая, высохшая, потрепанная мегера. Она не способна давать указания без злобного крика. Вечерами я думаю лишь об одном: скорее бы в постель, я так ужасно устала.

Мне бы хотелось сбежать. Но куда я могу пойти без денег? Да и потом, если я убегу, мать до двадцати одного года упрячет меня в исправительное учреждение.

Помнится, у меня была восемнадцатилетняя тетя, которая умерла от того, как с ней там обращались. Посреди зимы ее голову привязывали к крану и пускали холодную воду по шее до тех пор, пока она не соглашалась выполнить то, что от нее требовалось. Ее звали Алиса,

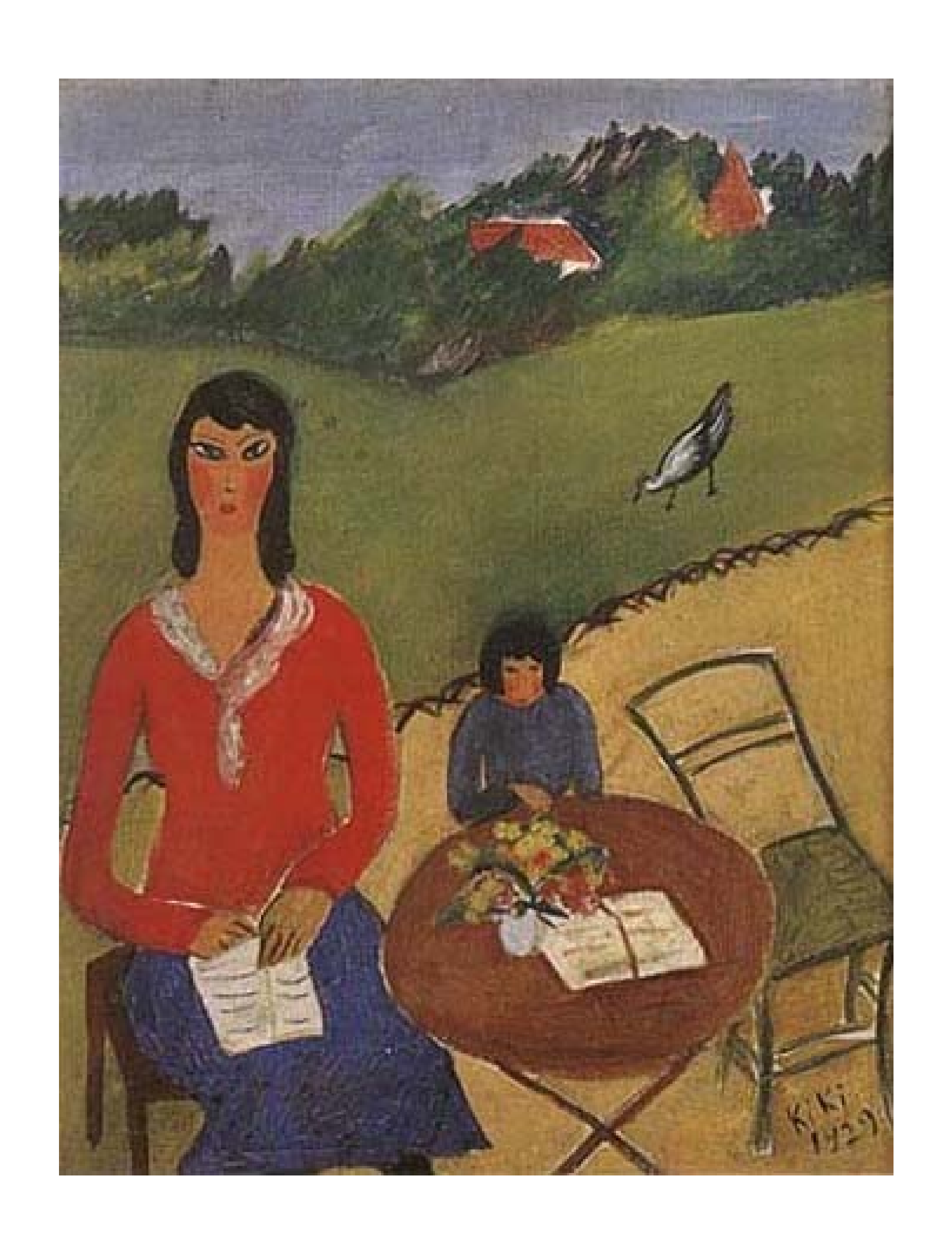
она была своевольной девчонкой и, так как всем вокруг казалось, что я похожа на нее характером, меня и назвали ее именем.

В общем, я решила подождать удобного случая, благодаря которому найдется уважительная причина уволиться.

Однажды погожим утром я открыла свое окошко и выглянула на площадь. Внизу на лавке сидела молодая нянька и отдавалась чьим-то поцелуям.

Какое странное ощущение нашло на меня! Я перевернулась в постели, и стало ужасно приятно... а потом я испугалась.

Два или три раза в тот день я просто не могла не убежать ото всех, чтобы побыть одной.

Кики. *Автопортрет* (1929)

V

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Я приметила парня, живущего на площади прямо напротив моей комнаты. Он коренаст и невысок, и глаза у него озорные. Я задумываю привести его как-нибудь вечерком в заднюю комнату и отдаться.

Он целовал и трогал меня, но я не решилась!

Ничего не произошло, и я ухожу наверх, в свою комнату, пообещав ему, что на днях мы что-нибудь да сделаем.

VI

ПЕРВОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ С ИСКУССТВОМ

Хозяйка слегка переборщила!

Она повела себя со мной, как с молокосоской, лишь потому, что я подчернила себе брови жжеными спичками.

Я бросилась на нее и хорошенько ее побила, а она даже и не пыталась сопротивляться. Булочник разнял нас и прошептал мне: «Так держать! Жаль, что ты ее не убила!»

Я собрала вещички.

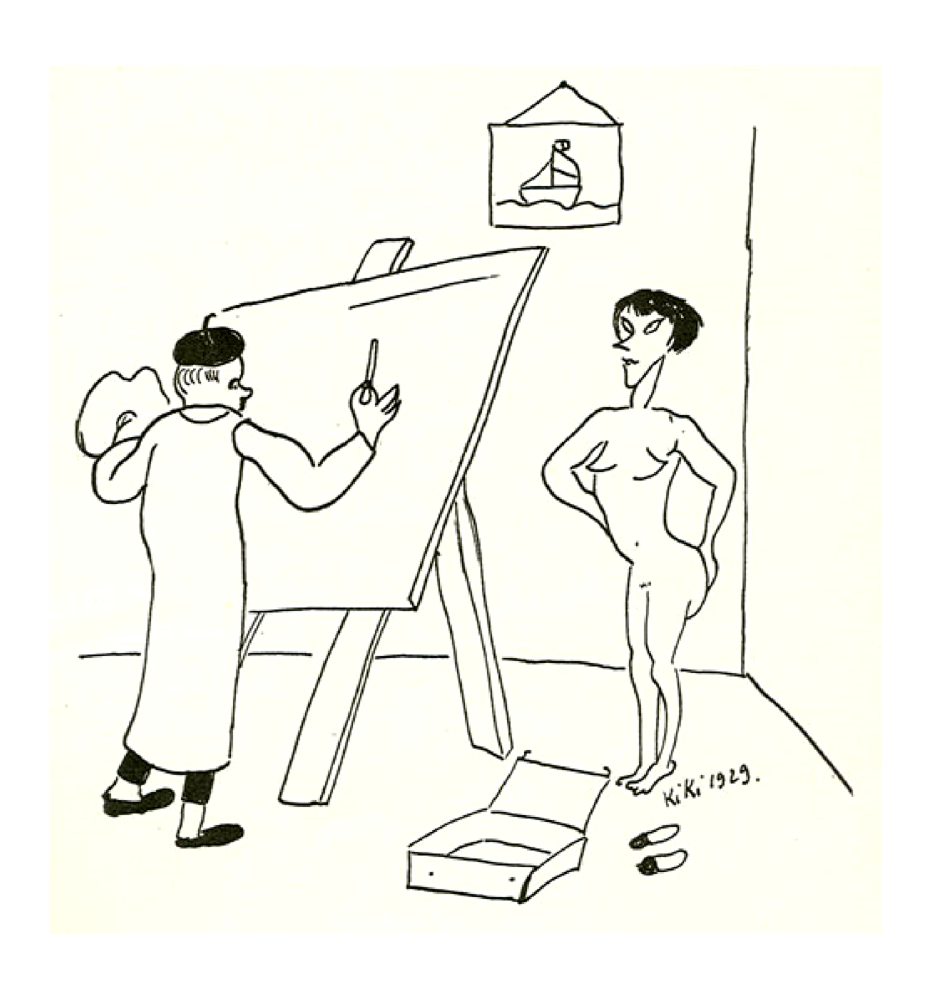
Хозяйка отказывается выдать мне плату за месяц, и мне ничего не остается делать, как свалить, но сейчас восемь вечера, и я не знаю, куда идти. Я вспоминаю о женщине из моих краев, с которой познакомилась несколько дней назад и чей адрес у меня был.

На следующий день я хожу в поисках работы и знакомлюсь со скульптором, который, поняв, что я не против, приглашает меня позировать ему. Мне в новинку так раздеваться, но у меня нет выхода! Я уже отпозировала ему три сеанса, но поскольку мастерская его расположена недалеко от дома матери, ей успели рассказать, что ее дочь обнажается в мужских жилищах.

Мать врывается к скульптору и устраивает сцену. Я позирую, а она начинает кричать, что я ей больше не дочь и что я ничто иное, как грязная шлюха.

Мне было все равно!

Меня это даже приободрило, потому что в ту минуту я поняла, что все кончено.

Кики. *Я позирую* (1929)

VII

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПОСВЯЩЕНИЕ

Я нашла свою землячку.

Я живу у нее со вчерашнего дня в темной маленькой комнате в Плезансе. Она рассказала мне, что находится на содержании у какого-то работяги, немолодого уже корсиканца. Он дает ей два франка в день и приносит с собой из дома колбасу с сыром. Я была с ними в одной комнате, когда они занимались любовью. Я смотрела на них и совсем не думала о том, что они делают, воспользовавшись удачной возможностью наесться колбасы. Через пару дней подруга взяла меня с собой прогуляться по бульварам. Мы заходим в «Майоль» попробоваться в обнаженке*, но там нам велят вернуться через несколько часов, когда они решат, нанять ли нас. Мы оказываемся на Страсбургском бульваре. Колется мороз, и легкий снег не перестает сыпаться на землю.

Подруга советует мне расслабиться и позволить себе... отдаться мужчине в возрасте, говоря, что нет варианта лучше, если я хочу потерять девственность безболезненно. Я не на шутку испугана, но думаю, что в ее словах есть доля правды.

По дороге мы видим идущего нам навстречу мужчину лет пятидесяти. Он бледен и чисто выбрит – совсем недурен собой! Он мне очень нравится, особенно после того, как моя подруга предполагает, что он наверняка актер.

Он улыбнулся и предложил угостить нас чашечкой кофе и булочками.

И нате вам, подруга сообщила мужчине, что ему придется посвятить меня, что я весьма не прочь и что он мне окажет неоценимую услугу!

Я осталась с ним, и мы отправились в его квартиру на Менильмонтан. Его апартаменты расположены на пятом этаже и кажутся мне роскошными. Он заставляет меня раздеться и дает мне одну из своих огромных сорочек. Мы ужинаем вкусной жареной свининой с картошкой и хорошим вином.

Я узнаю, что он выступает с каким-то клоунским номером в паре с женой, которая сейчас на гастролях. У него масса красивых сверкающих камнями костюмов, из тех, в которых ходят Фрателлини*. Я стою, разинув рот, а он берет гитару и запевает. Я уже почти без ума от него. Та песня! Я никогда ее не забуду!

Вот она (на два голоса):

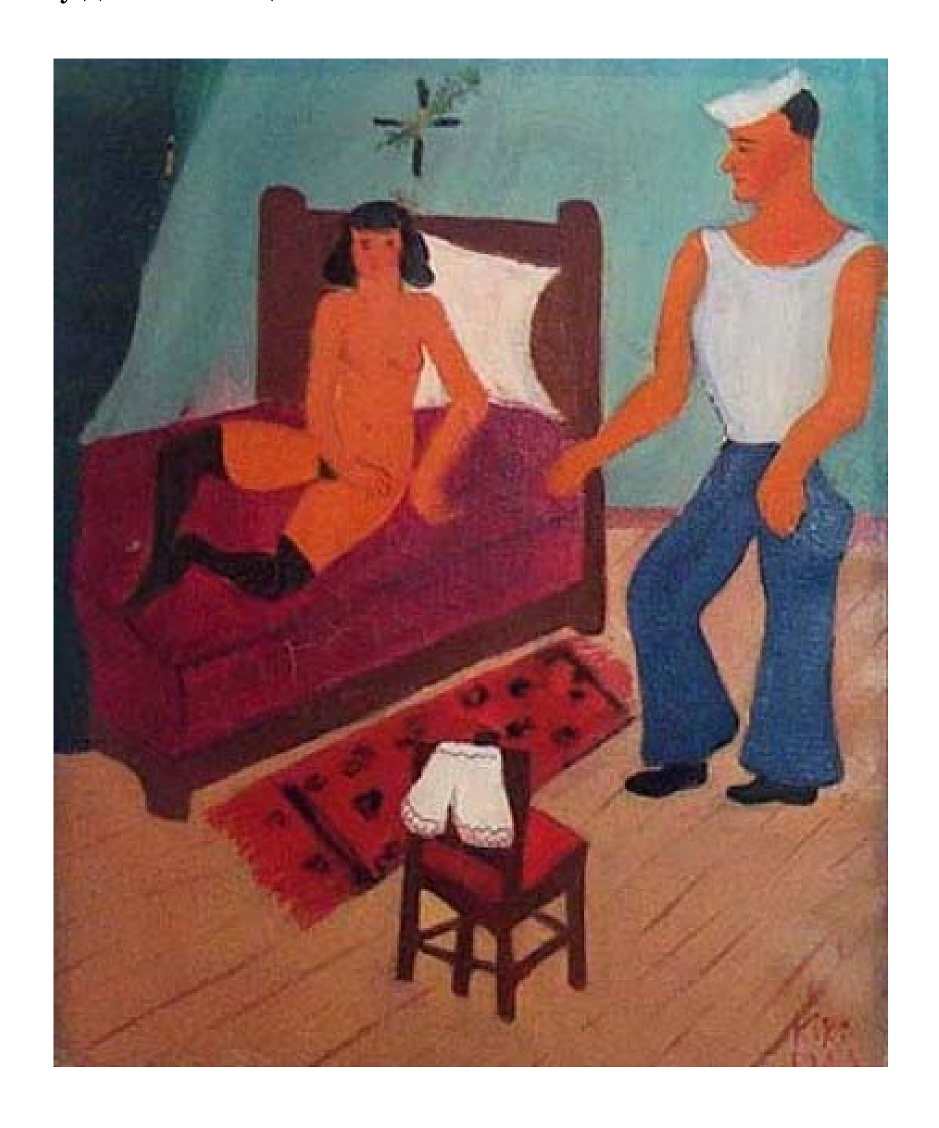
Луна сверкает высоко,
И пению внимает ночи –
Та песнь колыбельная полна
И чаяний, и света.
И раздается тихий голос:
«Поторопитесь, голубки!» –
Вот лунная улыбка исчезает
С преголубого неба голубого.

Он отправляет меня приготовиться к постели, и я ложусь очень счастливой, думая, что наконец-то узнаю все о любви.

Как мне нравится этот мужчина – он такой нежный и такой дразнилка!

Он лежит рядом со мной и делает мне столько приятных вещей.

Но, увы! наутро я выхожу из его квартиры по-прежнему девственницей.

Кики. *Без названия* (*Девушка и моряк*, 1929)

VIII

РОБЕР

Я стою на Монпарнасе перед входом в китайский магазин предметов искусства. Подруга бросила меня и ушла на свидание. Снег пригладил мои волосы и выпрямил все завитушки, и я голодна как зверь.

Вдруг я чувствую кого-то за спиной, а ведь почти наступила ночь. И вот какой-то субъект уже заговаривает со мной. Он высок и худощав, с проницательными маленькими глазками.

Он подходит ко мне и говорит: «Вы потеряетесь, если не будете осмотрительной, мадмуазель». Потом он предлагает отвести меня в свою студию на чашку горячего шоколада. Я слабею, услышав о шоколаде, а слово «студия» связывается у меня с художниками, и я соглашаюсь!

Мы выпиваем горячего, дымящегося шоколада. Я сижу с полным животиком и мне совершенно все равно – уходить или оставаться. Кроме того, я всегда была любопытной и мне хотелось уже когда-нибудь узнать побольше о любви.

Взбираясь по лестнице в спальню, я трясусь всем телом. Я очень боюсь этого мужчину, потому что я ему не так доверяю, как тому, другому... У него нехорошее лицо и он все время сует его в мое.

Носки у него без пальцев, как варежки. Он говорит, что так сейчас модно и меня это вполне устраивает. В общем, я хочу, чтобы он меня отлюбил...

....

Я орала от боли. Он был очень странным и не удовлетворял моего желания, но я любила его еще сильнее, потому что надеялась. Прошел месяц, а я была все еще наполовину девственницей. А Робер приводил женщин из «Дома» и брал их прямо на моих глазах!

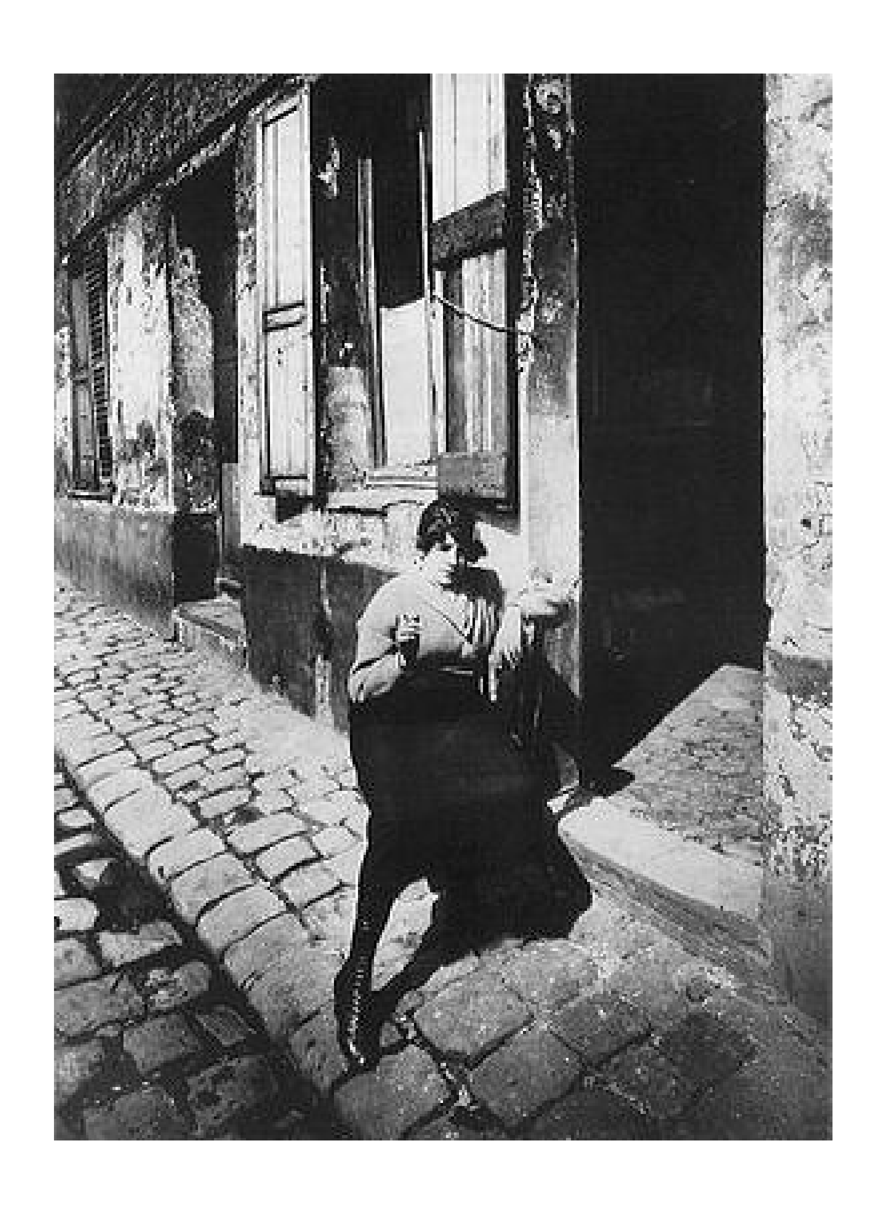
Я была ужасно несчастна. Он настаивал на том, чтобы я выходила на бульвар, где, как говаривал он, ходит масса красивых американских солдат. Он избивал меня и выгонял с криками, что «от меня нет никакого толку»! Я продолжала искать работу, но безуспешно.

Однажды, уставшая до смерти и совершенно без сил, я оказалась на Севастопольском бульваре. На меня смотрел негр. Я испугалась... Он был такой черный... Я плакала и не хотела ничего видеть. Я была в таком шоке.

Потом какая-то уличная проститутка тронула меня за плечо и сказала: «Не везет, а, несчастное дитя? У меня нет ни одного су, но вот тебе четыре марки. Может, тебе посчастливится их продать!» Такие женщины слишком грандиозны для слов. У них есть сердце.

Мне было очень нелегко после этого. Однажды я нашла работу натурщицы на улице Сен-Жак. Позировать нужно было в мастерской художника. Он угостил меня чаем, но у него не оказалось денег заплатить мне и, более того, он попытался переспать со мной.

Я знала, что любимый ждет меня с деньгами на еду. Добравшись до вокзала Монпарнас*, я присела на скамейку и попыталась сдержать слезы. На другом конце той же скамейки сидел очень пожилой мужчина с красивой упаковкой чего-то. Я подумала, что это, должно быть, пирожные и поэтому продолжала смотреть в его сторону. Он взглянул на меня, и я возьми да и расскажи ему обо всем. Он сказал: «Пойдем-ка за вокзал, и ты покажешь мне свои грудки. А я тебе за это дам три франка».

Эжен Атже. *Парижская проститутка*

Я так боялась идти домой без денег, что, несмотря на отвращение, сделала для старика все, что он хотел, и получила свои три франка.

Торжествуя, я несла домой хлеб и сыр. Оказавшись рядом с Робером, я тут же позабыла обо всех своих неприятностях...

Но однажды он выгнал меня из квартиры, сказав, что уезжает с другом в Бретань.

Ман Рэй. *Одалиска Кики* (1925)

IX

ВОЖИРАР

Приятель Робера одолжил мне свою комнату, и в тот же день я познакомилась с очаровательной танцовщицей, которая накормила меня, одела с ног до головы и уговорила коротко постричься *a-la* Нинон*.

Потом я познакомилась с художником, который помимо рисования увлекался аэропланами. Он нанял меня в помощницы, и я была рада до смерти. Он даже дал мне задаток в двадцать франков.

Когда танцовщица уехала на гастроли, я переехала жить в старый дом с длинным вестибюлем на улице Вожирар. Пройдя по вестибюлю, нужно было пересечь небольшой квадратный двор и спуститься по дюжине ступенек туда, где находятся погреба да пара комнатушек со створчатыми окнами. Мне не очень нравилось это новое место. Там стоял запах плесени – так пахнут грибы. За соседней дверью жила женщина, которую я почти никогда не видела. Она выхаживала угол улицы Вожирар и бульвара Монпарнас. Мы кивали другу другу при встрече. Каждое воскресенье к ней приходил любовник и оставался до утра.

Однажды я запаниковала, скажу я вам! Соседка устроила скандал с каким-то парнем, стоящим снаружи у ее дверей. Она закричала: «Мадам Кики!», но я не ответила. Она продолжала кричать, что кто-то пытается облить ее купоросом и просила сходить за консьержкой. К моему счастью, муж консьержки услышал шум и появился с оружием в руках.

Но ребята уже ушли!

Я – тоже. Я не теряла ни минутки, выбираясь оттуда.

Юлиан Мандель. *Обнаженная Кики (?) перед зеркалом* (ок. 1920).

X

НЕОБЫЧНОЕ ЖИЛИЩЕ

У меня был знакомый молодой человек, живущий со своей семьей, и он пообещал, что поможет мне в любой момент, окажись я без ночевки – один из его дядьев владел сараем за вокзалом Монпарнас и в случае необходимости я всегда могу им воспользоваться. И я пошла туда и спала на мешке с песком. Была весна и я могла укрываться его пальто. Он одалживал его мне на ночь и забирал утром.

Вокзальный свет ослеплял меня, но я умудрялась спать достаточно крепко и ни чуточки не боялась. По утрам я умывалась в своей комнатушке на улице Вожирар, в которой не жила из-за боязни скандалов и купороса.

Юлиан Мандель. *Обнаженная Кики (?) перед зеркалом* (ок. 1920).

XI

ГОСПОДИН У...

В пору моего нищенского существования, то есть в 1917 году, я знавала одного скульптора, иногда подбрасывавшего мне работу. Однажды он сказал мне: «Кики, я хочу, чтобы ты отнесла скульптуру одному щеголю в шикарный район!». Я отправилась туда, и, позвонив в дверь, ожидала увидеть служанку. Но дверь открыл он сам. Мне не удалось сначала хорошенько его рассмотреть, потому что в доме не было окон. Квартира освещалась светом, исходящим из каких-то, как в церквях, больших цветных витражей, с лампами позади них. Он оказался очень приятным и дружелюбным и тут же сказал: «Заходи, малышка». Я проследовала за ним сквозь многочисленные комнаты. На кухне я заметила кучи посуды и столового серебра, разбросанные на полу и покрытые мхом, позеленевшей ржавчиной и грибами!

Мы пересекли большую столовую, у одной из стен которой выстроилось в ряд огромное количество оружия.

Потом мы оказались в громадной, обставленной дорогой мебелью студии. Он показал мне коллекцию бабочек и совершенно изумительно красивые платья из Китая. Он попросил меня примерить одно из них. Я натянула на себя какие-то белые шелковые чулки и ушла в другой конец квартиры.

Я оказалась в курительной комнате. Он посадил меня на диван и включил какой-то электрический аппарат для шлифовки слоновьей щетины. Он сказал, что использует его для изготовления браслетов*.

Время от времени он открывал маленькую коробочку с красивой ложечкой и подносил ложечку себе к носу! Я

не понимала, что это означает, пока он не вышел и не оставил меня одну. Тогда я проделала с ложечкой то же самое и неожиданно почувствовала себя очень счастливой. Я забыла рассказать вам, что скульптор предупреждал меня, что в этом доме все разбросано по полу и что валяющиеся где попало драгоценности и деньги тут не редкость. Но он также велел мне ничего не брать, потому что у господина в доме целая система зеркал и он наверняка меня увидит.

Так что я не стала сильно рисковать и украла только пять франков. Я ощущала себя счастливой и богатой... кокаин делал свое дело! Потом господин сказал: «Пошли со мной. Я приглашаю тебя на ужин в роскошный ресторан на Елисейских Полях». Он одолжил мне какие-то подобающие случаю кольца и прекрасные бриллианты. Но я не могла ничего есть – кокаин лишил меня последних остатков аппетита.

Я пожила у него день или два и вернулась на Монпарнас.

Когда он позвонил мне пару дней спустя с предложением встретиться, я ему отказала. Потому что у меня были дела поважнее.

Он больше не появлялся!

XII

БАБУШКА

Моя бабушка была душевной старушкой. Кажется, я никогда не слышала, чтобы она говорила, что такие-то да такие-то вещи делать нельзя, а такие-то да такие-то можно. Она принимала все.

Посещая ее два раза в году, я могла привезти с собой кого угодно, приятного мне. Видя, как я крашусь, она говорила: «Какая же ты красотуля, Алиса! Боже, как же ты хорошо пахнешь!». Ей нравилось, когда я расчесывала ее волосы, и я развлекалась, выделывая безумные прически на ее голове. Еще ей нравилось, когда я вымывала морщинки на ее лице одеколоном. У нее было так много морщин, заполненных грязью!

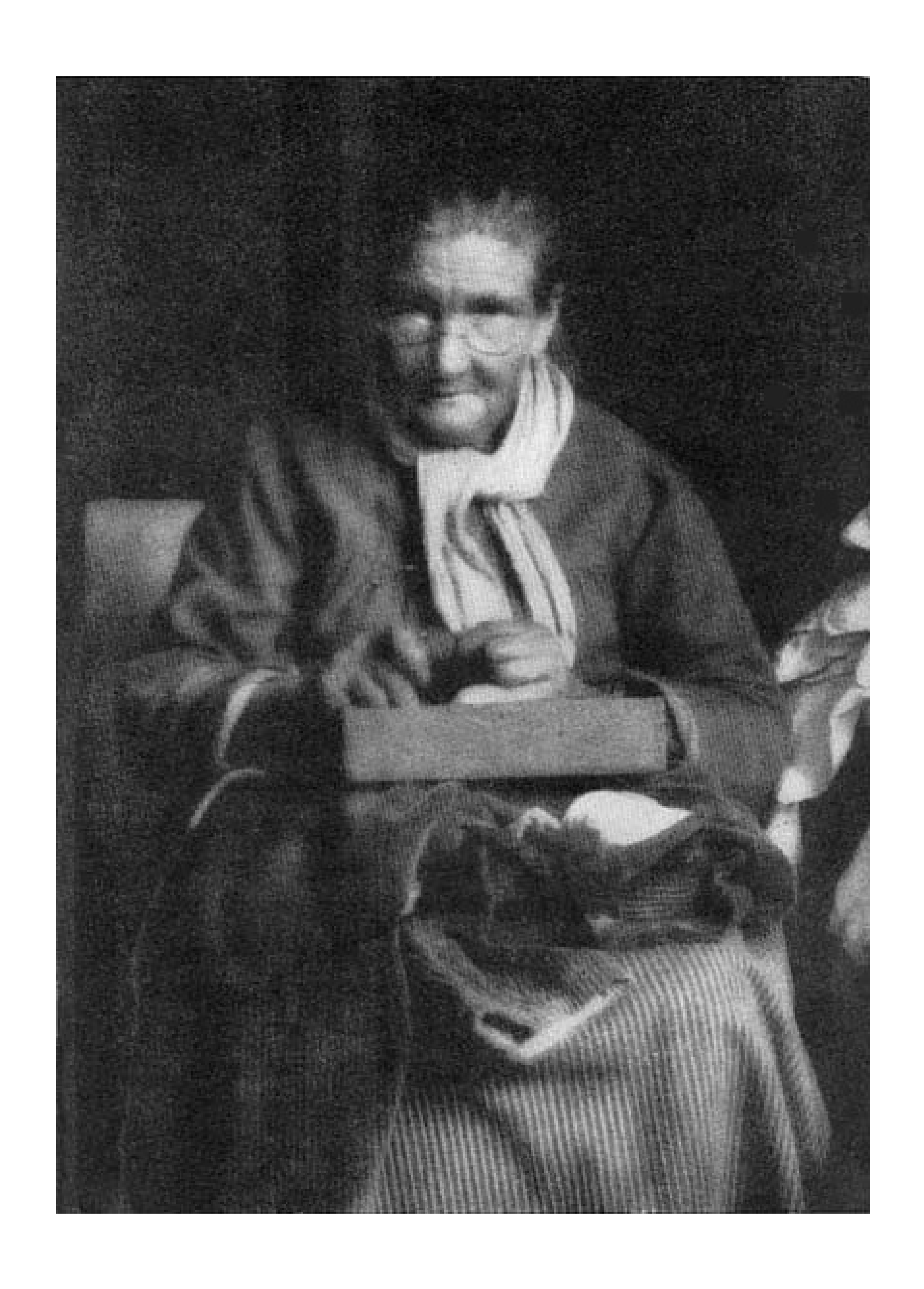
Единственными интересными воспоминаниями бабушка считает все, связанное с годом 1870, когда она отвесила оплеуху пруссаку, ущипнувшему ее за ляжку. И еще она может рассказать вам, как муж в честь начала семейной жизни залепил ей пощечину.

Но самое значительное приключение случилось с ней во время последней войны, когда вокруг Шатийона в полях расположились палаточные лагеря американцев. Ведь бабушка, и поверьте мне, это так, в одном очень схожа со мной: она очень любопытна. Я только удивляюсь, что ее любопытство не навлекло на нее больше неприятностей! Однажды она оказалась далеко от дома и по дороге назад заметила спасающуюся бегством девушку, а за деревом увидела американского солдата, стелющего на земле постель из листьев. Она подошла поближе, чтобы понять, что происходит, а американец тут

же подскочил ней с деньгами в руках. В итоге он сумел обьяснить ей, что несмотря на ее возраст, ему бы хотелось... Наконец, бабушка все поняла и так испугалась, что забыла о своей полной дров повозке и бросилась бежать как угорелая, прорываясь через поле свеклы, что сделать не так-то легко.

«Этот сопляк», – говаривала она, – «хотел изнасиловать меня прямо в лесу».

У бабушки была подружка, которая заработала себе на приятный домик, частенько раскладывая ножки с юными американцами... А самое большое сожаление моей бабушки в жизни – отсутствие собственного дома... Но что же вы хотите, она просто не смогла и все тут!

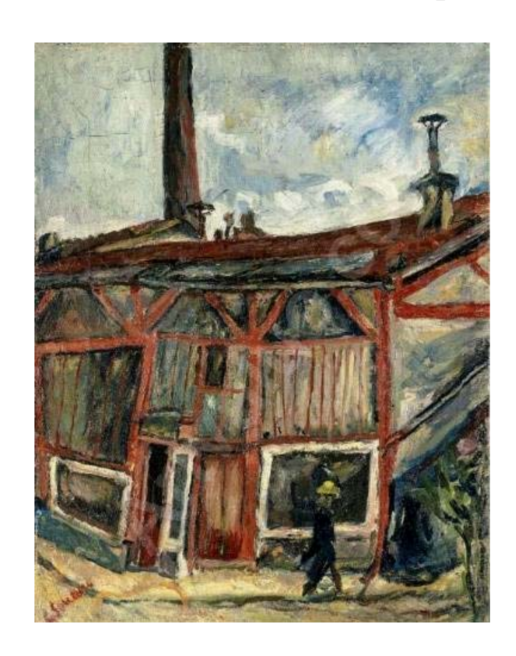
Кики. *Моя бабушка*

XIII

ЭПОХА СУТИНА

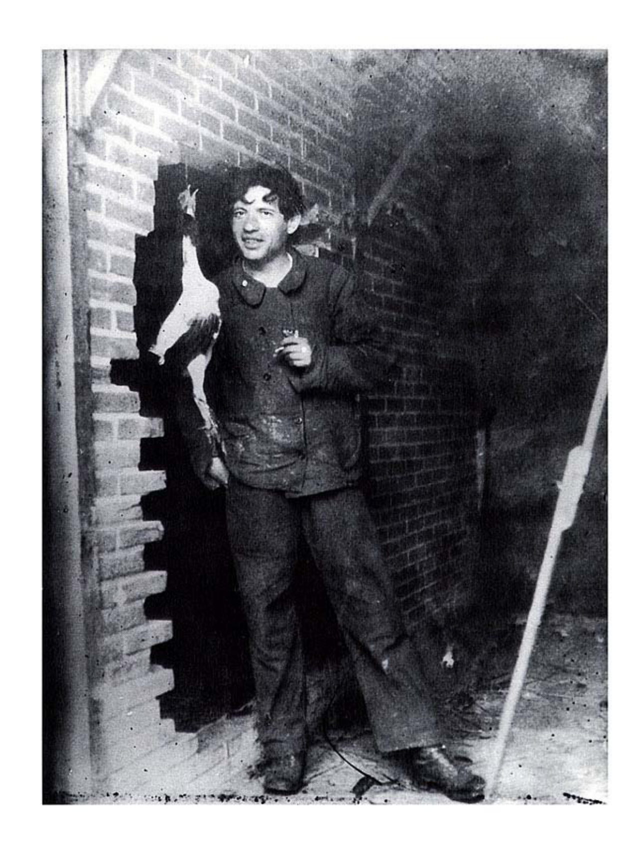
Вот как я познакомилась с Сутиным*.

Я выходила с представления со своей подружкой, которая так же не хотелось мерзнуть, как и мне! В карманах у нас было лишь несколько франков и о комнате мы могли только мечтать. Подружка предложила мне поехать с ней к русскому, жившему в «cité Falguière»*. «Вот увидишь, там будут вкусные пирожные с чаем и там тепло и уютно». И мы поехали туда и, взбираясь по маленькой лестнице, услышали голоса… У него в гостях была женщина. Мы стояли, приклеившись к лестнице. Было так холодно… Нас забрызгивало тающим снегом. Мы

Хаим Сутин.
Мастерская художника в cité Falguière (ок. 1916).

простояли на лестнице до двух часов ночи, одеревеневшие от холода и не имевшие ни малейшего представления о том, куда податься. Я начала плакать. Подруга сказала, что, может быть, нам повезет и Сутин дома, ведь он живет по соседству. Как только мы спустились с лестницы, появился Сутин. Он выглядел таким свирепым, что я слегка испугалась, но подруга успокоила меня.

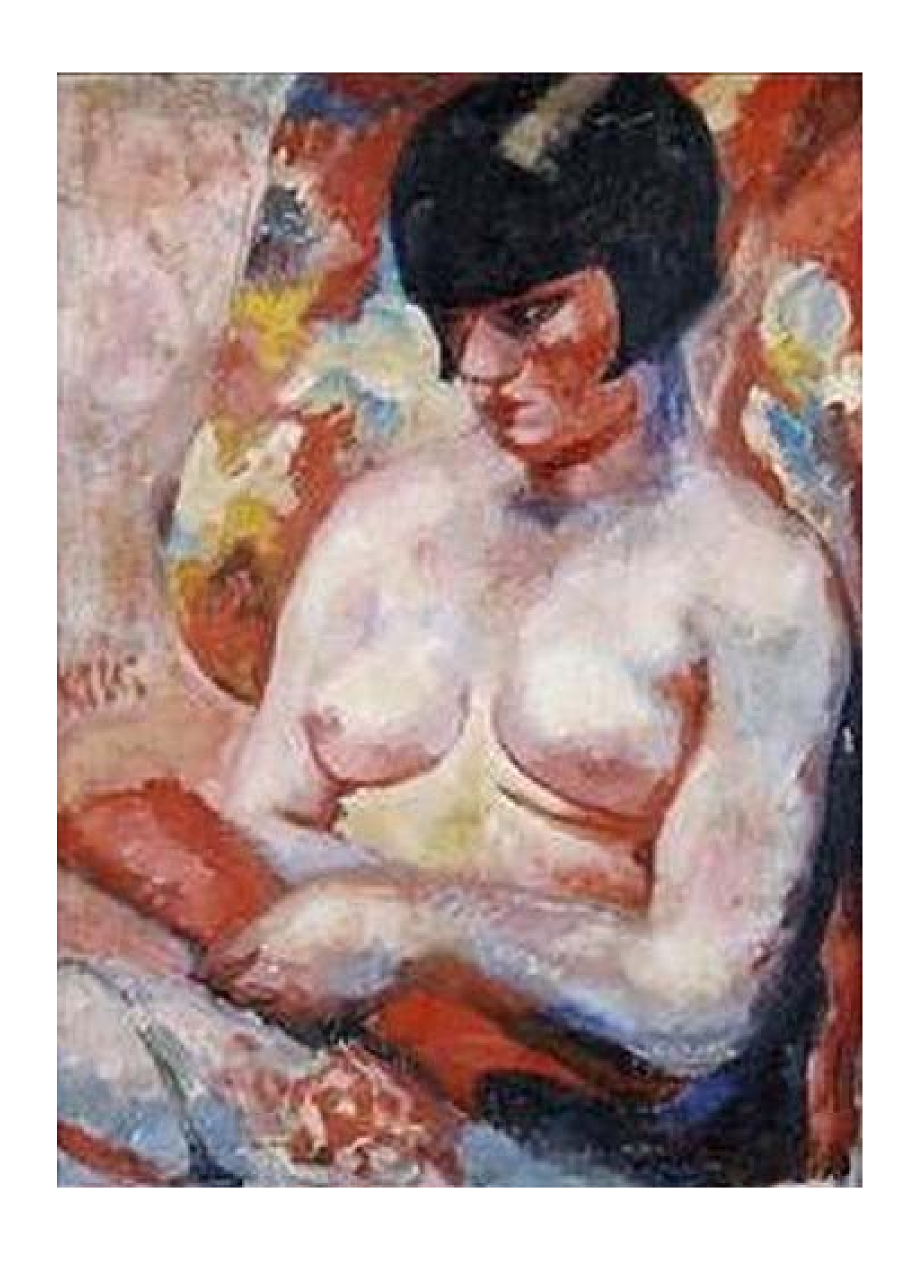

Хаим Сутин

Мы зашли в квартиру, в которой было чуть теплее, чем снаружи, и Сутин провел ночь, сжигая в камине все что мог, чтобы нам было тепло. В тот день я втюрилась в Сутина, и мы какое-то время постоянно встречались.

У него была пара друзей, которые тоже были очень добры ко мне. Из нашей четверки получился удачный квартет! В те дни я приоделась в лучшие наряды квартала – мужскую шляпу, старый плащ и туфли на три, можно сказать, размера больше...

Было бы чуточку теплее, я бы ходила босиком, чтобы не падать на каждом шагу.

Хаим Сутин (?). *Портрет Кики*

XIV

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ В АРТИСТИЧЕСКИХ КРУГАХ

Я работала на фабрике Сен-Кен, когда было принято решение уволить всех молодых работниц и оставить только замужних женщин в возрасте – тех, у кого либо мужья на фронте, либо малые дети дома. В очередной раз я осталась без работы и денег.

Я часто прогуливалась у «Дома» или «Ротонды»* в надежде увидеть каких-нибудь художников. Мне с трудом хватило нахальства потратить пару франков, расфуфыриться и заявиться туда, чтобы заработать на чашку кофе и прочее. По воле судьбы там я встретила какого-то ма-

лого, который одалживал мне пальто на ночь, и познакомилась с кучей его приятелей, но они были в таком же плачевном положении, что и я.

Это были молодые художники, в чьи дома я ходила, чтобы позировать или петь до утра. Мы пили чай. Один из них много путешествовал и рассказывал нам много интересных историй. И был там один юный блондин, к которому я почувствовала определенный интерес. Мы провели какое-то время вместе, простаивая в баре «Ротонды», но Либиону не нравилось, как я выгляжу – ведь у меня не было шляпки*. Он позволял мне стоять в баре, но не пускал в заднюю комнату. Как я завидовала тем красивым женщинам, которые сидели там как у себя дома! Кто-то подарил мне шляпку, и Либион чуть приободрился... Кажется, он привык к моей роже!

Андре Кертес. *Кафе «Дом»* (1925)

Я познакомилась с другими людьми и все больше и больше позировала. Я не очень люблю позировать, потому что у меня волосяной покров не развит так, как ему положено на определенном месте, и я вынуждена прикрываться черной шалью.

Но я умею создавать прекрасную имитацию волос!

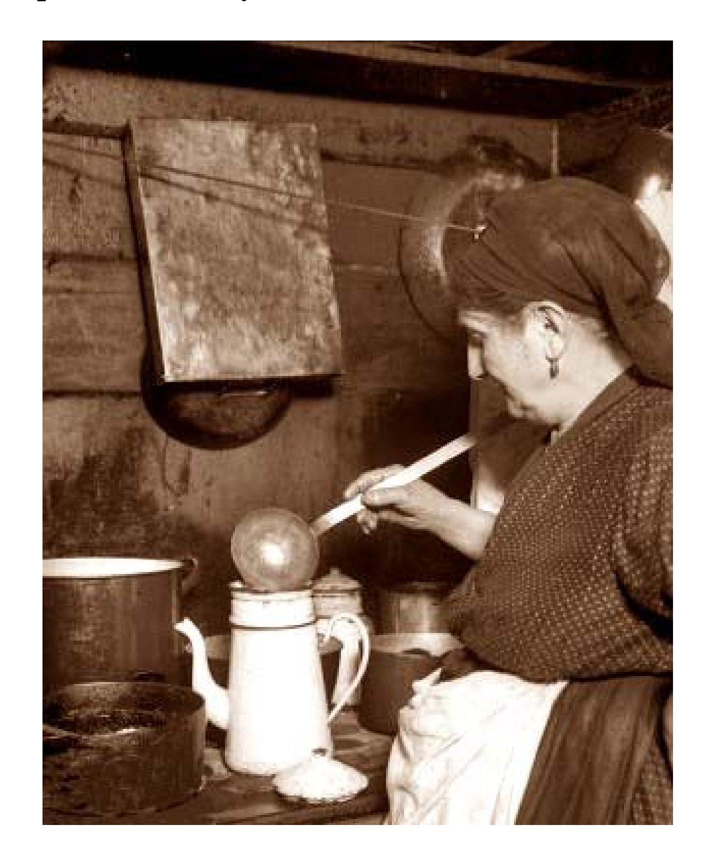
XV

МОНПАРНАССКАЯ ЖИЗНЬ

Я постепенно вошла в артистические круги, полные очаровательного беспутства. Так как у меня не всегда была своя комната, я порою жила с разными людьми, чаще всего с замужними парами. Я была настолько счастлива, что от нищеты не оставалось даже и осадка, и слова брюзгливость, меланхолия и хандра казались мне неведомо иностранными и совершенно меня не касались. К тому же я не знала, что значит болеть.

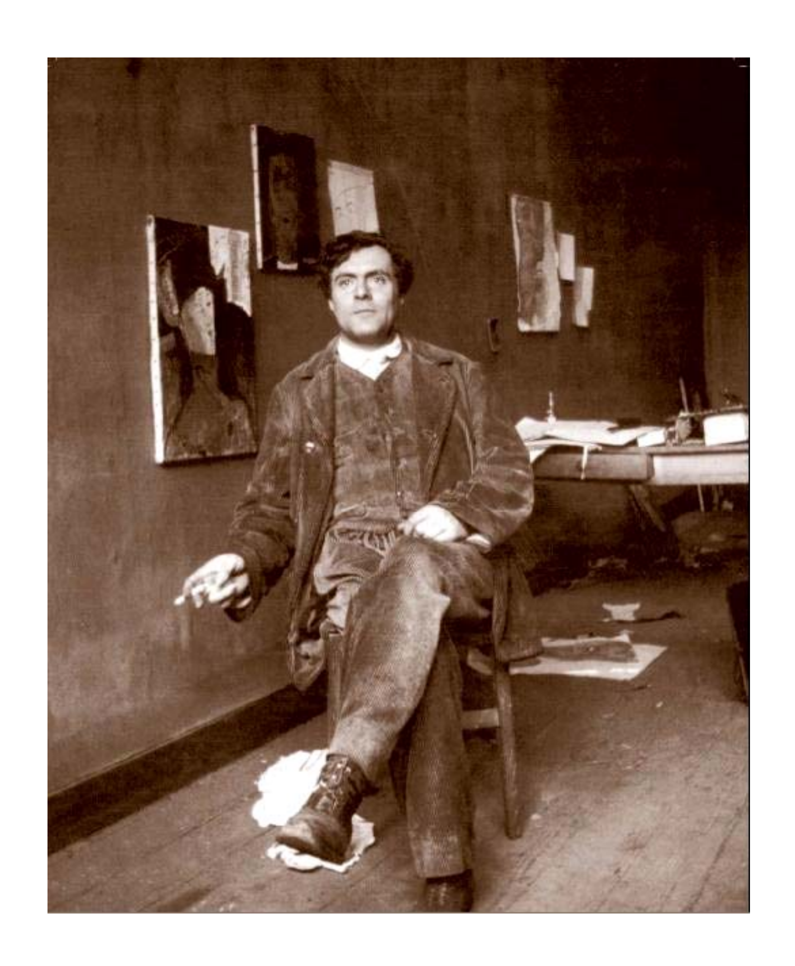

Обедать я заходила в «У Розали» на улице Кампань-Премьер. Там я заказывала суп. Порой мне сильно доставалось за то, что я имею наглость тратить там не больше шести су за суп*. А иногда почти всхлипывающая Розали кормила меня чуть ли не бесплатно.

Розали Тобиа на кухне своего ресторанчика

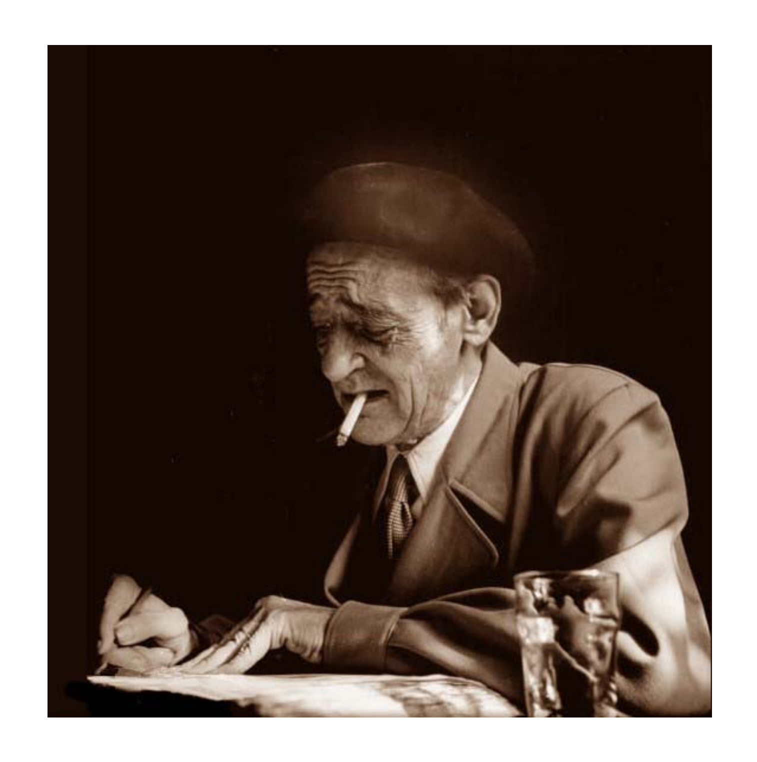
Из посетителей Розали больше всех выводил из себя Модильяни*. Он только и делал, что брюзжал и повергал меня в содрогание от головы до ног.

Амедео Модильяни

Но как он был хорош!

И был там Утрилло*, которого я помню плохо. Помню только, что однажды, попозировав ему, я подошла посмотреть, что у него получилось, и чуть не упала, обнаружив, что он нарисовал деревенский домик. Какие-то люди подходили с картинами, которые он нарисовал на углу

Нат Фарбман. *Морис Утрилло* (1949)

стола. Они очень хотели, чтобы он их подписал, и уходили довольные до одурения.

XVI

1918

Я поселилась с одним художником*. Нашу жизнь нельзя назвать светской, но с голоду мы не помираем! Я должна найти работу и выстаиваю очереди в агентства по трудоустройству. Я устраиваюсь в «Потен». За сто франков в месяц я споласкиваю бутылки*.

Морис Менджицкий. *Кики* (1919)

И вдруг по воле случая у меня вырастает зуб мудрости, который настолько уменьшает мой рот, что в него не пролезает даже ложка. Не имея возможности есть, я не могу продолжать подставлять руки воде и мыть бутылки, ведь от этого голод мой только увеличивается!

Я нахожу другую работу – в переплетном цеху. После восьми часов работы один из моих пальцев почти пропилен надвое. Потом у меня начинается гнойное воспаление подушечки пальца, и я вынуждена уволиться.

Ну что за напасть!

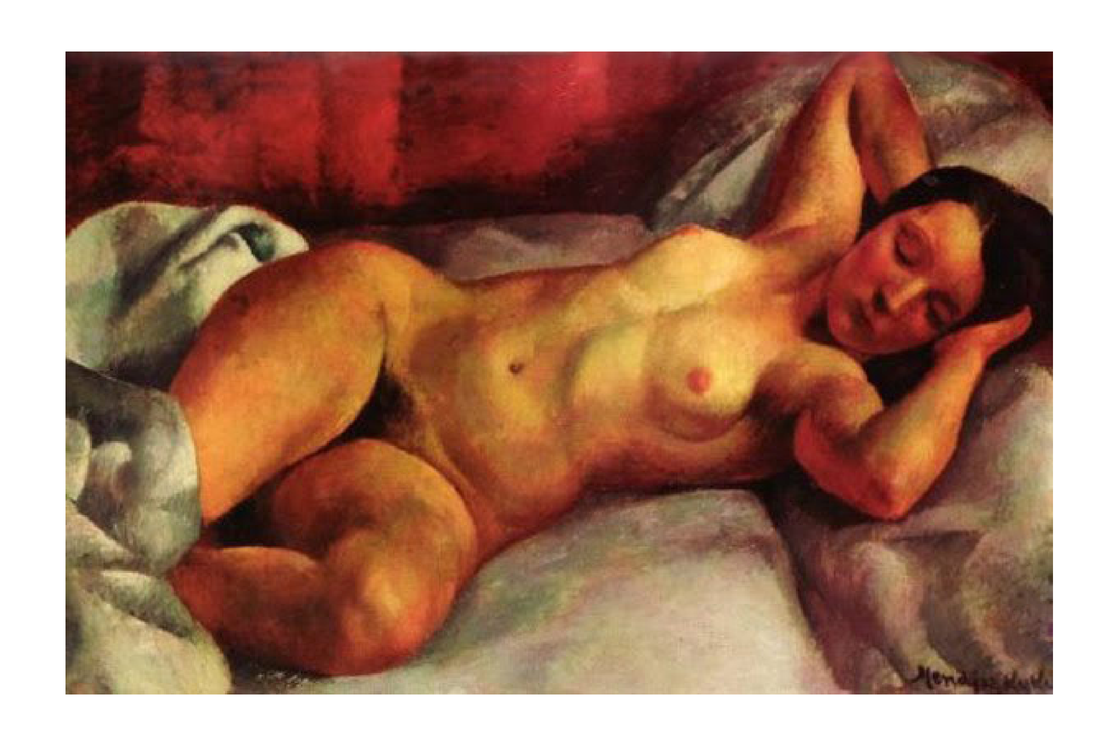
От большого количества выпитого чая и съеденных гренок здоровье мое оставляет желать лучшего, и как-то вечером я ложусь в постель в полной уверенности, что умру. Я так страдаю от боли в сердце, и приятель мой так пугается, что хватает половую тряпку, мочит ее в воде и начинает тереть меня ею. Боли не прекращаются, и я накидываю пальто на тело, не прикрытое ни единой тряпочкой, и отправляюсь в больницу «Кошен»* пешком.

Там меня ставят под душ и одевают в больничную одежду. Сердце не перестает болеть, и молодой начинающий врач смотрит на меня вселяющим ужас взглядом и что-то шепчет на ухо моему другу. Сердцебиение от этого не унимается. Потом медсестра укладывает меня в кровать и говорит: «Вот видишь, что случается с плохими девчонками!»

Эти идиоты думали, что я принимала кокаин!

В больнице я провела четыре дня. Время от времени на меня находили сердечные приступы. Доктора говорили: «Это нервы, и ничего тут не поделаешь!»

Я не могла больше там находиться. Мне казалось, что я умру от страха, особенно по вечерам в огромной комнате, освещенной одной лампой* и заполненной стонами и предсмертными хрипами...

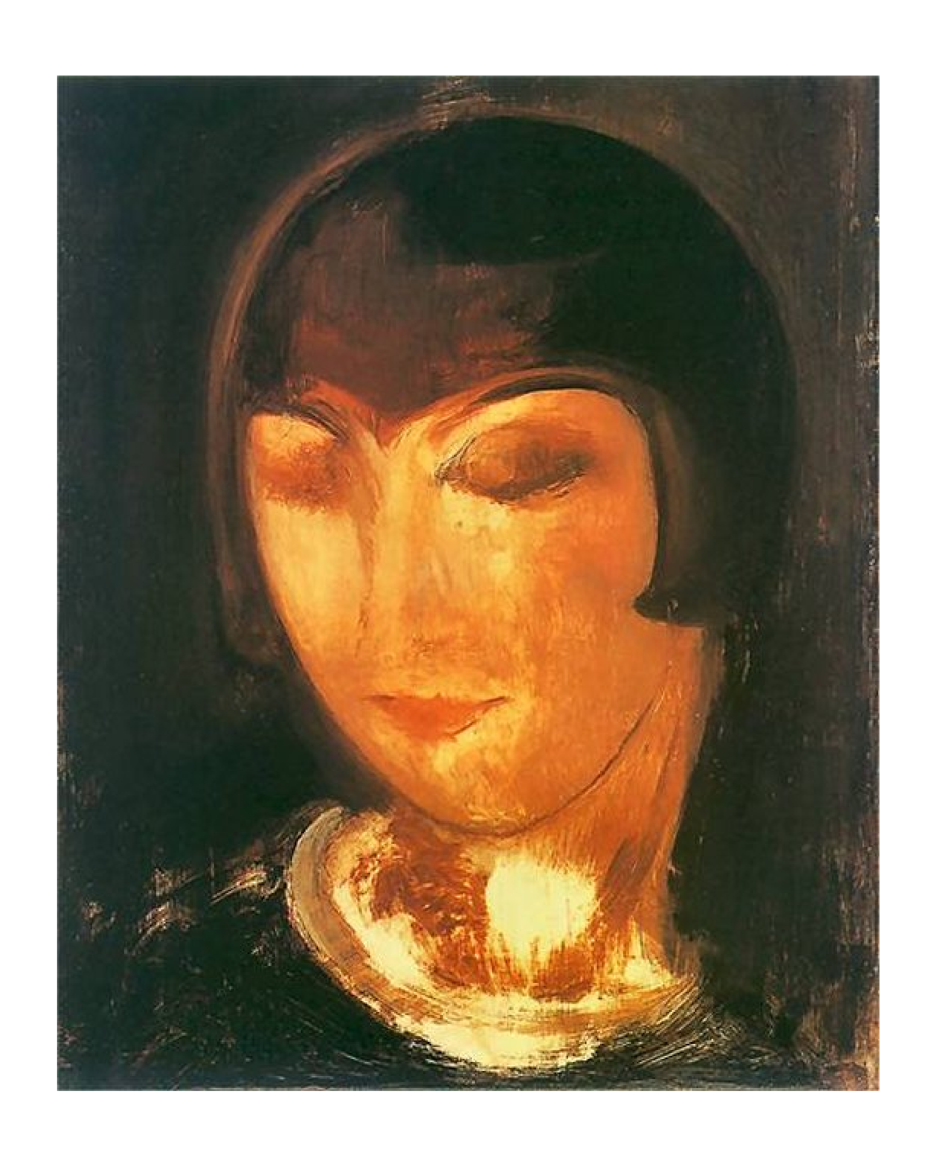

Морис Менджицкий. *Кики* (1920)

Медсестры были грубиянками и надменными нахалками. Я попала в переделку с одной из них из-за 101-летней старушки, описавшейся в постели. Медсестра орала ей в ухо: «Тебе не стыдно, в твоем-то возрасте!» И когда однажды бедная старушка попыталась попросить горшок таким слабым голосочком, что медсестре не было слышно, я поднесла руки ко рту рупором и закричала:

– Горшок, пожалуйста!

Медсестру это разозлило. Я ей объяснила, что, как мне кажется, я пришла сюда умирать и что так как мне это, по всей видимости, не удастся, я собираюсь покинуть больницу завтра утром. Я поговорила с врачом и выписалась. Мне просто интересно, не легче ли было бы таким нетерпимым женщинам, как эта медсестра, пойти подметать улицы.

Густав Гвоздецкий. *Кики с Монпарнаса* (1920)

XVII

1920

Сегодня утром я выхожу из дома очень рано.

Я иду в «Ротонду» или в бар «Парнас»*, где каждое утро бесплатно завтракает полдюжиной булочек один араб. Я хочу попробовать то же самое.

Эжен Атже. *Кафе в шесть утра* (1924)

Там я нахожу Хуссона, который просматривает журнал «Монпарнас»*. В тот вечер я выхожу на террасы ресторанов и продаю его журналы. Я получаю по пять су за каждый проданный номер, а этого, знаете ли, хватает на

кусок хлеба с маслом! Да и потом, меня часто просят показать грудь за десять су.

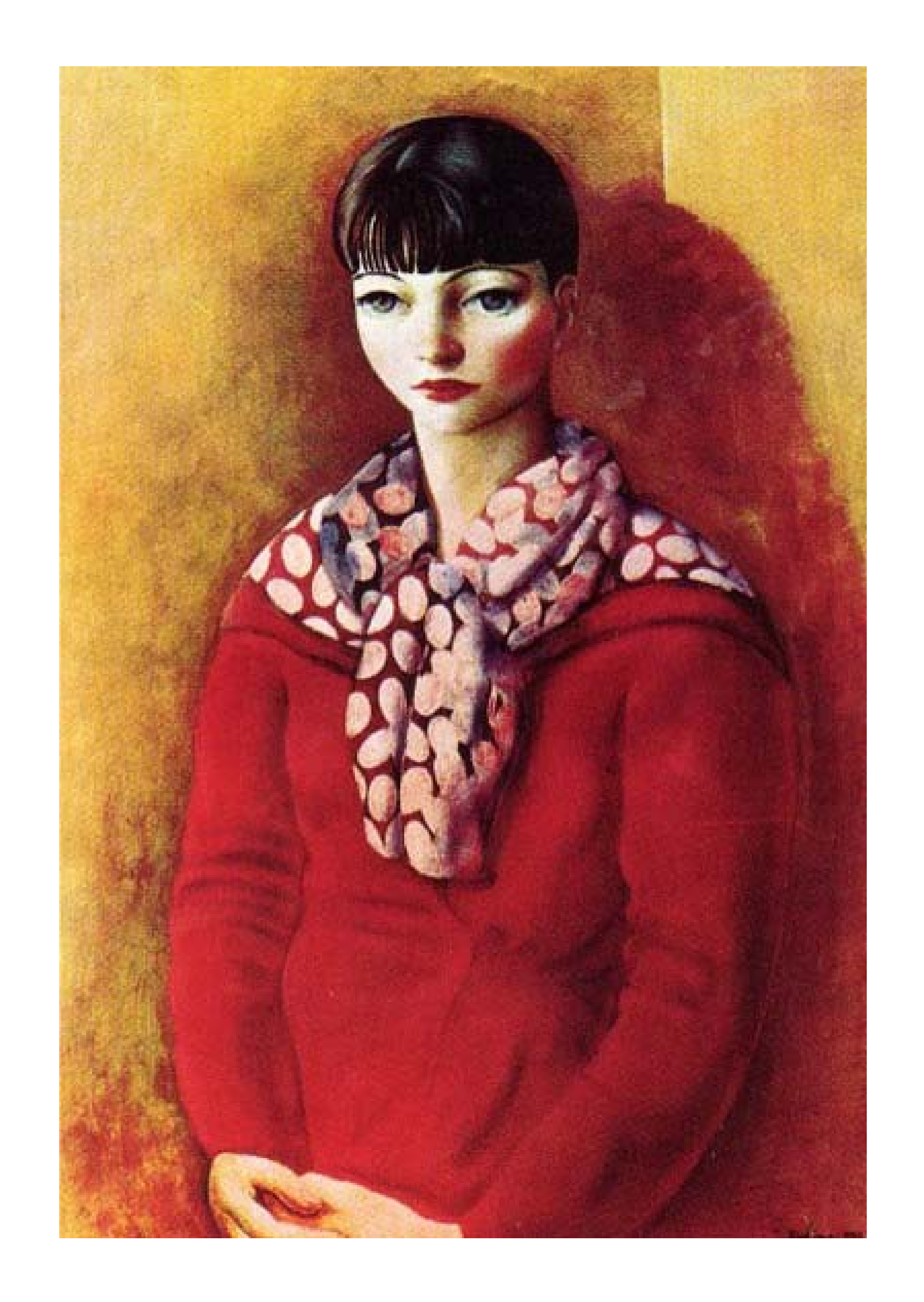
Уговаривать меня не приходится!

В «Ротонде» только что открылся новый зал, и я больше не хожу в «Парнас». Мне нравится яркий свет и картины на стенах. И потом, в «Ротонде» всегда нарядная толпа.

Пегги Бэкон. *В «Ротонде»* (1921)

Я в хороших отношениях с посудомойкой, и она позволяет мне есть вместе с нею. О ней хорошо заботятся, потому что Броссе считает, что она ресторану очень выгодна! Повара разогревают для меня воду, и я принимаю ванну в посудомоечной. Какая разница – я чувствую себя там как дома!

Моисей Кислинг. *Девушка в красном* (1920-е)

XVIII

КИСЛИНГ

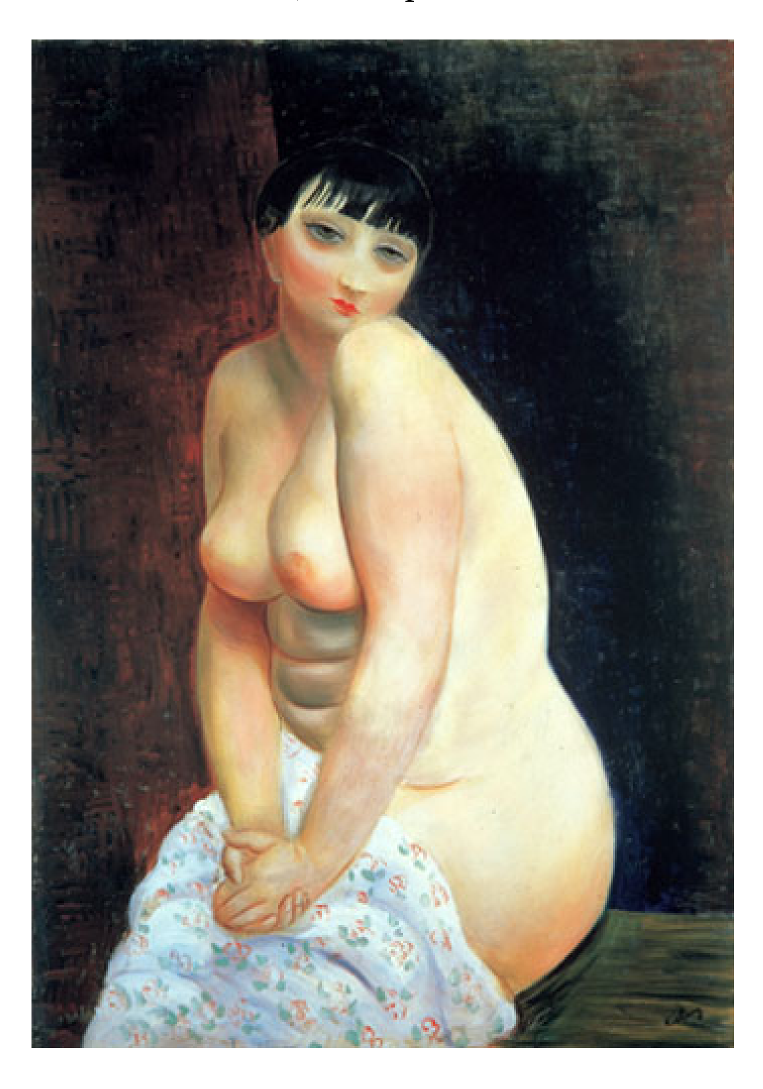
В «Ротонде» появился новый клиент с сильно обгоревшим на солнце лицом. На лбу у него челка, и он кажется немного грубым. Я стараюсь не смотреть на него, ведь я только что услышала, как он спросил управляющего: «Что за новая шлюха?»

Мне это не нравится.

Моисей Кислинг (слева), Пакеретт и Пабло Пикассо в «Ротонде»

Я ничего не говорю, потому что он меня немного пугает, но, не теряя времени, обсуждаю это со своим другом. «Это же Кислинг», – говорит он восхищенно.

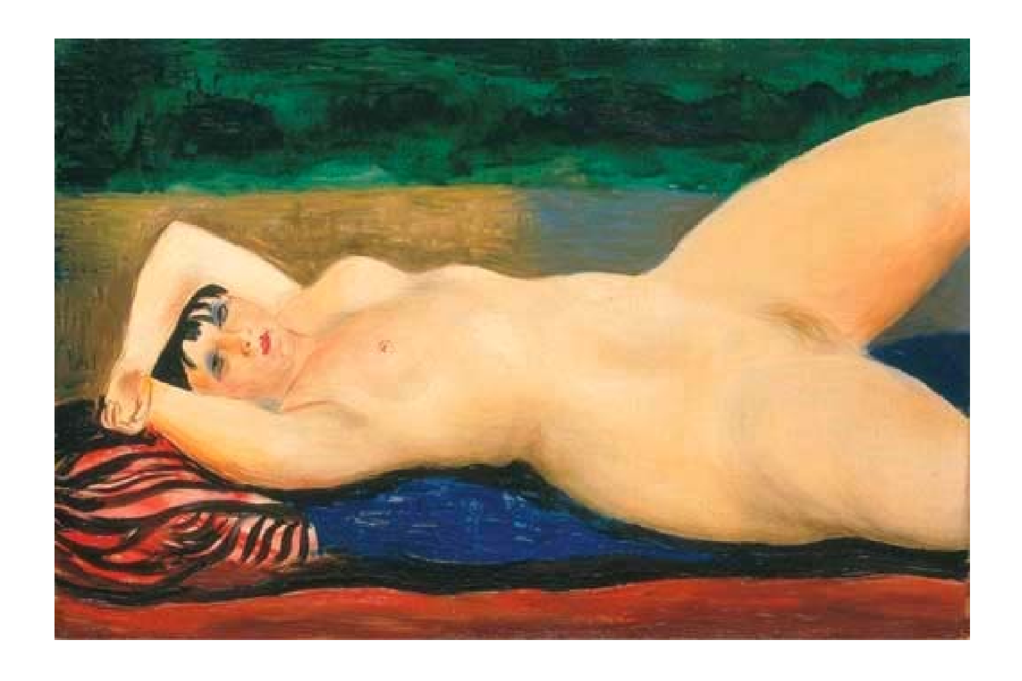
Моисей Кислинг. *Сидящая модель* (1920-е)

А потом меня знакомят с Кислингом!

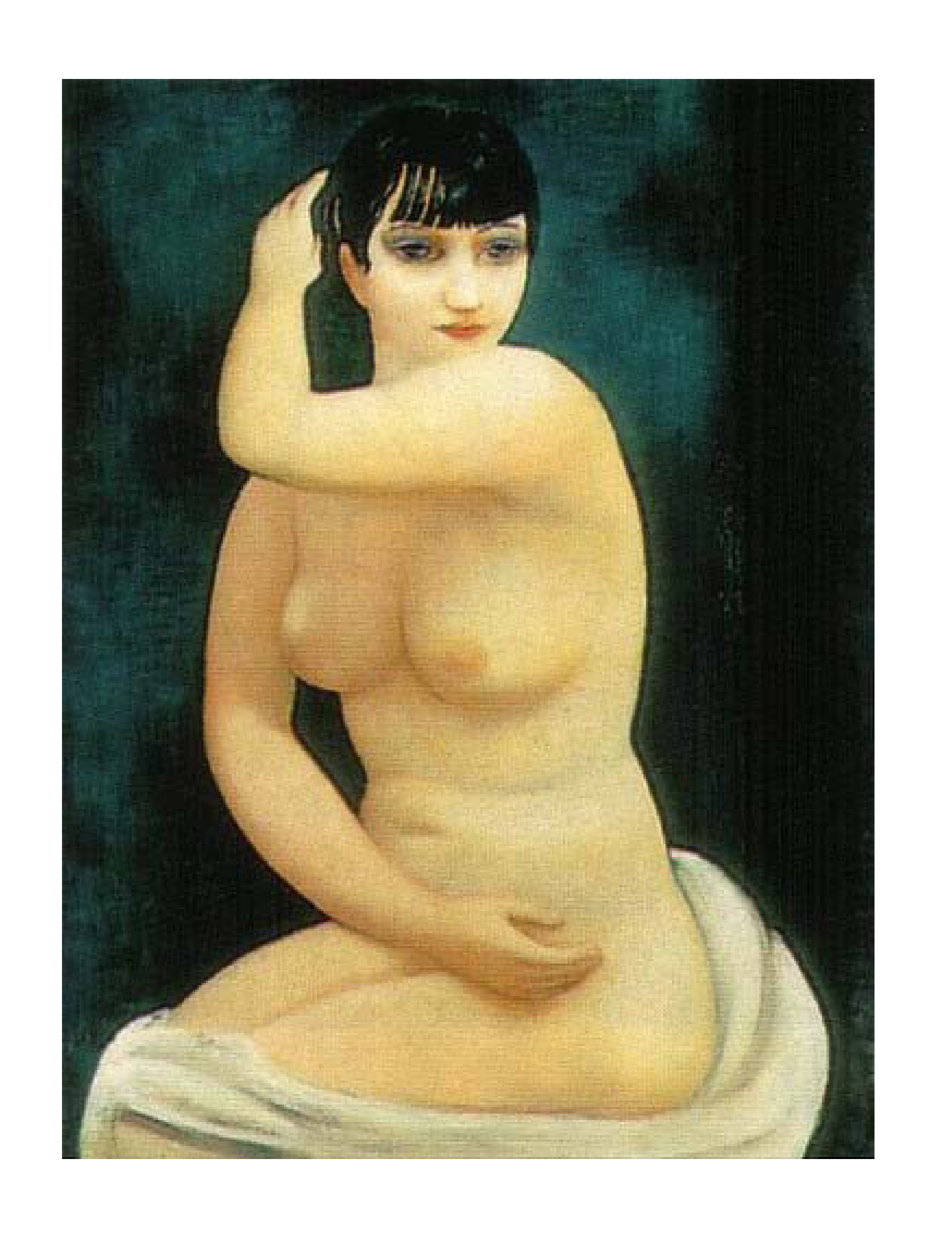
Увидев меня вблизи на террасе, он начинает задавать мне разные вопросы, называет меня блядью и старой сифилитичкой и делает это самым дружелюбным тоном на свете.

Я оскорблена и принимаю решение не разговаривать с ним.

Обидно! Потому что он мне нравится.

Моисей Кислинг. *Кики* (1927)

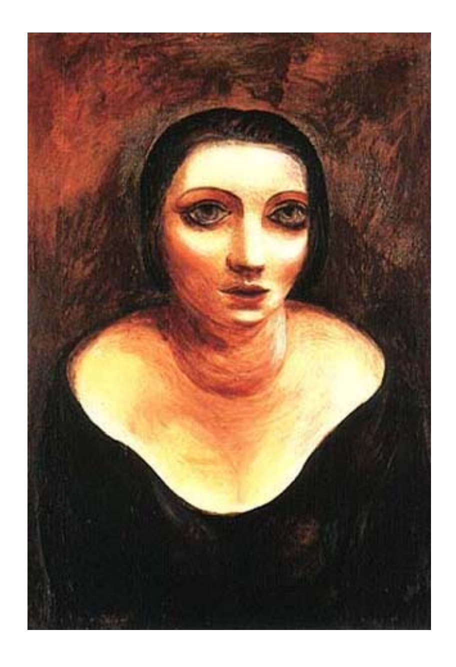

Моисей Кислинг. *Сидящая обнаженная* (1920-е)

XIX

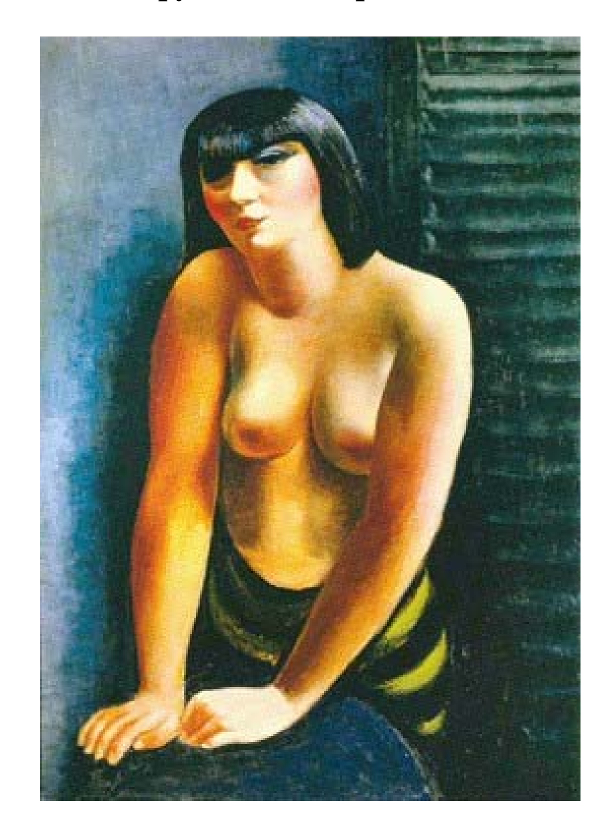
ПОЗИРОВАНИЕ

Кислинг обещает меня больше не ругать и дает мне контракт на три месяца. Но я почти всегда оказываюсь ужасной моделью. Он испускает дикие крики, пытаясь рассмешить меня, или издает всякие смешные звуки, и мы соревнуемся, у кого лучше получится. Это единственное, что еще может вызвать у меня смех. И потом, он такой хороший: я ворую у него мыло и зубную пасту, а он делает вид, что не заметил – он самый чудесный парень в мире!

Моисей Кислинг. *Женщина в платье с вырезом* (ок. 1922)

Потрясающий дружок для игр!

Моисей Кислинг. *Обнаженная модель (*1920-е)

Зборовский* взбирается по лестнице к нам несколько раз за утро, чтобы насладиться зрелищем и понаблюдать за работой.

Заходит и Фелс*. Я не боюсь его. Он оглядывает меня с ног до головы, как будто перед ним кусок говядины на витрине мясной лавки. У него многозначительная улыбочка и пара хитрых глаз. Он прекрасно знает, на что смотрит!

Пер Крог. *Обнаженная Кики* (1928)

XX

1922 ФУДЖИТА

Я позировала и Фуджите.

Во мне его изумил факт отсутствия волос на моем лобке. Он любил подходить и утыкаться носом чуть выше того самого места, думая, что увидит ростки волос, появившиеся за время позирования. Потом он затягивал своим тоненьким голосочком: «Отинь смисно - нет волёси! Пасиму твои ноги таки грязний?»

Фуджита. *Кики* (1929)

Я обожала ходить босиком и забыла уложить пол коврами!

Фуджита за работой

Продав картины, для которых я позировала, он давал мне две-три сотни франков. Иногда он складывал трубочкой сорок су* и держал деньги в руке как можно выше. Видели бы вы, как я за ними летала! Но я была просто без ума от него! Он был прелесть. Я часто заходила к нему и наблюдала за ним в работе.

Он просил меня спеть Луизу*, и я начинала изображать оркестр. Одна из флейт немного выбивалась, и он взрывался смехом и вновь говорил: «Отинь смисно!»

Еще один славный парень, простой и милый.

XXI

МАН РЭЙ

Я познакомилась с американцем, лучшим фотографом*. Я собираюсь ему позировать. Мне нравится его акцент и некая загадочность.

Ман Рэй. *Кики с Монпарнаса* (1923)

Он говорит мне: «Кики, не смотри на меня так! Ты меня расстраиваешь!»

Ман Рэй. *Кики в квартире Ман Рэя на улице Кондамин* (1921)

Я сходила в кино на «Даму с Камелиями»*. Так мы и сидели, взявшись за руки, и с нами была Васильева* (я с ней почти не знакома). Она понимающе смотрела на нас. И вот он становится моим возлюбленным*. Прежний собирается уезжать, и я не могу решиться последовать за ним.

Он уезжает.

Я остаюсь!

Я продолжаю жить, как ни в чем ни бывало.

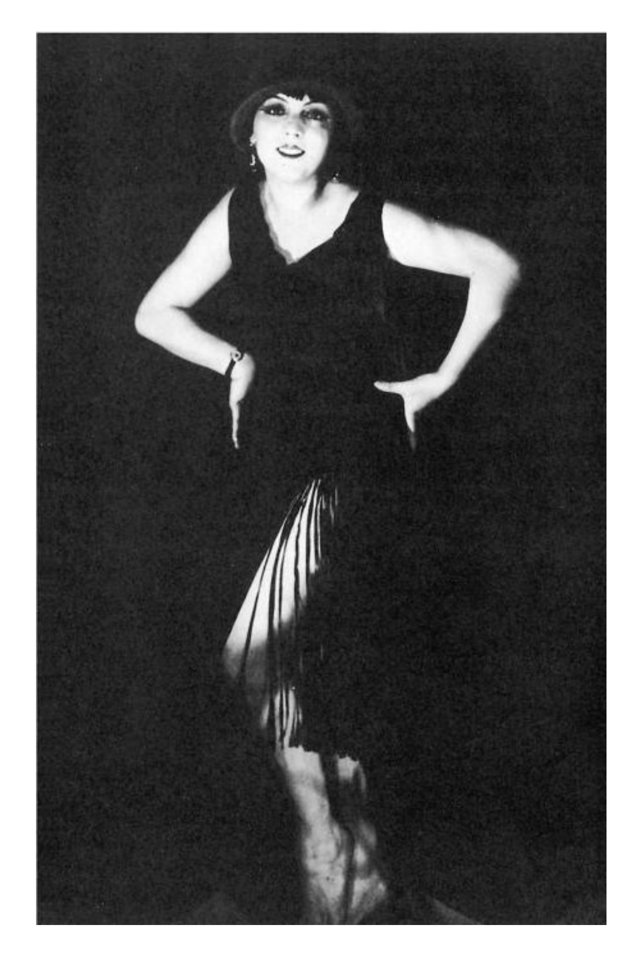

Ман Рэй. *Кики с Монпарнаса* (1922)

Мой новый возлюбленный не слишком богат, но на еду нам хватает, и голод мы утоляем то в «Делма», то в «У Бретелль» или «У Розали».

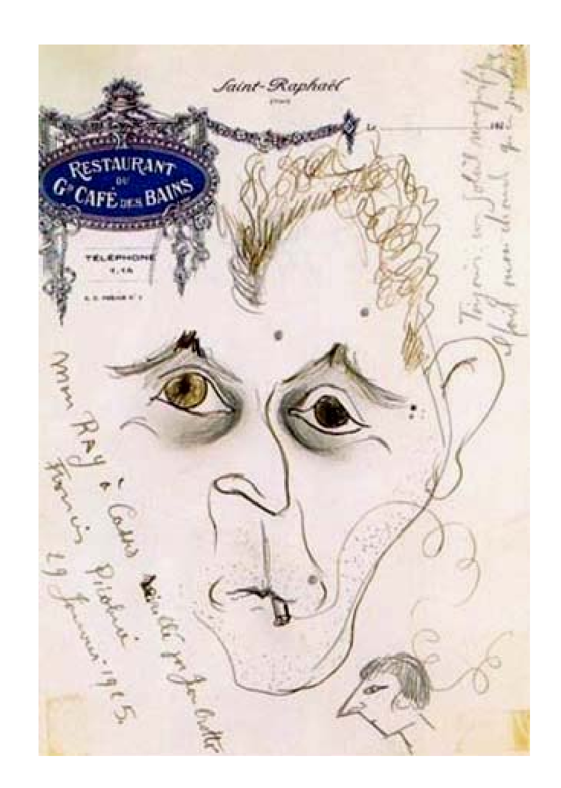

Ман Рэй. *Кики* (1925)

Он фотографирует людей в нашем номере*, а вечером я лежу, вытянувшись на постели, пока он работает в тем-

ноте. Мне видно его лицо, освещенное красной лампочкой: он похож на дьявола во плоти, и я, как на иголках, не могу дождаться, когда он закончит. Мы общаемся с публикой под названием дадаисты, а некоторых из них называют сюрреалистами. Как по мне, так я не вижу особой разницы между ними! Среди них Тристан Тцара, Бретон, Филлип Супо, Арагон, Макс Эрнст, Поль Элюар* и прочие...

Ночи мы проводим в разговорах, от которых мне совсем не скучно, хотя я в них ничего не понимаю.

Франсис Пикабиа. *Портрет Ман Рэя* (1925)
с автопортретом Кики

Я восхищена его творчеством – он делает очень красивые фотографии. Самое большое впечатление на меня производит фотография маркизы Казати*, выполненная сквозь стеклянную чашу с водой и листьями. Маркиза чуть шевельнулась, и это произвело удивительный эффект.

Ман Рэй. *Маркиза Казати* (1922)

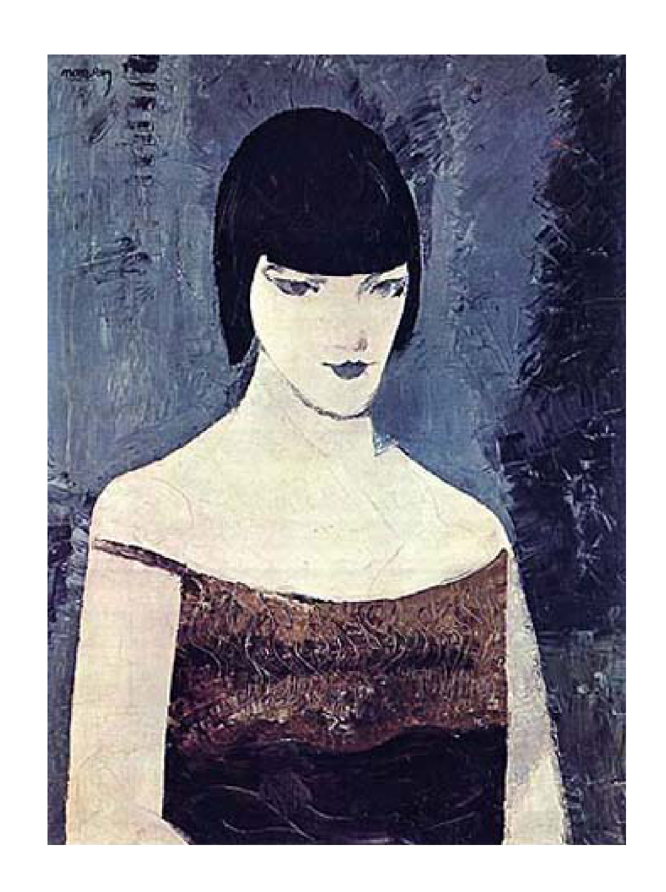
Должна вам сказать, что в этом простом и маленьком гостиничном номере у него перебывала вся аристократия и самые известные на сегодня люди.

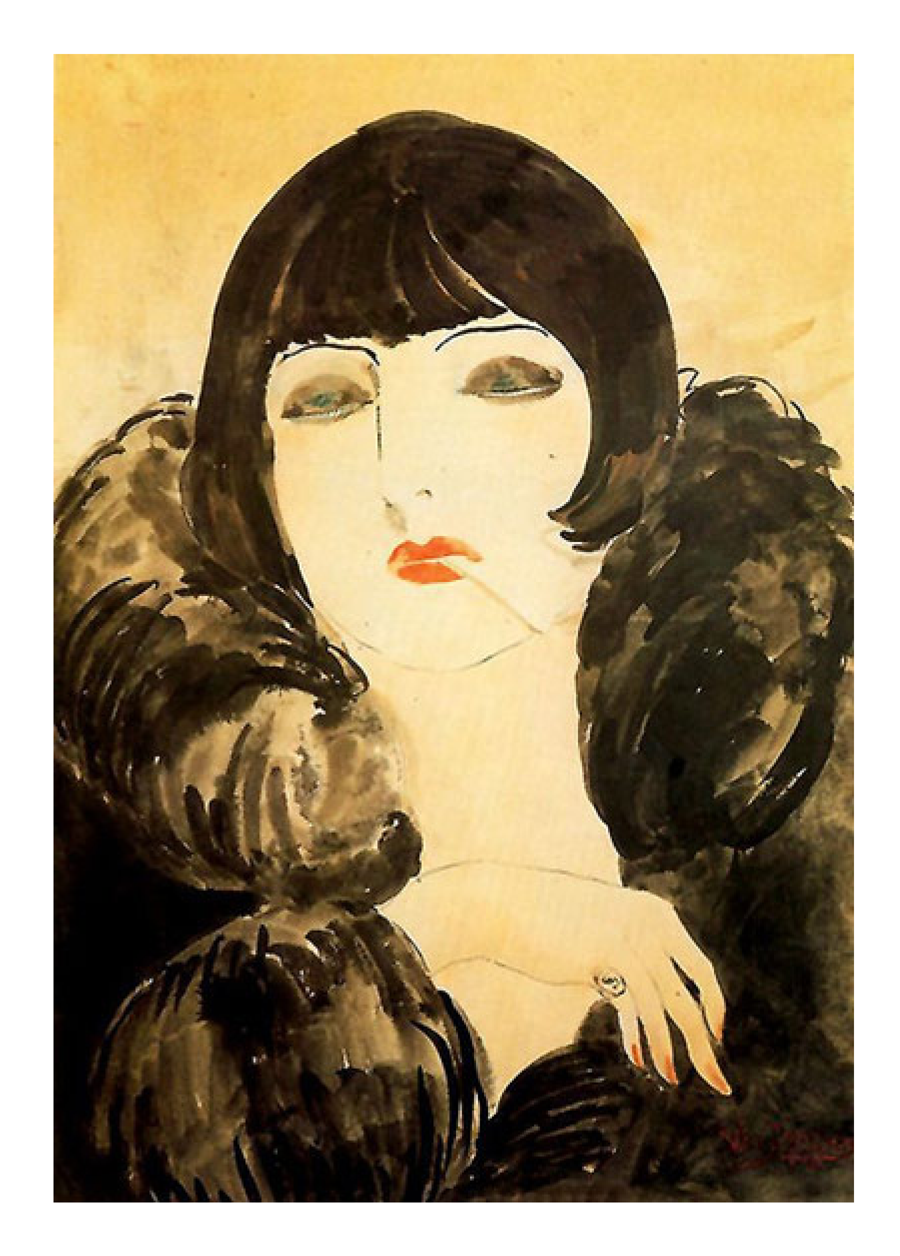
Ман Рэй. *Черное и белое* – варианты (1926)

Ман Рэй. *Кики* (1923)

Ман Рэй никогда не переставал быть ни художником, ни фотографом. Его картины тоже достаточно удивительны. Так же как и в его фотографиях, в картинах присутствуют лишь три цвета – черный, белый и серый. Ман Рэй приходит в отчаяние, считая, что у меня негритянские вкусы: я слишком люблю яркие цвета!

А ведь он с любовью относится к черной расе...

Кеес ван Донген. *Кики* (1922)

XXII

ЖОКЕЙ

Мы открыли новый ночной клуб, обещающий стать популярным местечком. Своим названием «Жокей» он обязан жокею Миллеру, имеющему долю в клубе. Художник Хилер играет на пианино и как он играет! Хилер из скрытных парней. Он носит маску мечтательности, помогающую ему в делах, и прячется за своими большими ушами. Именно ему мы обязаны красивым оформлением*. Стены покрыты наистраннейшими плакатами, и каждый вечер мы собираемся под ними одной большой

Жан Оберле. *В «Жокее»*

семьей. Все много пьют и все счастливы. Приходят кучи американцев, и какие же они все милые!

Каждый клиент имеет право делать все, что вздумается. Есть там один очень толстый, приземистый русский, который упорно настаивает на русских народных танцах. Он может только приседать, и кто-нибудь должен взять его под руки, чтобы помочь встать на ноги. И есть там прекрасная Флориан, которая очень любит исполнять шаловливые танцы, перепрыгивая все границы... и заодно присутствующих*. Проходят месяцы и годы, а «Жокей» все в моде – популярная приманка квартала. У него новый хозяин – славный Дадди Лондиш* и новый управляющий Анри. Он веселится вместе с клиентами. В повальной драке каждый драчун кажется ему правым! Он никогда никому не противоречит, а ведь сам первоклассный боксер! По мне, так он невероятный человек!

Выступающим в клубе позволяют пускать шапку по кругу. Одну певицу зовут «Шифон». Она очень жизнерадостна, но любит стоять за пианино, чем сводит оркестр с ума. И она так мило шепелявит! О, да... есть у нее и еще кое-что, что пользуется популярностью у публики! Она... ну, она ростом чуть пониже 150 сантиметров, и я имею в виду, на каблуках! Но Шифон потрясающая девчонка, и все ее обожают.

И еще там выступают ресторанные певицы из тех, что считают себя такими испанками, что и словами не описать – с толстыми ногами и тонкими бедрами. Как говорит Шифон, они дерьмо дерьмом. Вдвоем с Шифон мы даем им знать, когда вступить. Мы замечаем, что публика начинает шуметь во время их номера. Новенькие не особо расходятся, потому что остальным кажется, что они всех перебивают. Я, со своей стороны, не могу петь не разойдясь, и совершенно не понимаю, как такие женщины могут выступать, как поссать присели. Мне ка-

Брассай. *Кики выступает в монпарнасском ночном клубе* (1930-е)

жется, у меня хороший слух, но ужасная память, и мне повезло, что со мной подруга – «Трез»* вовремя подсказывает и помогает мне в роли суфлера. Это она расскажет мне завтра, что вчера ночью, полупьяная, я назначила по меньшей мере двадцать свиданий с парнями. Мы с Трез очень близки! Что бы мы ни отдавали или получали, включая удары в нос и что угодно другое, мы делим пополам! Весь Париж приходит повеселиться в «Жокей». Все звезды театра и кино, писатели и художники... Часто приходят Ван Донген, Кислинг, Пер Крог, Фуджита и Дерен...*

Пер Крог. *Тереза Трез* (1920-е)

Кики и Шифон

И почти ежевечерне заходит Иван Мозжухин, чьи красивые глаза имеют такой успех у дам! Его прозвали Кином* в честь популярного тогда фильма... Заходил и Жак Катлен*, опуская свои прекрасные, застенчивые глаза, а какие там бывали красивые женщины, какие наряды!

Кики в фильме Марселя Л'Эрбье «Жестокосердная красавица» (1924)

XXIII

НЬЮ - ЙОРК

Я еду в Америку*.

Я очень волнуюсь. Я боюсь, что Нью-Йорк окажется не таким, как в кино.

Я путешествую на борту английского корабля, и в этом нет ничего увлекательного! Нас три женщины в одной каюте. Когда я пытаюсь вскарабкаться на свою кровать, одна из них спит на спине с широко открытым ртом. Она желтая, как лимон, с белыми волосами и зубами, выпирающими до середины каюты. Другая женщина вовсю храпит за задернутыми занавесками. Моя койка расположена так высоко, что я не могу загрузить на нее свое тело. Поэтому я иду спать в коридор. Когда я утром возвращаюсь в каюту, женщины кидают на меня злые взгляды, но я объясняю, что не смогла взобраться на койку без лестницы. По утрам царит ужасная тоска. Обладательница длинных зубов проводит целый час за их чисткой, а после наступает очередь другой. Они очень дружелюбны ко мне, и я, выказывая солидарность, показываю им свои зубы.

Я пью много шампанского. Ноги деревенеют, но морской болезни у меня нет. И все же по утрам я не ем ничего, только выпиваю чашку кофе. Мысли о Монпарнасе навевают печаль. Пространство из сплошной воды вокруг приводит меня в содрогание, особенно когда море бурное.

Корабль скрипит и стонет, и мы часто останавливаемся из-за тумана.

Мы прибываем ночью.

Я с нетерпением жду утра, чтобы, наконец, выйти на прогулку. Я поселяюсь во французскую гостиницу «Лафайет», где меня угощают хорошим вином. Оно напоминает о родном Париже, хотя вино теряет свой вкус из-за чашек, в которых его подают.

Я хожу в кино почти ежедневно. По утрам я езжу на автобусе, потому что так можно увидеть весь Нью-Йорк. Местные ни на кого не обращают внимания, и вы можете ходить по улицам, не беспокоясь о том, что к вам пристанут полицейские.

Кики.
В Нью-Йорке
(1923)

Я не снялась в фильмах студии «Парамаунт». Я сходила к ним на пробу, но перед тем как зайти в студию, захотела поправить прическу. Поняв, что забыла расческу, я так разозлилась, что поволоклась назад домой. Кто знает, может быть, это было к лучшему и мне повезло! В кино ходить намного приятнее, чем в нем сниматься. Помнится, когда я в первый раз попыталась сыграть в кино во Франции, меня чуть не разорвали обезьяны, потому что я их не очень люблю. Это был фильм «Галерея монстров». Со мной пытался переспать медведь*, и свет слепил глаза.

Но, как говорится, это уже отдельная история!

Я пробыла в Нью-Йорке три месяца.

Афиша фильма Жака Катлена «Галерея монстров» (1924)

XXIV

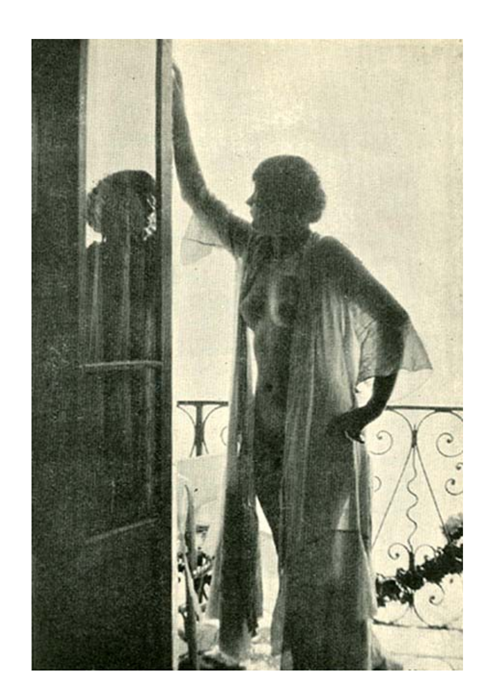
ВИЛЬФРАНШ 1925

Вот я и в Вильфранше*.

Февраль, идет дождь, и я слегка простужена.

Я скучаю по своему клубу «Жокей».

Мне дали хорошую комнату на четвертом этаже. Я делю ее с подругой. Мы спускаемся в гостиничный бар и знакомимся там с американскими моряками*. Я выхожу на сцену и заявляю: «Я немного боюсь этих громадных бандюг!» Потом я начинаю чувствовать себя в этой гостинице как дома.

Кики. *В Вильфранше* (1925)

Я встречаю массу старых друзей: американку с ее братом, Жана Кокто с несколькими друзьями и прочих… Начинает появляться ощущение семейной вечеринки и к тому времени все моряки тоже становятся моими друзьями.

Кики. *Моряки* (1928)

Мы начинаем танцевать около пяти вечера и заканчиваем в три утра. На вечеринках присутствует определенное количество женщин из Марселя и Ниццы, таскающихся за кораблем, на котором плавают их любимые. Среди них есть проститутки с классом – с хорошими манерами, можно даже сказать, элегантные, но слегка неряшливые. Когда корабль покидает порт, они выстраиваются на берегу с платочками и горько рыдают! Они подходят к краю пристани так близко, чтобы каза-

лось, будто они уходят в плавание вместе со своими возлюбленными.

И так они продолжают рыдать в течение целых восьми дней!

Днем они пишут письма, а по вечерам пытаются забыться с другими моряками.

Только что приехали Трез и Пер Крог. Они без ума от красавцев моряков. Мы усыновили пятерых или шестерых морячков и не расстаемся с ними.

Пер Крог неустанно пишет их. В перерывах он щиплет меня за задницу. Трез это веселит, а мне от этого никак. У меня такой зад, что его ничем не проймешь.

Тереза Трез. *Кики на отдыхе* (1920-е)

Пер Крог. *Кики* (ок. 1928)

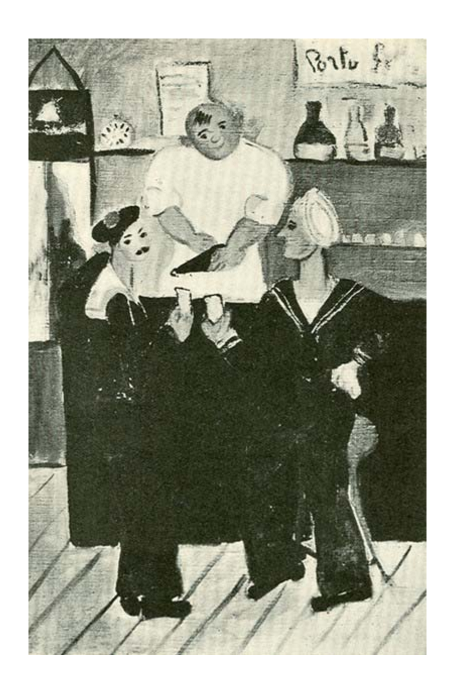
XXV

НЕПРИЯТНОСТИ С ЗАКОНОМ

Пер Крог, Трез и кое-кто из других друзей уехали в Париж. Я остаюсь с восемнадцатилетней подружкой.

Однажды вечером, в поисках моих друзей моряков, я захожу в английский бар, куда мы никогда раньше не ходили. Не успеваю приоткрыть дверь, как слышу крик хозяина: «Вход проституткам воспрещен!»

Я оказываюсь рядом с ним в один прыжок и швыряю ему в лицо кучу тарелок.

Кики. *Моряки* (1920-е)

Мои приятели влезают в драку, но морская полиция начеку! Мы успеваем свалить в другой бар, но меня выслеживают. К тому же я проживала в гостинице, на которую был озлоблен весь город, потому что у нее очень хорошо шли дела.

Около восьми утра следующего утра за мной посылают и просят спуститься вниз. Я выхожу в вестибюль и через наполовину приоткрытую дверь вижу красное лицо и униформу полицейского. Полицейский подзывает меня жестом.

Но меня так просто не возьмешь.

Он уходит и возвращается с каким-то человеком в гражданском, ведущим себя так, как будто он слишком устал для телодвижений. Показав мне свои документы, он говорит, что я арестована и что он комиссар Вильфранша.

Он ведет себя как полоумный и весь трясется от злости. Не заметив подобающего оживления в моем шаге, он приказывает сопровождавшим его мужчинам: «Хватай ее, ребята!» Они накидываются на меня, а сам комиссар двигает мне кулаком по голове. От неожиданности атаки я падаю на комиссара руками вперед. «Чудесненькое у нас против вас дельце – нападение на офицера», говорит он мне после этого. Он продолжает оскорблять меня всю дорогу до участка.

Они передают меня жирному полицейскому, типичному полицаю с рожей бульдога, который так старается, что мало мне не кажется. На столе лежит большой револьвер, но я не знаю, как с ним управляться.

XXVI

В ТЮРЬМЕ

Меня отводят в темный погреб, в котором нет ничего, кроме доски, останков велосипеда и кучи разного старья...

Я нахожусь там достаточно долго для того, чтобы передумать массу мыслей, когда открывается дверь и в сопровождении полицейского, всхлипывая, в комнату входит одна из моих подружек с корзиной в руке.

При одном взгляде на шею этого полицейского у меня задергались пальцы, скажу я вам! После этого меня выводят из погреба и отвозят в Ниццу. Я взбираюсь в черный воронок. Доехав, я не вижу ничего, кроме большой мрачной стены перед собой.

Я прохожу осмотр.

Сколько коридоров! Сколько дверей! Меня отводят в камеру. Надзирательница показывает мне мою койку и горшок на привязи и уходит из камеры...

Я напугана до смерти. Вокруг темно! Я прошу света и слышу смех. Я падаю на свою койку и плачу. Я не спала в темноте с четырех лет! Я начинаю выть как собака в ночи, пока женщина с верхней койки не кричит: «Прекрати ломать комедию!»

Стены тут толстые, но сквозь них я слышу женские всхлипывания. Рядом со мной лежит женщина, не такая молодая, как я, а значит, еще более несчастная.

В пять утра ко мне приходят спросить, что я хочу из еды, так как я пока лишь подозреваемая.

Дни тянутся. Пасхальные праздники затягивают процесс и, хотя меня перевели в другую камеру, я только что осознала, что никогда отсюда не выйду!

Меня навещают. Есть там такая толстая, пожилая мамаша, которая ведет себя со мной очень фамильярно и присматривает за моим табаком и вином – вечерами она проникает в мою камеру и угощает меня горячим шоколадом.

Чтобы помыться, я должна всю ночь держать миску под краном. Никем не убираемый толчок воняет на всю камеру.

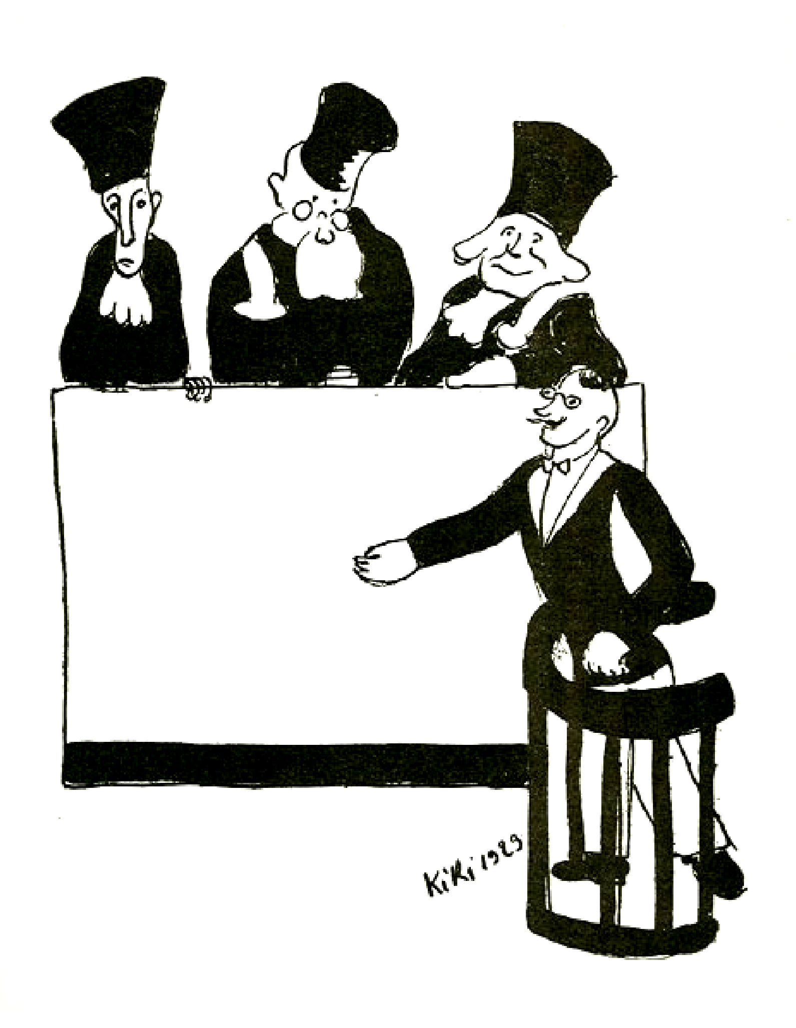
У меня берут отпечатки пальцев и осматривают с головы до ног в поисках шрамов. Мой друг присылает мне адвоката, но он так ведет себя, будто не верит ни одному моему слову!

Нам позволяют час прогулки. У каждого заключенного свой маленький треугольный дворик. Чтобы я не скучала, мне одалживают «Три мушкетера», но эту книгу я уже знаю наизусть от корки до корки!

Меня вызывают к судье. Приезжает черный ворон и забирает нас: четырех женщин, девять мужчин да пару полицейских, пахнущих чесноком. Но моя очередь не наступает, и я возвращаюсь в тюрьму. Как мне не везет! Самое тяжелое в моих тюремных днях – когда приходит ночь и камеру мою окутывает темнота, и я не ничего не могу увидеть, кроме крошечного пятнышка цветного света на потолке. Недалеко от тюрьмы расположена железнодорожная станция, и я слышу свистки поездов... в это время вся тюрьма кажется спящей... каземат, пребывающий во сне!

Я нахожусь здесь двенадцать дней и завтра еду в суд. Мой адвокат обещает вытащить меня, но говорит, что против меня серьезное дело: сопротивление офицеру и неподчинение полицейскому, а это обычно означает, по меньшей мере, шесть месяцев тюрьмы. Если меня посадят, я покончу собой. Мне кажется, что я никогда не смо-

гу забыть силу той ненависти, что кипит во мне в эту минуту!

Кики. *В исправительном суде* (1929)

XXVII

СУД

Сегодня я должна предстать перед судьей.

«Судья!» А судьи кто?

В руке у меня нюхательная соль. Я очень слаба – я потеряла пять килограмов за тринадцать дней. Я вновь взбираюсь в тот же воронок. Как я ненавижу его запах! Там я встречаю некоторых из тех, что ехали со мной в прошлый раз. Их невозможно узнать. Интересно, думают ли они то же самое обо мне?

Полицейский хочет, чтобы я сидела у него на коленях. Наверное, он думает, что делает мне одолжение. Да я колени любого бандита предпочту его коленям!

Приехали.

Зал полон. До меня очередь дойдет около полудня.

На полу стонет какой-то субъект, окруженный державщими его людьми. У него приступ эпилепсии. Это имеет успех у судей. Несчастный что-то там натворил со своими водительскими правами! Проход такой узкий, что мне придется переступить через тело парня.

Моя очередь. Мне так стыдно, что я вся краснею и не вижу ничего вокруг! Адвокат шепчет мне, чтобы я не шевелилась и выглядела невинно! Я ничего не отвечаю, потому что не могу ничего сказать.

Мой друг тоже присутствует в качестве свидетеля, характеризующего репутацию подсудимого*. С ним какие-то его приятели. Мне грустно видеть его при таких обстоятельствах, и я начинаю плакать.

Прямо передо мной старушка, укравшая золотой плетеный крестик. Она плачет, и ее отпускают восвояси. Потом наступает очередь крупной девушки с коротко обстриженной головой. Она из приютских и у нее нет адво-

ката. Господин, с которым она спала, потерял свою записную книжку и обвиняет ее в краже. Три месяца! Видели бы вы ее несчастное личико.

А вот худенькая брюнеточка – пятнадцатилетняя вертихвостка с марсельским акцентом. Она воюет с каким-то детективом из отдела нравственности. Она грозится добраться до него! и говорит судьям, что ее зацапали, потому что она не соглашалась играть под дудочку «шишек». Два месяца в тюрьме! Она шепчет мне со своим акцентом: «Черт! Еще два месяца охоты за мандавошками!»... Моя очередь!

Мне не очень нравятся судьи, а я – им.

Судья с белой бородой, тот, что посередине, спрашивает меня, не пила ли я. Я ему говорю: «Конечно, нет!» Он говорит, что сделанное мною тем более непростительно. Теребя свою бороду, он добавляет, что мой друг в зале! Я смотрю на своего друга и понимаю, что если бы у него был револьвер, судья довольно скоро прекратил бы дергать себя за бороду.

Комиссар клянется, что я ударила и оскорбила его. Один из приведенных им свидетелей говорит с симпатичным акцентом: «О, да. Она ему хорошо двинула», но парень из бара, не пришедший на суд, подписал заявление, что это он оскорбил меня первый, что он совершил ошибку, и что если все затраты по делу оплатят, он готов будет забрать свой иск!

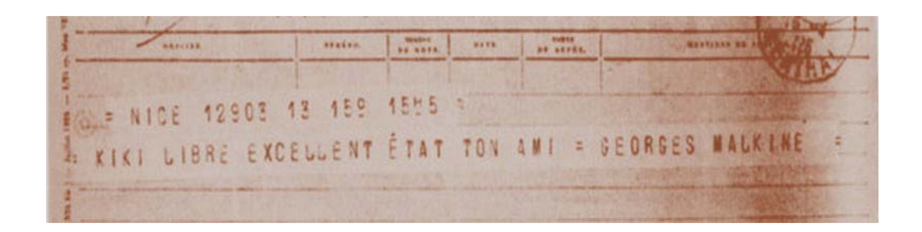
Потрясающий моряк, оказавшийся со мной в тот вечер, обошел все корабли и так растормошил всех своих друзей, что они сумели собрать двадцать пять тысяч франков на выкуп моей свободы! Но этот сукин сын комиссар был твердо настроен на то, что меня не выпустят. Он собирался отправить меня жевать фасоль, самое меньшее, на шесть месяцев.

Потом заговорил мой адвокат. Он сказал судье, что я немного того и показал документы, удостоверяющие мою проблему с нервами*.

Самое сложное началось, когда мой адвокат повернулся ко мне и сказал: «Поблагодари этих господ!»

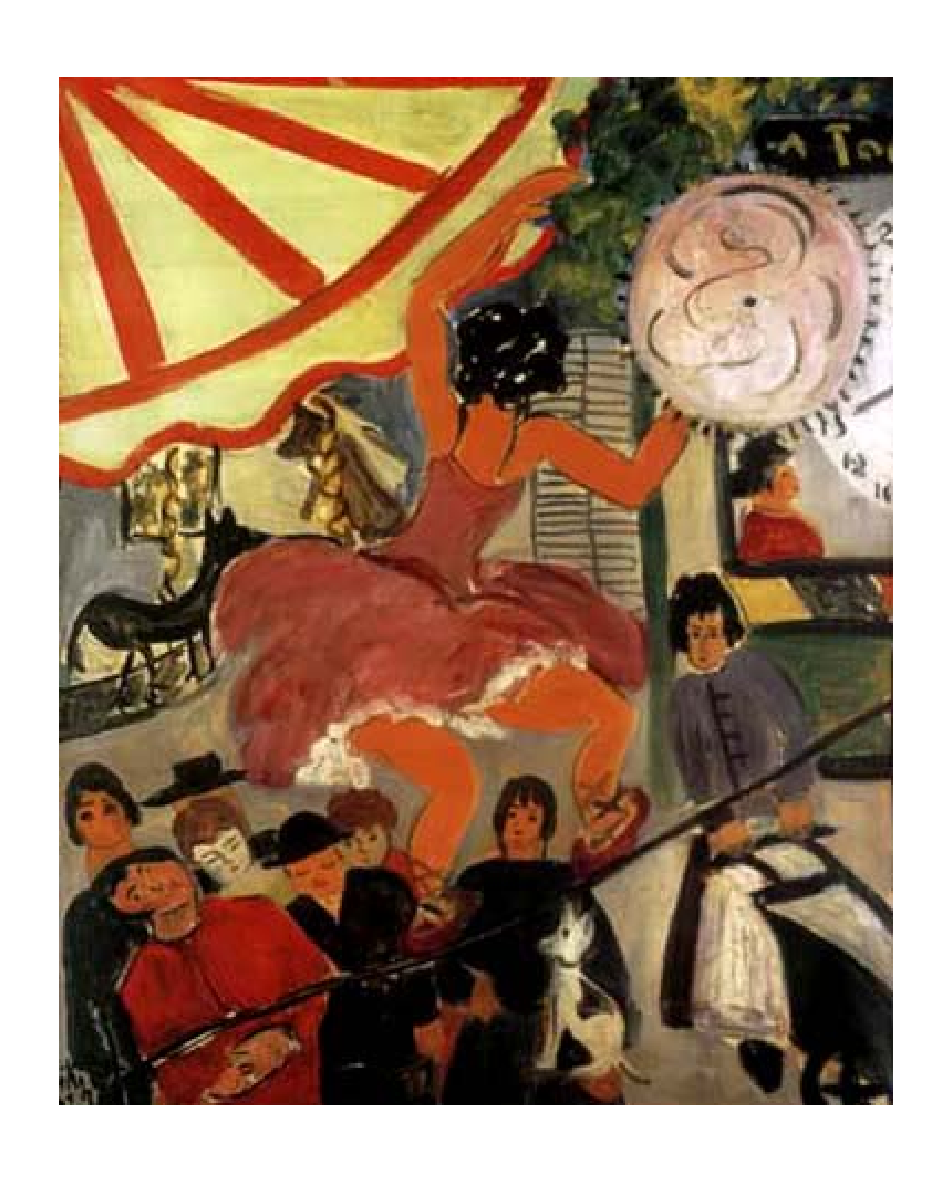
Мне это далось нелегко!

И вот я вновь свободна!

= NICE 12903 13 15? 15h5
KIKI LIBRE EXCELLENT ÉTAT TON AMI = GEORGES MALKINE =

Телеграмма художника Жоржа Малкина поэту Роберу Десносу из Ниццы: «Кики свободна отличном состоянии…»

Я уехала в Париж и несколькими вечерами позже пропела в «Жокее» ставшую очень популярной благодаря мне песню «Les Filles de Camaret» («Девочки Камаре»)*. И, конечно же, мне надо было обежать всех, увидеть свой дорогой «Дом» и папашу Шамбона*, сказавшего: «А вот и ты, наконец, деваха!» И он не забыл хорошенько шлепнуть меня по заднице! И я снова увидела Эрнеста, еще больше похожего на мальчишку перед первым причастием и еще более дружелюбного – и опять спросила, все еще ли он девственник. Ах! Монпарнас! Ты был мне слишком необходим, чтобы суметь забыть!

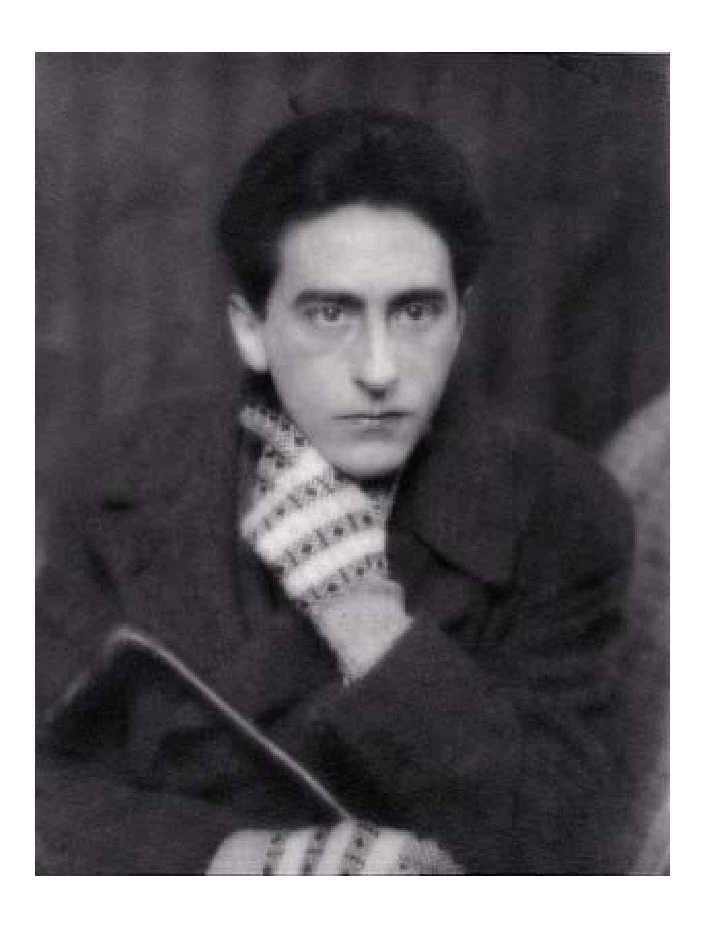

Кики. *Канатоходка* (1929)

XXVIII

ЖАН КОКТО

Я впервые увидела Кокто у Ман Рэя, когда он зашел сфотографироваться. На нем была пара шерстяных перчаток красного, белого и черного цветов. Я подумала было, что он пришел фотографировать свои перчатки!

Он воспользовался случаем и попросил сфотографировать волосы и глаза, беспокойные и приятные. У него глаза как пара бриллиантов...

Потом я много виделась с Кокто, и с каждым разом он нравился мне еще больше. Он такой обаятельный и так прост, что когда я с ним, мне кажется, мы знакомы всю жизнь. Я по памяти написала его портрет, который, по мнению людей, удался и был продан в Лондоне. Я видела его на выставках, в «Быке на крыше» на Буасси-д'Англа, где Дюсе читал любовные рассказы*, так божественно их исполняя.

Кики. *Жан Кокто* (1920-е)

В 1925 году мы оказались в одной гостинице в Вильфранше. Он, как и я, страстно обожает все морское. Каждый вечер мы встречались в небольшом гостиничном баре, где с наслаждением наблюдали за моряками и проститутками. В этот период Жан нарисовал очень красивые рисунки. Он однажды прислал мне забавнейшее

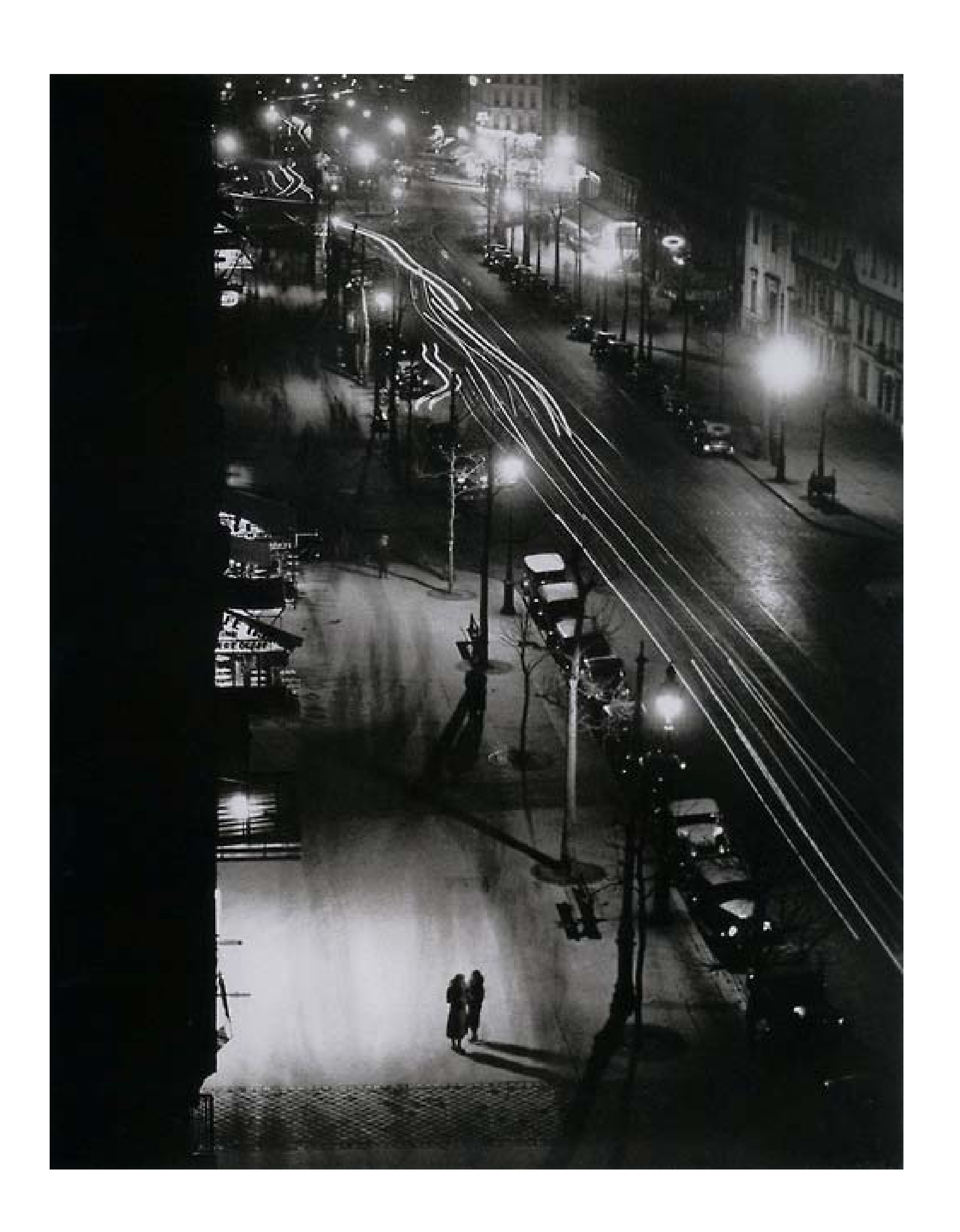
письмо из Вильфранша, но, к сожалению, оно слишком дерзкое для воспроизведения здесь. Что такое дерзость?

В этом письме он обращался ко мне как владелец дома к постоялице... Письмо, наполненное увещеваниями и полезными советами.

Так мы оказываемся в году 1929. Я вижу своего старого друга Кокто при разных обстоятельствах. Он часто заходит по вечерам в «Бык» на улице Пентьевр послушать, как я пою. Его присутствие придает мне больше уверенности в себе. Более того, очевидно, что все окружающие очарованы его манерами и остроумием – они влюблены в него. Он дарит мне ожерелье, достойное королевы.

Пабло Гаргальо. *Кики с Монпарнаса* (1928)

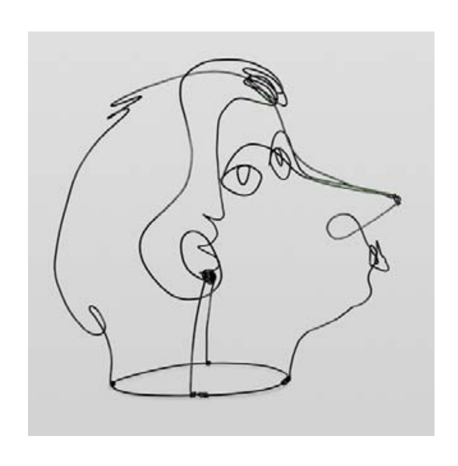

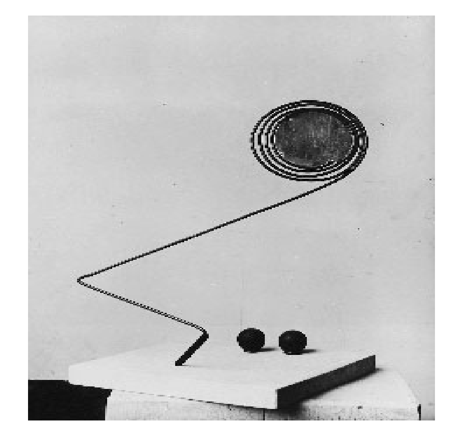
XXIX

МОНПАРНАС СЕГОДНЯ

Я на Монпарнасе – в моем царстве свободы. Как по мне, так тут я могу проказничать, сколько влезет и не бояться, что меня опять отправят есть бобы.

Местный люд обладает широкими взглядами и то, что считается преступлением в других местах, здесь оказывается просто незначительной ошибкой, проступком.

Александр Кальдер.
Кики (ок. 1929)

Александр Кальдер.
Женственность – нос Кики (1930)

Монпарнас, такой живописный и колоритный! Здесь разбили палатки люди со всего света и, тем не менее, все живут одной дружной семьей.

По утрам он наполняется юношами в широких штанах и розовощекими девушками, спешащими в художественные школы – «Ватто», «Коларосси», «Гранд Шомьер»

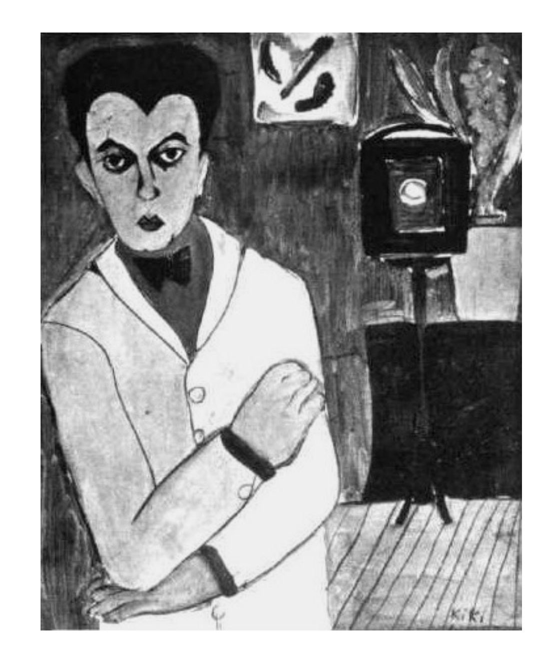

Пер Крог. *Кики* (1928)

и так далее. Чуть позже начинают шуметь террасы кафе и красивые американки, завтракающие овсянкой, оказываются сидящими бок о бок с *picons-citron**. Люди идут в кафе в поисках солнечного луча. Натурщицы назначают тут друг другу встречи. Они верны своему делу: Айша*, Бубуль, Клара... Достойных осталось так мало, что можно перечесть по пальцам! А вечером я вновь встречаюсь со своими дружками: Фуджитой и красавицей Юки*, смеющимся над своим же анекдотами Дереном, Кислингом с его томмиксовскими рубашками* и женой, обладающей самым веселым смехом Парижа. Присутствует и Деснос*, суетливый и возбужденный из-за заказов и поручений сразу нескольких людей и тем самым соз-

дающий впечатление человека, живущего насыщенной жизнью.

И Сессю Хаякава*, невозмутимо посасывающий свою старую вересковую трубку, не отрываясь и не моргая. И улыбчивая и хлопотливая Фернанда*, создающая больше шума и беспорядка в одиночку, нежели банкет со ста десятью блюдами. У нее изумительные, чертовски проницательные глаза. Она общается с Марго, «13», Эдуардом, Рамоном, Арбенсом и многими другими приятелями, которых я никогда не забуду, но не могу назвать здесь, потому что их слишком много – чудесной компашкой из тех, что часто можно встретить на Монпарнасе.

Кики. *Ман Рэй* (1920-е).

А вот Ман Рэй, как всегда вглядывающийся в стеклышки или мечтающий о последней новинке фотографического оборудования.

Вот Люси, а вот Паскин в котелке*, все ниже и ниже спадающем ему на ухо. Он говорит очень тихим голосом и окидывает свою компанию беглым взглядом. Он ужасный шутник, но, несмотря на свои жестокие шутки, обладает добрым сердцем, что легко прочесть в его глазах. Он – золото.

Короче говоря, Монпарнас – деревня круглая, как цирк. Попадаешь в него непонятным образом, но и выбраться нелегко!

Есть люди, случайно сошедшие на станции метро «Вавен»* и больше не покинувшие район, оставшись жить в нем до конца жизни. Что касается представителей среднего класса, случайно проходящих мимо, то они не знают о жизни Монпарнаса ничего и, до смерти напуганные,

стараются тут без крайней необходимости не задерживаться! Монпарнас ставит школу Берлица* на второе место по языкам. Зажив на Монпарнасе, я должна буду заговорить даже на китайском, но я не отчаиваюсь.

Вечером, в час аперитива, вы встречаетесь с компанией хороших друзей. Трудная задача – решить, куда пойти на ужин. Иногда вы заходите в «Джигиты», где вас якобы обслуживают русские принцессы, или в скандинавский ресторан, но, как по мне, он так себе. Порой вы назначаете встречу друзьям в десять вечера или полночь в баре «Куполь»*.

Вот где начинают блистать остроумием и колкостями, и Дерен наслаждается своими анекдотами. Однажды, видимо, славно поужинав, он сподобился идеей просунуть ногу в круг барного стула и принялся катать на ней проходивших мимо и спотыкающихся о нее бедных малых, скидывая их затем на пол.

Жаль, что исчезли винные магазинчики, где раньше можно было так вкусно поесть.

Найти, чем заняться после ужина, совсем не сложно – нужно лишь выбрать!

На Монпарнасе достаточно много танцевальных мест и очень часто я посещаю каждое из них несколько раз за ночь. Иногда устраиваются вечеринки у Фуджиты, где Робер Деснос крутит для нас старые пластинки времен поющих Меркадье и Паулюса*, купленные им с Юки на блошином рынке.

Ман Рэй. *Кики и Юки* (1924)

Порой мы сталкиваемся нос к носу с Паскиным, который забирает всех к себе домой. Он возится с бутылками и штопором. Часто там присутствуют его модели, модели всех сортов! Он так любит быть окружен большим количеством людей.

Жюль Паскин (справа), Пьер Марсель и натурщицы

Иногда он устраивает вечеринки за городом и увозит с собой целые караваны! Нередко там собирается сорок или пятьдесят человек, желающих послушать его рассказы: Андре Сальмон*, Нильс Дардель* со своей историей про зайчика, Айша, Галлибер, Люси, Симон, Зборовский, Сутин и многие другие приятные люди.

И еще на Монпарнасе есть танцевальные залы!

Кики на вечере художников (1929). На заднем плане Анри Брока.

«Бал де ла Орд», «Бал Рюс» и особенно «Бал Судуа» в академии «Ватто»*. Я никогда их не пропускаю. Там можно порезвиться как нигде больше. Я даже видела там скандинавов, не менее веселых, чем все нормальные люди.

Бывают вечера с походами в кино – и вы идете в кинотеатр «4 Колонны» на улице Веселья или в «Бобино».

Должна признаться, бывали редкие вечера, когда меня пытались сбить с пути истинного и заманить на Монмартр.

Но я не желала становиться дезертиром.

КИКИ,
Монпарнас, 1929

КИКИ ОТКРОВЕННИЧАЕТ С ВАМИ

Следующие ниже мемуарные главы, более подробно рассказывающие о детстве Кики и ее первых годах в «Ротонде», были опубликованы в июле-августе 1950 года в еженедельнике «Иси Пари Эбдо» под названием «Кики откровенничает с вами».

МОЕ ДЕТСТВО

Я родилась 2 октября 1901 года в красивом уголке Бургундии.

Матери моей было восемнадцать, а ее возлюбленному – моему отцу – девятнадцать*. Он была бедна, а он – богат. И оба были красивы.

Спустя некоторое время родители моего отца заставили его выигрышно жениться на дочери преуспевающего фермера.

Мать моя скрывала свою щепетильную ситуацию до последнего момента. Мое рождение не было желанным! Когда я объявила о своем прибытии, мать находилась в нескольких метрах от дома. Боли вынудили ее присесть на краю тротуара.

Мой крестный отец, направлявшийся к нам в гости, все сразу понял. Он поднял мать на руки и отнес ее в постель. Этот торговец самогонкой хорошенько ее напоил! Что касается меня, то я воспользовалась этим и появилась на свет под мухой.

Научившись ходить и говорить, я ни на секунду не отходила от крестного.

Вдобавок к самогонке, ездил он на повозке, запряженной старой клячей. Он заведовал уборкой мусора, который мы сваливали в поле за городом.

Я довершала картину. Я распластывалась задницей на тряпках и железном ломе. Я была счастлива, с наслаждением роясь в мусоре. Все относительно. Я играла в Алису в Стране Чудес! И находила там такие чудесные штуковины!

Впоследствии я никогда себя за это не истязала.

Шатийон, родной городок Кики, в начале XX в.

Крестный очень любил пропустить стаканчик-другой и, так как я уже была очень развита для своего возраста, таскал меня во все бистро. Мне позволялся стакан фруктового сиропа, и я допивала все, что оставалось на дне стаканов посетителей!

В то время пили настоящий «Перно»*. Потом я взбиралась на мраморный стол и запевала песню.

Закончив петь, я не забывала пустить шапку по кругу.

Меня уже волновало, как я выгляжу! Казалось (и я это помню), я не могла петь свои баллады, не проверив коленки. Если они были запачканы, я плевала на них и пыталась вытереть их краешком своего фартука – тогда на сером фоне появлялись два белых кружочка. Еще я стягивала вниз свои трусики, чтобы прикрыть коленки их кружевами.

МОЯ ДОБРАЯ БАБУШКА

Меня вырастила бабушка, которая в дополнение ко мне воспитывала Марселя, Пьерре и Жана – троих детей моей умершей тети, и Мадлен – одну из дочерей другой своей дочери, тети Лауры.

Мадлен была рыжей. Ее мать не особо ее любила из-за цвета волос и схожести с давно канувшим в небытие и никем не оплакиваемым отцом. Поэтому она просто отправила эту несчастную Мадлен к моей бабушке с пятью франками в месяц, присылать которые частенько забывала. На нашей двери можно было бы повесить вывеску: «Дом Шести Воссоединенных Ублюдков».

Шатийон-сюр-Сен в начале XX века

Моя мать жила в Париже. Бабушка изнуряла себя, пытаясь прокормить шесть юных, голодных ртов. Как ей, наверное, было тяжело! Она часто кричала на нас, но мы орали в ответ еще громче.

Соседи порицали ее за слабость. Порой она деланно хватала ручку от метлы и... и как грохнет ею по столу – пусть думают, что иногда нам достается. Шестеро детей начинали горланить так, будто с них кожу живьем сдирали. Тогда соседи говорили бабушке: «Бедная Мари! Ангельское у тебя терпение! Сдала б ты их государству». Тут бабушка, вспылив, начинала сердиться: «Я своих ублюдков сама выращу, мое это дело и ничье больше. Это их папаши-паразиты виноваты».

Из всех наших отцов мой был единственным, кто еще оставался в живых и потому не мог отречься от меня. Внешне мы были слишком похожи.

Шатийон. Современный вид

Как нарочно, он жил в красивом, богатом доме недалеко от нашего жалкого домика.

Единственной справедливостью господней, утешившей гордость маленькой бедняжки, был подслушанный мною разговор отца с женой об их дочери: «Да что тут рассуждать, они в самом деле сестры. Что та уродина, что эта». На бургундском диалекте «puete» означает уродка.

И точно, при каждой встрече нам хотелось убить друг друга. Во время драк она говорила: «Я пожалуюсь отцу».

Я отвечала: «Да я плевать хотела. Он и мой отец тоже». Так как я была старше, мне казалось, что у меня больше прав решать, чьим отцом он должен быть.

Она мстила мне в праздники. Мои кузины и я всегда стриглись очень коротко, что не мешало вшам вольготно плодиться в наших стриженых волосах. В году бывала парочка праздников, и бабушка позволяла нам отращивать волосы за несколько недель до этого.

Бедная, дорогая моя бабушка! Она прекрасно понимала наше унижение и знала, что мы с тоской смотрим на других девочек с большими бантами в длинных волосах, стянутых лентами.

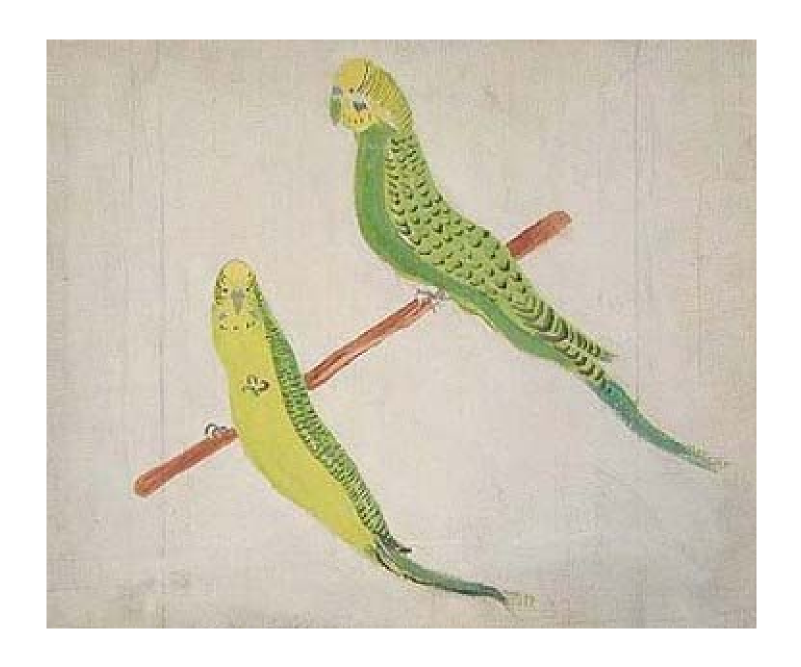
Вытянув и навазелинив свои волосы, я умудрялась заставить держаться на них ленточку ценой в один су за метр. Я хотела выглядеть милашкой, а получалась пучком зелени для салата.

Скорбь мою развеивало одно: в такие дни бабушка, вместо мытья наших волос бензином, смазывала их ромом или бренди. Пахло чуть лучше, но нашим маленьким животным это нравилось не меньше нашего. Они счастливо напивались, и нам казалось, что их становилось в два раза больше.

В детстве очень важно обладать кудрявыми волосами и прекрасной косой! Со своими тонкими и короткими волосами я ощущала себя бедной, презираемой и униженной! Может быть, я хотела гордиться не тем, чем следует, но в моем облике было совсем немного вещей, способ-

ных кого-либо воодушевить или заставить позабыть, что я не звезда красоты.

Если вам когда-нибудь встретится некрасивая и неухоженная маленькая девочка с головой, обритой под яйцо, не смейтесь. Жалкие волосы вызывают у взрослых смех, а у малышей – слезы.

Кики. *Попугайчики* (1920-е)

ЗАВОРАЖИВАЮЩИЙ ОТЕЦ

Мой отец был крупным торговцем деревом и углем, и у него была своя ферма. Он был важной шишкой в городке.

Я с ним иногда сталкивалась. В такие минуты у меня начинало колотиться сердце. Он всегда хотел взять меня с собой в лес. Но бабушка нагоняла на меня страху! Она говорила: «Если ты с ним пойдешь, он убьет тебя, как убил других». У меня и вправду были две сестры, которые умерли при подозрительных обстоятельствах.

Когда я была совсем маленькой, со мной чуть было не произошло нечто похожее. Он был у нас дома и послал маму в магазин за вином. Когда она вернулась, я выпила стакан молока, и мне стало очень плохо. К счастью, бабушка вошла в тот самый момент, когда я стала уже чернеть! Она заставила меня вырвать, и я кое-как выкарабкалась.

И все же мне страшно хотелось сходить с ним в лес. Может быть, он не обидел бы меня, а обнял, как отец обнимает свою маленькую доченьку.

Никому не понять, какая скорбь наполняет сердце ребенка, лишенного отца, чья мать находится далеко, а единственная нежность в жизни исходит от бабушки.

Дорогая старая бабушка! Одну тебя я вспоминаю с душевным волнением. Твои поцелуи, близость твоего морщинистого лица да ласковые прикосновения твоих побагровевших натруженных рук – вот и все, что было сладостного в моем детстве.

СМЕРТЬ ДЕДУШКИ

Мой дедушка работал на строительстве дорог. Он дробил камень для дорог! Бедный дедушка! Нет у меня о тебе приятных воспоминаний.

Он, кажется, был очень честным человеком, но слишком уж строгим. Я боялась его и ничего не помню о нем, кроме его предсмертной агонии, потому что именно я ухаживала за ним, когда он умирал. При мысли об этом меня начинает пробирать дрожь. Как им могло прийти в голову оставить маленькую девятилетнюю девочку, такую впечатлительную и чувствительную, как я, лицом к лицу с умирающим человеком.

Бабушке нужно было идти на работу, и она вложила мне в руки салфетку и велела вытирать слюну, стекавшую по его бороде. Несчастный старик молил меня принести ему его сапоги, чтобы он мог их начистить. Только потом я поняла, что он хотел сказать: «Я готовлюсь в дальний путь».

Сестра дедушки проживала в нескольких часах езды от нашего дома. Перед тем, как он испустил последний вздох, соседка отправилась за нею. Это случилось посреди ночи, но она тут же приехала. Я помню ее появление с табакеркой в руках. «На меня иногда нападают на дороге», – сказала она. И все же она не выглядела слишком испуганной, была крупной, точно жандарм в юбке, и много ела и пила.

По бедности мы жили в одной комнате с альковом.

Пролив несколько слезинок, тетушка Лаура решила, что, несмотря ни на что, мы должны лечь спать. Куча детей с бабушкой растянулись на кровати в алькове, а тетушка Лаура, ничуть не смущаясь, взяла кресло, подо-

двинула его к кровати и, навалившись на бедную бабушку, улеглась полностью одетая рядом с покойником.

Смерть для бедных не является такой катастрофой, как для богатых. Рабски трудясь всю жизнь и еле зарабатывая себе на хлеб, кончину они видят как избавление.

Я ПРИЕЗЖАЮ В ПАРИЖ

Мне было двенадцать, когда мать велела мне перебраться в Париж. Идея дать мне хорошее образование была не моя, но я собиралась научиться типографскому делу и мне нужно было иметь хоть какое-то представление о правописании.

Этим делом мать занималась с юности и в Париже жила со своим начальником, месье Гастоном.

Они на год засунули меня в публичную школу на улице Вожирар. Наверное, я не производила впечатления сообразительной девочки, потому что директриса школы посадила меня с семи-восьмилетними детьми. По истечении года я знала немногим больше, чем в момент поступления в школу.

Как только мне исполнилось тринадцать лет, настала пора зарабатывать на жизнь! Меня устроили ученицей брошюровщицы в переплетный цех. Я разносила и доставляла товар. И ради этого меня хотели научить правописанию!

Я была нагружена как осел, одетый в завязанную на талии курточку из плиссированного атласа. Мой костюм довершали желтые ботинки с пуговичками до верха и голенищами из серой материи. Так как я всегда была очень худа, икры обеих моих ног могли с легкостью влезть в верхнюю часть одного ботинка. Тогдашние газеты, «Ла Пресс» и «Ле Боннет Руж», стали моими верными помощницами. Одна упиралась мне в голень, а другая прикладывала все усилия к тому, чтобы ботинок как можно меньше сгибался. Я забыла рассказать вам, что ботинки эти были размера 39-го или 40-го, а размер моей ноги в то время был 34. Понятно, что походка у меня была смешная и странная, но, сказать по правде, я

все равно собой очень гордилась. В те времена в таких ботинках ходили обеспеченные женщины. Та, что выбросила эту пару на мусорную свалку, где моя мать и нашла их, наверняка была настоящей гранд-дамой, лет около сорока, с большими сиськами и настоящим задом! Мне кажется, что вернись она, эдакая дама *La Belle Epoque**, на нашу землю, нам сложно было бы поверить, что мужчины могли покупать ей такие экстравагантные штучки.

Надо сказать, что в то время красавец мужчина обладал великолепной парой усов и длинной бородой до самого живота. Во всяком случае, в тринадцать лет при виде мужчины с прекрасной струящейся бородой, стелющейся поверх галстука, завязанного большим бантом, сердце мое начинало биться чаще. А если у него еще и пузо имелось, я восхищалась им безгранично. Такой мог быть только поэтом, художником или актером. Помимо представителей этих трех профессий, ни один смертный не вызывал у меня интереса.

УБОГИЕ ЦВЕТЫ

Каждую субботу я ходила к друзьям, живущим на улице Муфтар и торгующим цветами.

По воскресеньям мы просыпались в пять утра и отправлялись в Лез Аль, чтобы продать цветы задешево. Более или менее мертвые цветы оказывались у нас на руках, и продать их было серьезной работой. Они валялись сломанные и увядшие на дне бочонка! Мы были настоящими плутами!

Поехали! Розовую ванну для этого, спичкой заменить отсутствующий стебель другому, перевязать все это проволокой и добавить немного листвы. А когда часы били десять, весь наш отряд оказывался перед церковью Сен-Медар (на улице Муфтар) и шумел громче всех. Мы вращали глазами, чтобы отвлечь покупателей от конкурентов.

Церковь Сен-Медар в начале XX в.

Все проходило с успехом. В следующее воскресенье покупатель, заметив, что все букеты состоят из стеблей разного сорта, просто уходил к другому торговцу. Учитывая, что семья наших друзей была благословлена тремя девочками, двумя парнями, бабушкой и к тому же мною, вы можете догадаться, что нам удавалось много продать, прежде чем окончательно потерять клиента. Но я все равно немного переживала из-за всех этих дел и хорошо видела недостатки каждого букета. Я предпочитала скидывать их покупателям женского пола! Так было безопаснее.

Несмотря на это, я уже флиртовала с мужчинами! Я много о себе возомнила, думая, что их привлекает мое лицо. Время от времени они освобождали меня от иллюзий. Я приходила в ярость, когда они, посмотрев на мой профиль, выкрикивали: «Эй, сестрица, спрячь-ка хобот!»

У меня и вправду большой нос, который моя худоба подчеркивает еще сильнее.

В дополнение ко всем бедам, меня одевают на блошином рынке. Но я мщу за себя ювелирными украшениями – на каждой пряди моих волос по гребешку, украшенному сверкающими разноцветными камнями. Я была настоящей корзинной воровкой и обчищала разные местечки у стен старого Парижа.

В МУТНОЙ ВОДЕ

Как все добропорядочные труженицы, моя мать ходила в баню каждое воскресенье. Когда я приехала из деревни, она взяла меня с собой, чтобы немного привести меня в порядок.

В целях экономии мы принесли свои полотенца и мыло, из-за чего и разгорелся весь сыр-бор. Если бы мы хотя бы купили там мыло, этот кусок розовой нуги, плавающий на поверхности воды, все было бы в порядке. Итак, мы с матерью вошли и попросили ванну на одного человека. В ответ на вопросительный взгляд служительницы купальни мать приняла невинный вид и сказала: «Это для моей дочери. Она никогда не принимала ванну в Париже, и я пойду с ней». Как только мы оказались в кабинке, моя мать, конечно же, воспользовалась ситуацией, разделась и влезла в ванну вместе со мной. Но случилось тут прекрасному марсельскому мылу пойти на дно ванны и я, будучи новичком в таких делах, угодила на него пяткой. Я поскользнулась, еле успев схватиться за шнур и таким образом удержаться от падения. К сожалению, шнур тянулся к звонку, который вызывал служительницу! И именно она открыла дверь, вошла и осведомилась, что происходит.

Моя мать застыла, как соляной столп! Худо-бедно она справилась с непослушными губами и проговорила, что все в порядке. Можете себе представить, как развернулись события. Она обзывала меня несчетным количеством имен, от которых мне делалось больно в той маленькой части тела, которую называют сердцем. «Я ее опозорила. Она никогда больше не выйдет в мир, все соседи будут смеяться над ней, узнав о такой попытке экономии. Ду-

ра набитая, деревенщина, мужланка...» Дальше можно не продолжать...

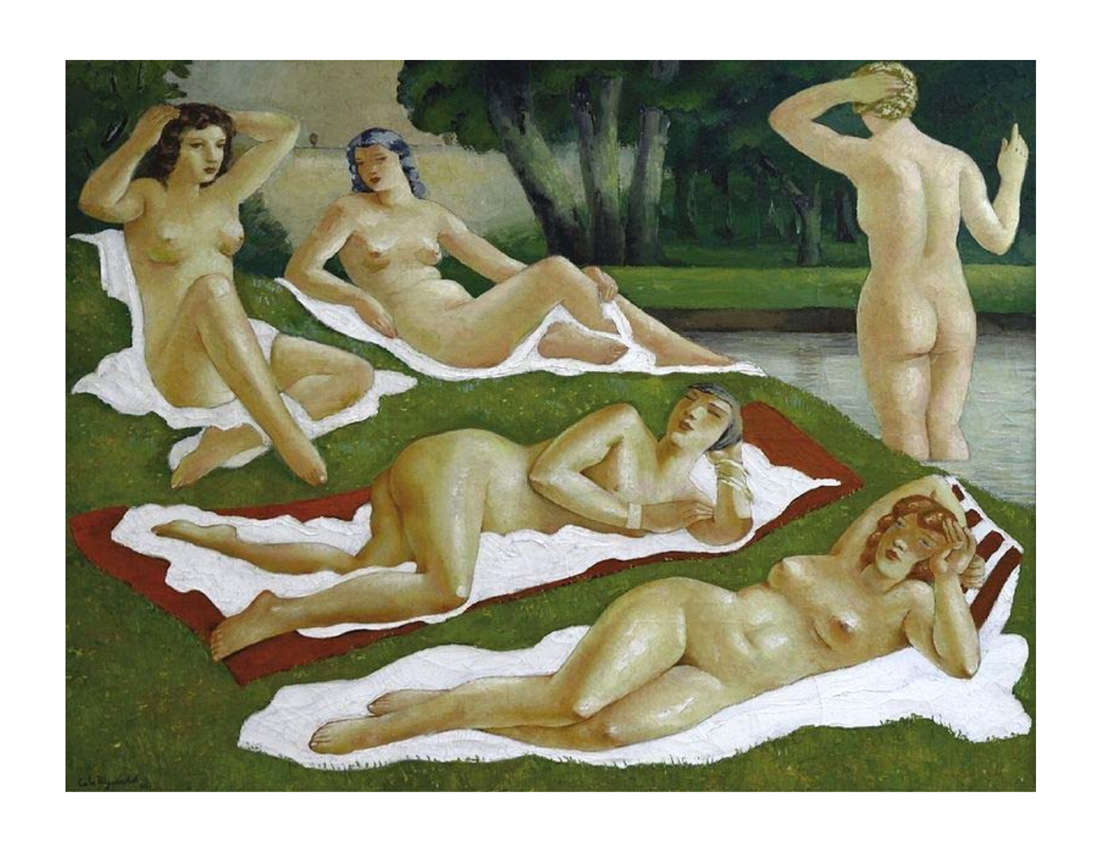
Она, наконец, оделась, дала мне шесть су на чаевые и оставила меня в полном смятении, сказав: «Давай, береги себя, идиотка!»

Если бы она могла понять, как горько было у меня на душе! Она никогда не была мне матерью – но, несмотря на это, я любила ее так сильно, как только может любить маленькое, совершенно одинокое существо, сродни несчастной, побитой собаке, лижущей руки своего хозяина.

Я была чрезвычайно чувствительной и зажатой, а мать моя – слишком молодой и чересчур жесткой. Я никогда не смела выговорить слово «мама». Мне казалось, я его не заслужила. Когда нам случалось зайти в гости к каким-нибудь друзьям матери, у которых были дети, я видела, как мамы их обнимают, целуют и ласково увещевают. Когда я слышала «мамочка, дорогая», мне казалось, что у меня разорвется сердце. Мне становилось стыдно, я краснела и не смела взглянуть на свою мать.

И все же временами она казалась мне чуть менее безразличной. Возможно, мне следовало поддаться чувствам – меня так тянуло сесть к ней на колени и поцеловать ее. Но я не могла. Она тотчас обдавала меня холодом ироничного замечания, не сознавая, что мне больно и я могу взорваться от одного человеческого взгляда.

Я позволила бы всей своей боли и желанию затопить меня, если бы это помогло выговорить «мама», поскольку слово «папа» мне никогда не позволялось произнести...

Сава Шуманович. *Близ рощи* (1935)

ЗАДНЯЯ КОМНАТА «РОТОНДЫ»

Я часто ходила в «Ротонду», но в большую комнату меня не пускали. Хозяин, папаша Либион, не признавал во мне клиента – в основном потому, что у меня не было шляпки. У меня уже имелось полным-полно друзей из художников и мне совсем не нравилось такое пренебрежительное отношение.

Однажды папаша Либион сказал мне: «Кики, тебе трудно, что ли, найти себе шляпку? Найдешь, пущу тебя в зал».

Я сходила с ума от невозможности пройти в зал. Во-первых, туалеты располагались в конце зала, да и вообще мне хотелось стать своей в первом зале, где проводили время художники, писатели и все остальные. Там бывали политики всего мира, которые, казалось, все время готовили революцию.

Во второй комнате заседали игроки в шахматы, никому не известные посетители и все великие дамы квартала. Я хотела увидеть их вблизи, потому что все они были женщинами легендарными. Они уже прожили незаурядную жизнь. Роскошная креолка Айша – пользующаяся огромным спросом натурщица, Жермен – прекрасная танцовщица с пылким взором, Пакеретт*, Мадо и другие. У каждой была своя индивидуальность, своя красота и своя мораль.

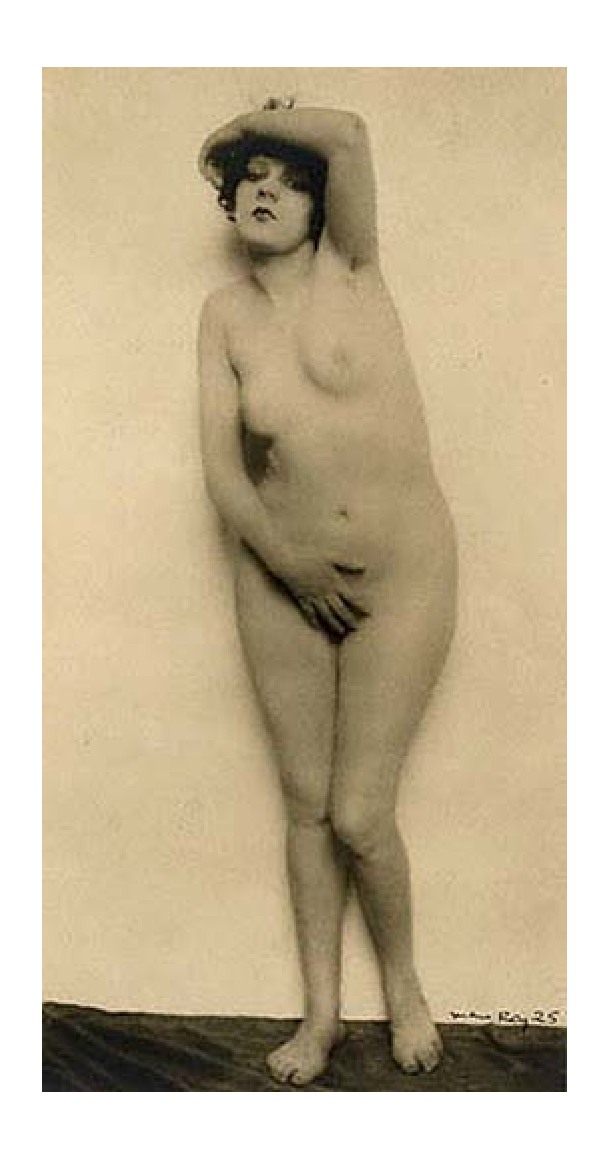
ШЛЯПА МАРКИЗА ДЛЯ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЕЛКИ

Поиски шляпки увенчались успехом. Но какая это была шляпка! Из черного атласа, очень элегантная, вроде бретонки или миллерки, с краями, обшитыми серебряной шенилью, какую используют для украшения рождественских елок. Я придала ей форму *a-la* маркиз и нахлобучила шляпку себе на голову. К счастью, у меня были уши, которые не давали шляпке опуститься слишком низко. Наверное, я напоминала маркиза, потерявшего свой парик!

Что же касается моих кофточек, вы ошибаетесь, думая, что я нарочно их сшила из разных материалов: дело лишь в том, что я была очень простодушна. Я нашла в мусорном баке огромный каталог кружевных образцов и прикрепила один или два к вырезу своей кофты. Люди говорили: «О, Кики! Какие у тебя красивые кофточки!» Я скромно опускала глаза, как бы прося прощения за то, что у меня такие красивые вещи. Но я чуточку гордилась собой и тряслась от страха, опасаясь, что они могут захотеть рассмотреть мои кофточки поближе.

Теперь я понимаю, что мои наряды никого не обманывали, но в те времена царила бесконечная доброжелательность. Никто не позволял себе ни малейшей шутки о моих кофточках и тем более о моей шляпе.

В конце концов, меня мало волновало, что я могу смешно выглядеть. Чтобы войти в «Ротонду», я готова была промаршировать туда на голове.

Ман Рэй. *Кики* (1925)

«РОТОНДА» – МЕСТО ВСТРЕЧ

Здесь переливался всеми красками водоворот людей. Я не могла отвести глаз от этой толпы. Я смотрела широко раскрытыми глазами на смешение продажных женщин, натурщиц, любопытствующих буржуа, политиков, полных убеждений и страсти актеров, паразитирующих художников и прочих. Здесь собрался весь мир. Здесь было ярко и музыкально.

Хозяин, которого мы прозвали папашей Либионом, не мог взглянуть на меня без смеха. Но теперь, благодаря незабываемой шляпке, я имела право войти в залы. Ах! Меня узнавали издалека.

А я, я нашла свою родную среду! Художники удочерили меня. Конец печали. Я по-прежнему частенько голодала, но приятное времяпрепровождение помогало мне забывать об этом. Ко мне вернулась здоровая бургундская жизнерадостность.

Меня больше ничто не могло удивить. Помнится, однажды Утрилло, умудрившийся сбежать на вечер из дома, пришел прямиком в «Ротонду». Он водворил себя передо мной и, продолжая болтать, начал рисовать мой портрет. Я замерла в одной позе, так что меня можно было вполне принять за чучело. Спустя десять минут он отложил карандаш с бумагой, и я посмотрела на рисунок. О! Изумление. Я вижу красивый деревенский дом с садиком. Думая об этом теперь, я, кажется, лучше понимаю, что произошло. Я есть и навсегда останусь чистокровной сельчанкой, как в отчаянии говаривала моя мать. В мою обувь всегда будет набиваться грязь. «Как ты есть деревенская мужланка, так ею и останешься», – сказала она мне в надежде причинить боль. Земля моя родная, я никогда не отрекусь от тебя. И мне кажется, что если ис-

чезнет когда-нибудь родимый край, уйдет с ним и мое здоровье.

За свою жизнь я наделала массу глупостей и чувствовала, как здоровье постепенно уходит, но мысль о родной стороне в последнее мгновение всегда спасала меня. Для исцеления мне достаточно подышать несколько дней чистым воздухом моей родной деревни.

КАК ОБЧИСТИЛИ ПАПАШУ ЛИБИОНА

Благословенная «Ротонда» – туда ходили, как к себе домой, в лоно семьи. Папаша Либион – лучший из людей* и он обожает их, эту артистичную кучу сброда!

Наилюбытнейшие истории происходили в «Ротонде».

К примеру, большое семейство голодных художников собиралось в кафе ближе к тому времени, когда обычно доставлялся хлеб. Развозчик заносил около двадцати огромных буханок и укладывал их в плетеную корзину у стойки бара. Буханки были слишком длинными и почти на треть выступали за край корзины. Но ненадолго! За промежуток времени, достаточный для поворота головы (а папаша Либион в этот момент всегда на несколько секунд покидал комнату) верхушки буханок в мгновение ока исчезали и, как ни в чем не бывало, все уходили с куском хлеба в кармане. И так бывало каждый раз! Папаша Либион сердился, грозился страшным возмездием, полицией... а на следующий день все повторялось...

И это еще ничего. Доведись вам посетить мастерскую любого художника того времени, вы нашли бы там множество сувениров из «Ротонды»: блюдца, вилки, ножи, тарелки... Кто бы ни обустраивал домашнее хозяйство, именно папаша Либион дарил приданое.

Однажды два завсегдатая обнаружили, что припасы Либиона хранятся около телефона. Одному из них нужно было лишь взобраться на дверь, ходившую на петлях, и передать упаковки другому.

Дело шло своим чередом, но однажды папаша Либион решил, что они перешли все границы. Пока первый, усевшись на двери спиной к приятелю, передавал ему многочисленные лакомства, Либион молча подошел, схватил второго за руки и отодвинул его немного в сторо-

Фуджита. *В «Ротонде»* (1923)

ну. Первый, не поворачивая головы, продолжал передавать сахар, кофе и прочее. Наконец он сказал: «Отлично, да, старина? Хватит, как ты думаешь?». Папаша Либион ответил: «О, да. Ты можешь спускаться». Услышав его голос, сидящий на двери парень поправил очки (он был близорук) и, изумленный, грохнулся вниз. Он позеленел как груша, и приятель его был того же цвета.

Папаша Либион взял обоих за уши и отвел их в бар, не произнося ни слова. Воистину, момент был трагичный и все с волнением ждали, что будет дальше. Наконец, хозяин разразился гневной речью.

– Во имя всего святого, лоботрясы! Сейчас вы увидите, из чего я сделан.

И, отпустив их уши, он повернулся к бармену и приказал ему рокочущим голосом:

– Дай-ка им два двойных бутерброда и два кофе с молоком. Ешьте, тунеядцы.

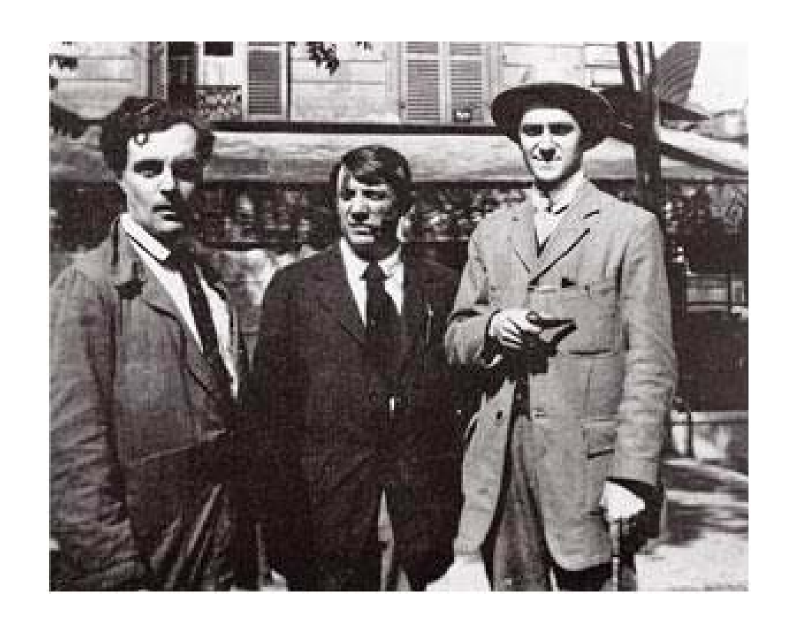
Тунеядцы тридцати с лишним лет стояли со слезами на глазах. Ведь они так плохо поступили с таким хорошим человеком!

Ах! Папаша Либион знал их, этих своих «детишек», как он их называл, и искренне их любил. Они не могли удивить его своими поступками, и последнее слово всегда оставалось за ним.

Однажды группа молодых художников пригласила его на вечеринку, посвященную первой крупной сделке одного из друзей. Модильяни, наконец, нашел покупателя, предложившего баснословную цену за одну из его картин – несколько сотен франков. Было решено потратить эти деньги на огромный ужин. Так папаша Либион появился в тот вечер на ужине вместе со всей счастливой компанией. Но Модильяни нервничал. По правде сказать, все вокруг – стулья, ножи, бокалы, тарелки и даже столы – принадлежало папаше Либиону. Тот встал и, не

говоря ни слова, ушел! Модильяни начал бранить приятелей:

– Куча идиотов! Зачем вам понадобилось тащить его сюда? Я люблю его не меньше вашего, и если я его не пригласил, так это из-за посуды, которую я у него позаимствовал.

Амедео Модильяни, Пабло Пикассо и Андре Сальмон у «Ротонды»

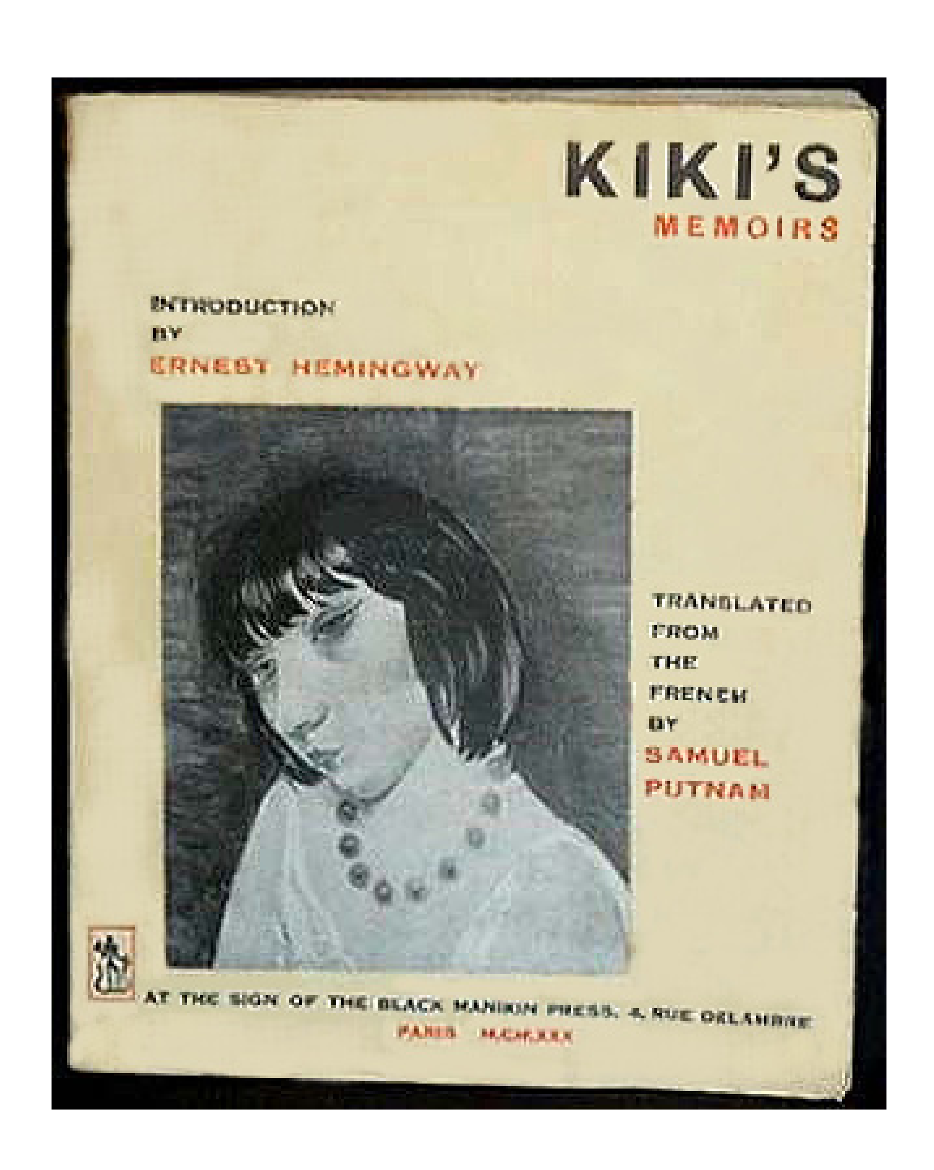
Компания обменялась тоскливыми взглядами. Прошло несколько минут. Есть никому уже не хотелось. Вдруг отворилась дверь. Все глаза повернулись к двери – и что же они увидели? Папаша Либион вернулся, тяжело волоча ноги, а в руках он нес целую охапку бутылок. «Только вино здесь было не от меня, так я решил принести вина. Давайте все за стол! Я голоден как собака».

Вам, конечно же, сложно поверить, что рассказы эти не придуманы. Уверяю вас, я ничего не преувеличила. Более того, если вы спросите кого-нибудь из завсегдатаев «Ротонды» того времени, они расскажут вам такие же истории.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Английский перевод мемуаров Кики, изданный в Париже в 1930 г. (и расширенный в сравнении с французским вариантом), стал таким же памятником богемному Монпарнасу, как и французское издание, вышедшее годом ранее. Далее приводятся заметки переводчика мемуаров Сэмюэля Патнэма и издателя Эдварда Титуса, вошедшие в английскую версию книги, выпущенную Титусом в его небольшом парижском издательстве «At The Sign of the Black Manikin Press».

KIKI'S
MEMOIRS
INTRODUCTION
BY
ERNEST HEMINGWAY
TRANSLATED
FROM
THE
FRENCH
BY
SAMUEL
PUTNAM
AT THE SIGN OF THE BLACK MANIKIN PRESS, 4, RUE DELAMBRE
PARIS MCMXXX

Сэмюэль Патнэм

Примечание о Кики, св. Терезе и Вульгате

Предисловие Эрнеста Хемингуэя к «Мемуарам Кики» мне показали лишь после того, как я с безрассудной храбростью взялся переводить эти мемуары. Этого предисловия было бы достаточно, чтобы заставить дрогнуть руку потверже моей, но я дал слово и сдержал его.

В сущности, у меня у самого были определенные сомнения на эту тему еще до прочтения господина Хемингуэя. Могу добавить, что они одолевают меня до сих пор. Я все еще не знаю, возможно ли перевести Кики.

Безусловно, всякий перевод невыполним. И, выполнив невыполнимое, переводчик закончил работу на день и имеет право присесть к бокалу *vin blanc, frites* и *saucisson*[1]. Каждый перевод – чудо, и есть чудеса, которые свершаются.

Лично я не тешу себя надеждой на свои способности чудотворца, но заниматься чудесами – мое хобби. Если усердие чего-либо стоит, усердие и мозаика, каковой, как часто рассказывают, выложен пол в аду, я могу заявить, что призвал для выполнения данной задачи то воодушевление, которое, мне кажется, так помогло покровителю всех переводчиков блаженному Иерониму* в толковании Библии. Преисполненный ощущением своего высокого призвания, я подошел к задаче с благоговением, ни на секунду не сомневаясь в безоговорочной вдохновленности текста, лежащего передо мной. В то же время, я придерживался принципа моего великого предшественника: «Non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu»[2].

---

[1] Белого вина с жареной картошкой и сосиской (*франц.*).

[2] Фраза св. Иеронима: «Не слово в слово, но смыслом, выражающим смысл» (*лат. – Здесь и далее прим. изд.*)

Взявшийся переводить божественную Кики иным образом будет обречен на провал. Не позволяйте ее *naivetes* или даже *gaucheries*[1] ввести вас в заблуждение: ее проза является самой утонченной из всего, что я когда-либо читал.

Временами у читателя возникает отдаленный образ вертихвостки Аниты Лус*, мгновенно отметаемый как кощунственный. Я абсолютно не знаю прозы, сравнимой с этой. Я не знаю ничего более скрытно-изысканного, полного обманчивых нюансов – несравнимого даже с «Фанни Хилл»*. Разве можно представить себе американскую Кики (если американскую Кики вообще можно вообразить), создавшую такую книгу? Гринвич-Вилледж не произвел на свет никого, подобного Кики или ее многостороннему творчеству, и в ней Монпарнас воистину оправдал свои плоды.

Своими качествами проза Кики, конечно же, чем-то обязана французскому языку с его акцентированной сдержанностью. Англоязычная женщина образца Кики в Лондоне или Нью-Йорке, благодаря вольности и непристойности своего жаргона, показалась бы широкой публике практически невразумительной. У нас сленг имеет тенденцию скользить по шкале, превращаясь у профессиональной проститутки или уголовника в психопатическо-параноидальное явление. Похожее, возможно, существует и на определенных галльских уровнях, но у девушки наподобие Кики сленг является скорее украшением и, как любой хороший орнамент, своей эффективностью зависит от размещения. Я с уверенностью могу сказать, что Кики в целом пользуется намного лучшим языком, нежели любая похожая на нее американка или англичанка. В действительности проза Кики может служить не менее прекрасным, чем все известное мне, образцом того принципа, которым так гордятся французские приверженцы классицизма – *clarte*[2]. И сами французы первыми признают, что *clarte* – вещь обманчивая.

Поэтому, переводя Кики, необходимо постоянно быть настороже, чтобы не исказить ее прозу слишком вольным штри-

---

[1] Наивностям … словесным неловкостям (*франц.*).
[2] Ясность, прозрачность (*франц.*).

хом. С другой стороны, постоянная преданность французскому языку, лучше отражающему образ автора, может оказаться предательством по отношению к англоязычному читателю. Проблема не в переводе текста Кики, а в переводе самой Кики.

Чтобы суметь это сделать, переводчик должен почувствовать Кики, ощутить «Дом» в пять часов дождливого, туманного, алкогольного утра. И все же этого недостаточно, чтобы передать все нюансы, и к тому же несправедливо по отношению к Кики. Нужно вызвать в себе ощущение св. Терезы*, которая словно бы неожиданно материализуется в кафе «Дом» в указанный час. Потому что Кики больше похожа на св. Терезу, чем кто-либо из тех, кого я знаю. Именно поэтому я так горжусь быть ее блаженным Иеронимом. Да простят меня Бог и Кики – и тогда, возможно, простит меня и господин Хемингуэй!

Ман Рэй. *Кики* (1924)

Эдвард Титус

Примечание издателя

Появившись в прошлом году в оригинальной французской версии, «Мемуары Кики» взбудоражили весь Париж. Парижская пресса вовсю обсуждала книгу. Крайне правые и крайне левые, наряду с промежуточными, посвящали колонки Кики и ее воспоминаниям.

Я не могу притворяться равнодушным к тому успеху, что сопутствовал этой книге. Я был первым, кто посоветовал Кики написать ее. В течение более чем двух лет я продолжал настаивать на том, чтобы она довела работу до конца. Щедрая на обещания, она всегда останавливалась перед выполнением, пока не появился приятель – предприимчивый и умевший убеждать Анри Брока: он знал, как заставить Кики почувствовать серьезность обещаний и взять в руки перо.

В конце концов она написала восхитительно неотшлифованные готовые главы, которые и составили «Мемуары», и Брока опубликовал французское издание. Издание английской версии было предоставлено мне, и Кики расширила ее, добавив около двадцати страниц рукописи, не включенных во французское издание. Сейчас Эрнест Хемингуэй и Сэмюэль Патнэм умудрились перессориться по поводу английского перевода, используя некий стиль утонченной беспристрастности. Я доброжелательно влезаю в драку со своей палкой, чтобы дать по башке обоим.

Хемингуэй написал предисловие с отличным вкусом, облегчив себе бремя замечанием о трудностях или невозможности перевода, и сделал это, конечно же, в абстрактном плане, так как не видел работы Патнэма. Затем он собрал вещи и снаряжение и укатил рыбачить на Кубу. И все же Хемингуэй, замечу, в совершенстве владеет теми средствами выражения на

английском, которыми Кики так бесподобно владеет на французском.

Патнэм превзошел Хемингуэя. Она начал с разговора о невозможности перевода «Мемуаров», а потом, сойдя с небес на земную твердыню, принес мне свой капитальный труд для публикации. Оба этих господина занимались всего лишь переливанием из пустого в порожнее. Возникает желание парировать в духе обличительной речи в Библии (Деяния 2:13), которая так умиротворенно сводит на нет схожую полемику по поводу языка: «Они напились сладкого вина».

До тех пор, пока человек как класс един и одинаков, любой из его языков необходимо должен быть переводим на другой. Патнэм всего лишь шутит, сравнивая переводы с чудесами. Так называемый святой покровитель Иероним, цитируемый им, не рассматривал перевод как чудо. А если и рассматривал, то действовал самым примитивным и нечестивым образом, когда, осознав свою слабость в иврите, с которого он взялся переводить, нанял себе в помощь ходячего вокабулярия и грамотея в лице стопроцентного, гебраистично квалифицированного старого еврея, у которого он жадно брал уроки, после чего и выдал нам бессмертную Вульгату. По всей видимости, еврей обучал Иеронима только вечерами, будучи занят чем-то другим в дневное время. Самым подходящим дневным ремеслом почтенного профессора видится изготовление свечей. Таким образом, мы натолкнулись на свидетельство о древнем происхождении вечерних школ.

Нет, переводу не присуще чудо. Называть знание языков чудом – пустое бахвальство и бесполезная реклама. Язык может быть хитрым или обманчивым. Он может быть сложным. Два языка – вдвое обманчивее и вдвое сложнее. Американскому бутлегеру покажется, что легче повторить чудо Каны*, нежели американскому колледжу выдать миру выпускника с двумя языками и достаточными навыками для устройства на переводческую работу. Кто угодно, только не я, может пытаться принизить или недооценить труд переводчиков. Их трудности нельзя пренебрежительно отбросить прочь. Порой обстоятельства бывают особенно неблагоприятными. Переводчиков часто беспокоят надоедливые сомнения и возражения

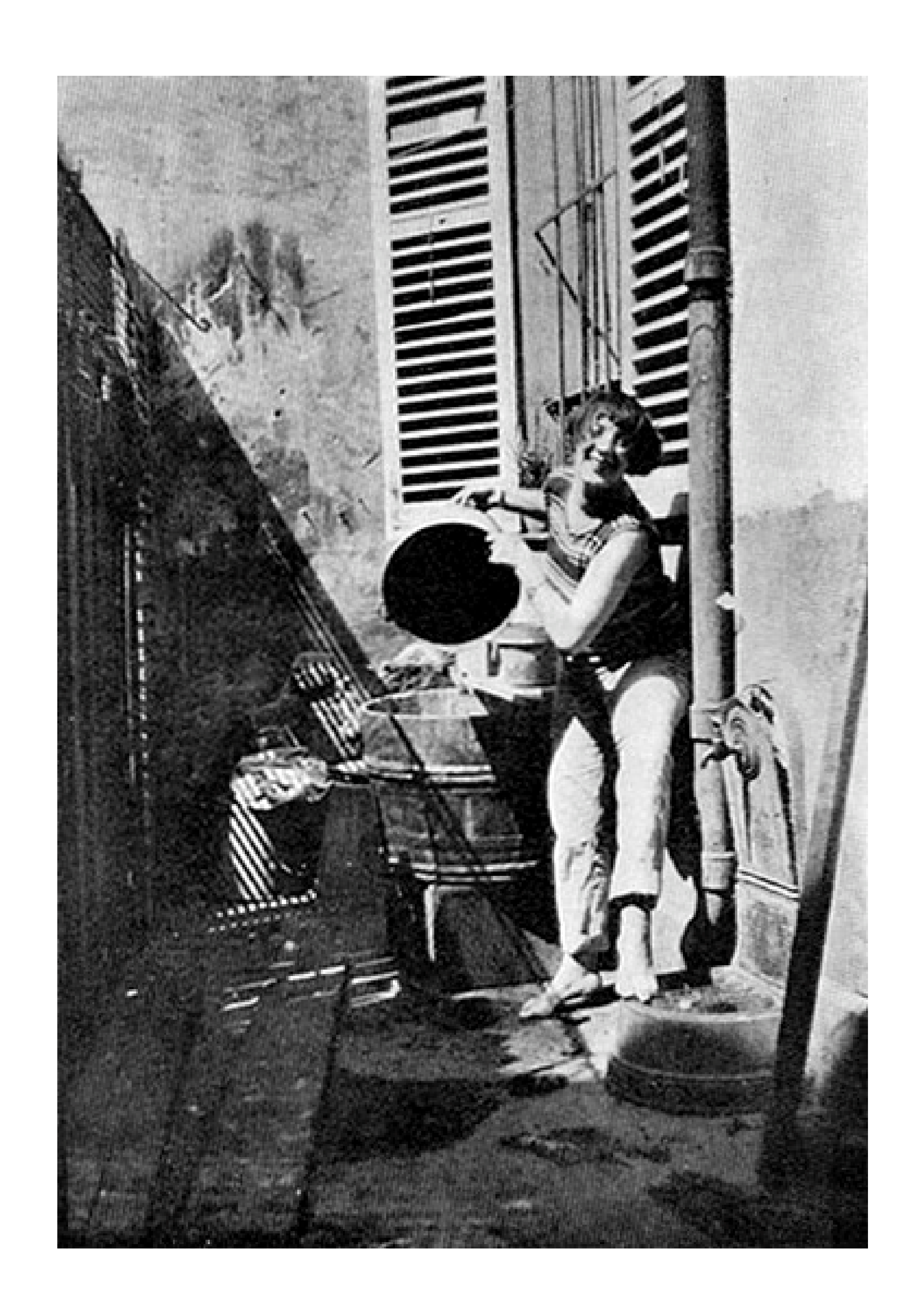
по поводу стиля переводимого. Вновь и вновь клетки памяти нуждаются в особых понуканиях, прежде чем они согласятся неуютно устроиться в пробелах строк, надеясь на то, что их вовремя остановят. Когда же все сказано – как и во многих других профессиях и ремеслах, где необходимы навыки – все сложности и соответствующие вариации становятся несущественными. Это в порядке вещей.

Но, в шутку или всерьез, Патнэм оказался в неприятной ситуации. Даже Библия против него, а это достаточно серьезно для человека, опирающегося на Библию. Он прочел своего блаженного Иеронима. Похвалим Патнэма за диковинную, эксцентричную начитанность. Но читал ли он Вульгату?

В Новом Завете (I Коринф., XII) и, конечно же, в целом в Вульгате перечислено значительное количество духовных даров – несомненный подарок каждому человеку. Так вот, об одном человеке говорится, что он наделен умением творить чудеса, а другой обладает даром языков, и это означает, что в дополнение к идишу или какому-либо иному родному языку, он одинаково хорошо может стенать на другом или других языках. Имеется там и третий, одаренный способностью к интерпретации языков. Сформулировать последнее – дело довольно сложное, потому что это может (или не может) затмить фрейдистские достижения в области перевода подсознательного в сознательное. Это может также помочь толкователям и комментаторам джеймсов джойсов известного нам любопытного периода. Или просто означать, что нужно переложить на греческий, латинский или ассирийский то, что американским гуманистам удается так понятно выражать на иврите и наоборот. Это может означать что угодно из перечисленного или массу других вещей. Но одну из них разъяснили авторитетные библейские лица: кудесниками являлась определенная группа людей, а мастерами словоблудия – другое сообщество, и члены одной группы никогда не проводили время с членами другой, дыша воздухом на полуденных прогулках в святую субботу.

Да, блаженный Иероним перевел Библию с превеликим трудом. Сегодня мы склонны считать его перевод непревзойденным. У него не было помощника, стенографирующего

под диктовку. Не было машинистки, печатающей текст. Честный труженик, влюбленный в свою работу и присущие ей сложности, он никогда не бросался пустыми словами о чудесах и невозможности перевода в отношении своих монументальных трудов, и, боюсь, он решительно осудил бы это в Патнэме. С другой стороны, учитывая, что у Иеронима была оступившаяся сестра, которую ему успешно удалость вернуть в благодатное состояние, можно с уверенностью предположить, что блаженному Иерониму понравились бы «Мемуары Кики» – хотя ему, возможно, было бы сложно понять, каким образом такой любимчик Кики, как Жан Кокто, мог оказать малейшее пагубное влияние на женщину*. Ему определенно понравилось бы непритязательное просторечие английской версии «Мемуаров» и он без колебаний признался бы в этом, хорошо защищенный огромным расстоянием во времени и пространстве от угрозы гладиаторски большой и крепкой руки Эрнеста Хемингуэя.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии

Женщина, известная всему миру как «Кики с Монпарнаса», прожила недолгую жизнь, состарилась в болезнях и закончила свои дни в 52 года – алкоголь и наркотики сделали свое дело. К тому времени ее изображения стали гордостью музеев и частных коллекций, на них сколачивались состояния. Глядя на судьбу Кики из нашего, XXI века, невольно задумаешься над тем, что все могло бы сложиться совершенно иначе. Подобно друзьям и любовникам своей молодости, Кики могла бы стать если не прославленной, то вполне преуспевающей художницей: ее работы, выполненные где-то на грани примитивизма и экспрессионизма, охотно раскупали видные собиратели живописи. Могла бы стать актрисой: она снялась в девяти кинофильмах, и камера ее обожала. Могла бы, наконец, просто выпрашивать картины и рисунки у будущих знаменитостей и потихоньку складывать их под кроватью на черный день. Но тогда она не была бы Кики – веселой, щедрой, прекрасной Кики, слишком любящей жизнь для того, чтобы настойчиво (как поступали некоторые ее приятели по Монпарнасу) рваться к материальному процветанию. Быть может, она и стала бы прочно забытой на сегодня звездочкой экрана или состоятельной буржуазной дамой, но не стала бы той живой легендой, без упоминания о которой не обходятся ни одни воспоминания о Монпарнасе двадцатых-тридцатых годов минувшего столетия. И, конечно, ей не посвящали бы солидные исследования, бесчисленные журнальные и газетные статьи и даже комиксы – и не называли бы ее именем модный дом, предлагающий соблазнительное женское белье, которое Кики отродясь не носила.

Кики родилась 2 октября 1901 г. в живописном старинном городке Шатийон-сюр-Сен в бургундской местности Кот д'Ор. Население городка в те годы составляло около пяти тысяч человек. Одним из предков Кики был наполеоновский солдат, ставший пастухом; ее дед, строительный рабочий, поселился в

Шатийоне в 1870 г., женившись на Мари Эспри. Мать Кики, Мари Эрнестин Прен, родилась в 1883 году. Четвертый ребенок в семье, она работала линотиписткой в местной газете и, на свою беду, влюбилась в богатого – по меркам Шатийона – торговца углем и древесиной Максима Легро, который был старше ее на десять лет. Первого незаконного ребенка, умершего при родах, Мари родила в 16 лет; полтора года спустя родилась девочка, которую назвали Алисой Эрнестиной Прен. Это и была будущая Кики.

Семья жила в доме № 9 по улице Шарм, само название которой, должно быть, казалось маленькой Кики издевательством (этот дом, как и многие другие здания Шатийона, пострадал от итальянских бомбежек во время Второй мировой войны). Впрочем, о своем тяжком и нищем детстве, жизни с бабушкой в компании пяти таких же «ублюдков», мечтах об отцовской и материнской ласке и любви Кики подробно рассказала в мемуарах. Мать Кики нашла работу в Париже: сперва в больнице Бодлок, затем в типографии издательства Кальмен-Леви. Это позволяло ей посылать пять франков в месяц на содержание дочери. Появился и новый любовник – Гастон, заведующий типографией, с которым Мари поселилась на Монпарнасе в принадлежавшем издательству доме на улице Дюлак, 12.

В воспоминаниях Кики пишет о первых годах жизни в Париже, куда она попала в двенадцать лет. По закону, с 13 лет дети могли уже работать, и Мари Прен поспешила забрать дочку из школы и отправить на заработки. Бунт юной Алисы против этого рабского существования совпал с переменами в жизни матери, явно видевшей в девочке обузу: в начале 1916 года она привела в дом раненого 22-летнего солдата Ноэля Делекеллери и через два года вышла за него замуж.

В Кики рано проснулась чувственность, и ее юные годы – это непрестанный поиск куска хлеба и любви, причем любви не романтической, а вполне телесной. С 14 или 15 лет она уже позировала обнаженной и, оказавшись в прямом смысле слова на улице, вскоре нашла сожителя и успела попробовать себя в роли проститутки. К счастью, дело ограничилось лишь демонстрацией груди и Кики сумела избежать панели, обычно-

го удела деревенских девушек, приезжавших в Париж: ведь в те времена даже для прачек, служанок или белошвеек проституция была распространенным приработком. И хотя в глазах иного буржуа натурщица мало чем отличалась от проститутки, для Кики различие было существенным – много лет спустя она угодила в тюрьму, набросившись на хозяина кафе, который заподозрил в ней проститутку. Мало того, она смогла превратить юношеские душевные травмы в предмет гордости и позднее (как замечает в предисловии к ее мемуарам Хемингуэй) преподносила свое лицо и тело не как объект торговли, а как произведение искусства.

Ман Рэй.
Кики (1920-е)

Живое любопытство, природный интеллект и влечение к артистическому миру позволили Кики легко влиться в художественную жизнь Монпарнаса. Смело можно сказать, что она буквально оказалась в нужное время и в нужном месте.

Монпарнас – район на стыке VI и XIV парижских арондисманов, образованный улицами Фруадво, Санте, д'Асса и Севр, бульварами Араго и Порт-Рояль, проспектом Мен и бульварами Монпарнас и Распай (на пересечении их, называемом перекрестком Вавен, расположились некогда самые знаменитые кафе Монпарнаса – «Дом», «Ротонда», «Куполь» и другие). В начале XX века этот район сохранял еще многие черты сельского пригорода; одновременно шла интенсивная застройка. В те же годы сюда хлынул поток литераторов и художников, уставших от лжеискусства, бурной ночной жизни и преступности Монмартра. Почти одновременно на Монпарнасе поселяются Пикассо, Дерен, Модильяни и ван Донген. Привлеченные славой Мекки авангардного искусства, на Монпарнас начали съезжаться и иностранцы: в пестрой толпе можно было встретить писателей, журналистов, революционеров и, разумеется, художников из Италии, Германии, России, Испании, Англии, скандинавских стран и таких экзотических мест, как Чили, Мексика или Япония, откуда был родом Фуджита. Кафе Монпарнаса становились средоточием артистического бытия – художники, поэты и политические эмигранты искали в них не только человеческого, но и самого простого тепла: многие из них жили в холодных, нищенских мастерских, лишенных каких-либо удобств.

Первая мировая война изменила облик Монпарнаса – одни погибли на фронте, другие не смогли вернуться по политическим причинам. Вдобавок, послевоенные годы омрачили смерти Гийома Аполлинера и Модильяни и самоубийство возлюбленной последнего Жанны Эбютерн. Но Монпарнас быстро воспрял – появились деньги, открывались все новые кафе и ночные клубы, наводненные бесчисленными туристами, а место виднейших мастеров, покинувших Монпарнас, заняли дадаисты и сюрреалисты. И американцы, заполонившие Монпарнас благодаря его дешевизне, доступному алкоголю и атмосфере творческой и личной свободы. Собственно, лишь «Великая депрессия» 1929 г. привела к постепенному угасанию «великой эпохи» Монпарнаса, длившейся двадцать пять лет.

«Все аспекты жизни на Монпарнасе были пропитаны свободой и экспериментами. Попавшим туда предоставлялась

возможность реализовать себя: художественно, интеллектуально, политически и сексуально» – замечают биографы Кики Билли Клювер и Джули Мартин. «В этом был аристократизм личности, и Кики была величайшей личностью. В одиночку и в силу особенностей своего характера, выйдя из самого низшего общественного класса, из крайней нищеты, она вошла в артистические круги и стала одной из наиболее заметных их героинь в период между двумя мировыми войнами».

Художники неодолимо влекли Кики. В самом начале своей карьеры на Монпарнасе она некоторое время встречалась с Хаимом Сутиным, затем сошлась с польским художником Морисом Менджицким, с которым прожила более трех лет. Она стала любимой моделью Моисея Кислинга (портрет его работы украшает обложку книги Кики). Осенью 1921 г. Кики встретилась с Ман Рэем, американским художником и фотографом-экспериментатором, незадолго до того приехавшим в Париж.

Ман Рэй

Красота, спонтанность, веселый нрав и острый язык Кики пленили Рэя. Так начался восьмилетний роман, подаривший миру лучшие образцы сюрреалистической фотографии и кинематографа. Сперва они жили в маленьком номере Рэя в «Отель дез Эколь» на улице Деламбр, совсем рядом с кафе

«Дом», затем вместе поселились в его новой мастерской на улице Кампань-Премьер.

Ман Рэй. *Кики в «Отель дез Эколь»*

Кики позировала Ман Рэю в более чем сорока фотографических сеансах, результатом которых стали такие классические работы, как «Скрипка Энгра» (1924) и «Черное и белое» (1926). Она также сыграла в его экспериментальных фильмах «Возвращение разума» (1923), «Эмак-Бакия» (1926) и «Морская звезда» (1928). На работе Кики в кино следует остановиться подробнее – ее можно увидеть на экране и в «Механическом балете» Фернана Леже (1924), и в нескольких коммерческих фильмах середины двадцатых и начала тридцатых годов: «Галерея монстров» Жака Катлена (1924), «Жестокосердная красавица» лидера киноимпрессионизма Марселя Л'Эрбье (1924), «Желтый капитан» («Душа Востока») Андерса Вильгельма Сандберга (1930) и «Этот старый негодяй» Антуана Литвака (1933); упомянем и ее роман с русским актером-эмигрантом Иваном Мозжухиным.

Кики в фильме «Галерея монстров» Жака Катлена (1924)

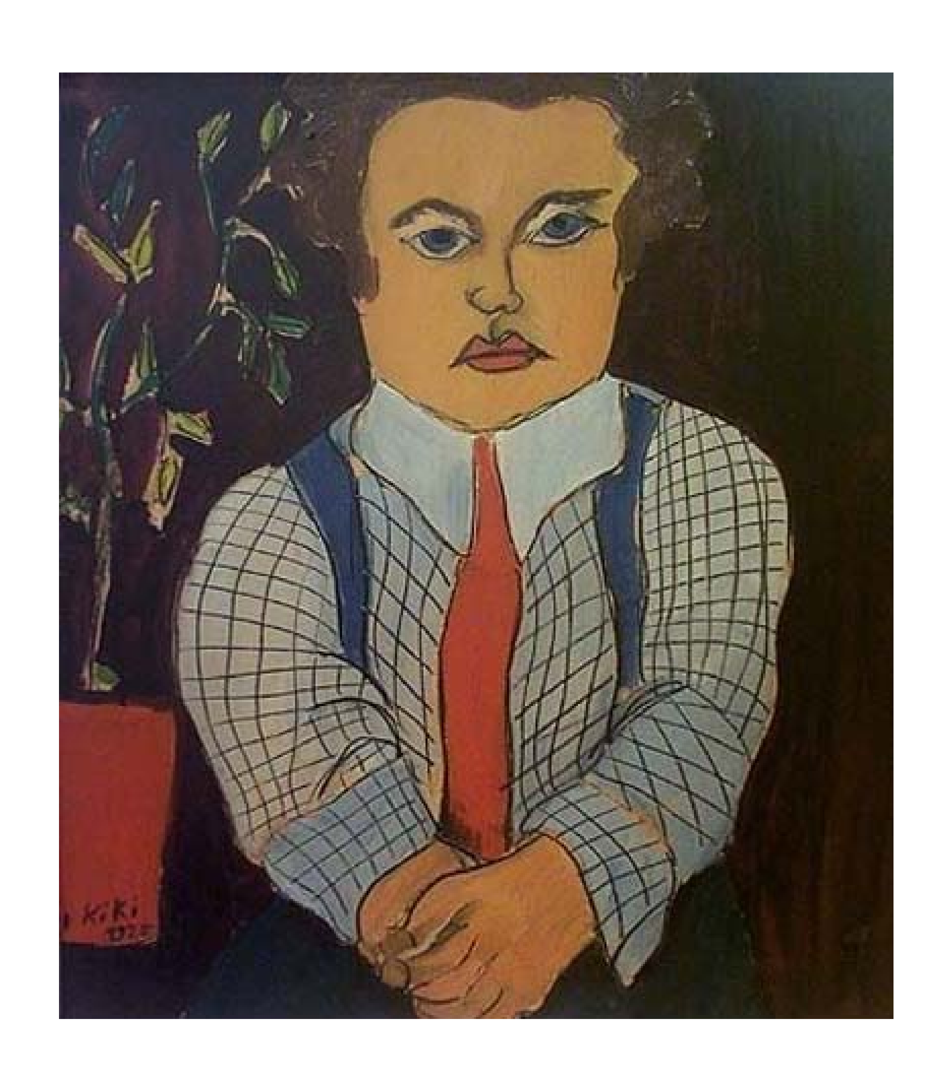
Безусловно, Кики любила Рэя. «На сердце становится тяжело, когда я думаю, что сегодня ты будешь в постели один, потому что мне бы так хотелось уложить тебя, чтобы ты свернулся калачиком в моих руках» – писала она Рэю из Шатийона в первые месяцы знакомства. «Я слишком люблю тебя... ты не создан для любви, ты слишком спокоен... Но я должна принять тебя таким, какой ты есть, ведь ты мой возлюбленный, которого я обожаю, который заставляет меня умирать от наслаждения, горя и любви... И я кусаю твой рот до крови и пьянею от твоего безразличного, порой даже грубого выражения лица. До понедельника, мой большой любимый мальчик. Твоя Кики обожает тебя, Ман».

Любовь Кики, что видно и в приведенном письме, часто наталкивалась на холодность и отчужденность Рэя, который мог заявить подруге: «Что такое любовь, идиотка? Мы не любим, мы сношаемся». Нередки были ссоры и скандалы, вызванные бешеной ревностью Кики. Одна из таких размолвок привела к поездке Кики в Америку, куда она отправилась со своим любовником, американским журналистом.

Последней совместной работой Кики и Рэя стала серия порнографических по существу фотографий под названием «Четыре времени года», на которых Рэй запечатлел самого себя, занимающегося любовью с Кики. Эти снимки были включены в скандальную книгу «1929», куда вошли также стихотворения Бенжамена Пере и Луи Арагона: в виршах, написанных в духе колыбельных, но насыщенных площадной лексикой и юмором, поэты-сюрреалисты воспевали месяцы года.

С 1923 года и открытия знаменитого клуба «Жокей» начались эстрадные выступления Кики в различных ночных клубах Монпарнаса и в фешенебельном «Быке на крыше» на правом берегу. Она с серьезным и сдержанным видом угощала публику крайне неприличными песенками, могла вскинуть пышные нижние юбки и продемонстрировать полное отсутствие белья.

Кики также занялась живописью, создав ряд колоритных и выразительных наивных работ, выдающих немалое дарование и навеянных воспоминаниями детства; рисовала она и очень похожие портреты друзей. В марте 1927 года открылась ее выставка в галерее «Au sacre du printemps» на улице Шерше-Миди; предисловие к каталогу написал поэт-сюрреалист Робер Деснос. На вернисаж «собрались все завсегдатаи квартала. С пяти вечера до полуночи они стекались постоянным потоком, и маленькая галерея бурлила возбужденными комментариями» – писала газета «Пари Трибюн». «По нашим сведениям на данный момент, это был самый успешный вернисаж года. Пришедшие повеселиться уходили с покупками, и не успела закончиться ночь, как большое количество холстов было украшено маленькими, белыми карточками с надписью ‘продано’».

Кики. *Карлик ле Тарар* (1925)

Кики снова выставила свои работы в «Galerie Bernheim» в декабре 1930 года. К тому времени она уже оставила Ман Рэя и жила с Анри Брока, газетным иллюстратором и журналистом, приехавшим в Париж из Бордо в 1925 г. С 1929 г. Брока издавал журнал «Париж-Монпарнас», на страницах которого ностальгия по старому Монпарнасу сочеталась со сплетнями из жизни художников и рекламой нового, модно-туристического Монпарнаса с его ночной жизнью и «индустрией наслаждений».

Афиша выставки Кики (1927)

В мае 1929 г. Брока организовал костюмированное представление в монпарнасском театре «Бобино» с целью сбора денег для нуждающихся художников. Ограниченным тиражом была выпущена программка с обложкой Паскина, выступал джаз-банд, Фуджита в костюме клоуна и художник Самуэль Грановский в своей традиционной одежде техасского ковбоя вели

Афиша благотворительного вечера, организованного журналом Анри Брока «Париж-Монпарнас» (30 мая 1929 г.)

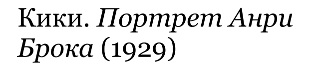

Сценки из костюмированного представления 30 мая 1929 г. Слева направо: Мария Васильева исполняет «русский танец»; Фуджита и Грановский; Кики и ее подруга Тереза Трез танцуют канкан вместе с «Девушками Монпарнаса».

вечер. Звездой его стала Кики: вместе со своей подругой Терезой Трез и кабаретной труппой «Девушки Монпарнаса» она сплясала канкан, исполнила несколько песенок и в том числе свою любимую «Девочки Камаре» – и вполне ожидаемо победила на состоявшихся тут же выборах «королевы Монпарнаса». Фотографическая открытка, изображавшая чувственную и торжествующую Кики с розой в зубах, по слухам, была растиражирована то ли в ста, то ли в трехстах тысячах экземпляров. «Андре Бауманн [владелец цветочного магазина близ «Куполя»] в отчаянии. Со времени триумфального избрания королевы Монпарнаса, поклонники Кики наводнили его магазин, и к девяти вечера не остается ни единой красной розы» – сообщал городу и миру «Париж-Монпарнас».

Кики. *Портрет Анри Брока* (1929)

Брока и раньше не жалел страниц своего журнала для прославления Кики, а их роман был весьма страстным. «Прогуливаясь по бульвару, влюбленная парочка развлекала друг друга и прочих отдыхающих граждан затяжным поцелуем. Он на-

чался около ресторана 'Фальстаф' и продлился до самого бара 'Куполь', где их приветствовала девчушка, торгующая цветами. Брока купил цветок, прикрепил его к лацкану и они с Кики вошли внутрь» – повествовала «Пари Трибюн». Именно Брока сумел уговорить Кики засесть за мемуары (хотя саму честь этой идеи приписывает себе журналист и издатель Эдвард Титус). Первые главы рукописи были опубликованы в журнале «Париж-Монпарнас» в апреле 1929 г., а в июне Брока устроил вернисаж с подписанием книги в уже упоминавшемся модном баре-ресторане «Фальстаф».

В «Фальстафе». Тереза Трез с книгой Кики в окружении Юки (справа) и Анри Брока (слева)

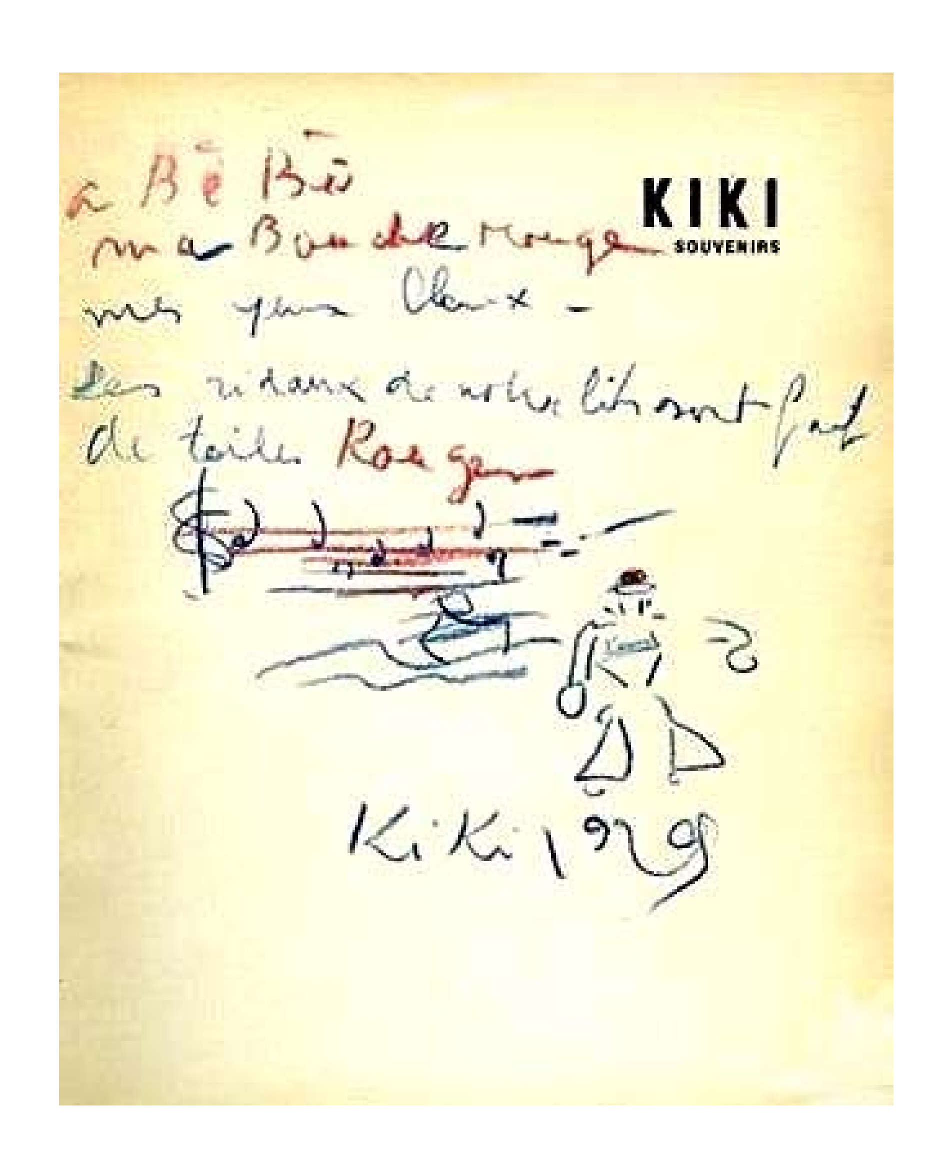
В октябре в книжном магазине Леви состоялся еще один вечер, описанный «Пари Трибюн»: «Кики расцеловывала всех пришедших в прошлую субботу. Очередь в магазин на буль-

варе Распай выстроилась около девяти вечера. Как только новость о том, что за тридцать франков можно будет получить копию «Мемуаров Кики», ее автограф и поцелуй как часть сделки, облетела квартал, мужчины прибежали стремглав, забыв о женах, невестах и чувстве собственного достоинства».

Кики подписывает свою книгу. Слева Анри Брока (1929)

Стараниями Титуса в 1930 г. вышел английский перевод книги Кики с предисловием Эрнеста Хемингуэя, включивший и дополнительные отрывки, а также любопытную полемику издателя и переводчика, приведенную нами в приложении. Но

Авантитул мемуаров с дарственной надписью Кики

все попытки издать книгу и в США оказались тщетными. Заказанные главным редактором издательства «Рэндом Хаус» Беннеттом Серфом 150 экземпляров были задержаны и конфискованы таможней. До семидесятых годов воспоминания Кики формально оставались под запретом и хранились в библиотечных отделах запрещенных книг, хотя еще в пятидесятых-шестидесятых годах предприимчивый издатель полуподпольной эротической литературы Сэмюэль Рот выпустил их в нескольких изданиях под названием «Воспитание французской натурщицы». В книжках Рота мемуары Кики сопровождались фривольными фотографиями, в одном из изданий работы Кики были заменены непристойными рисунками, а в более поздних изданиях Рот и вовсе добавил к мемуарам десять фальшивых главок, якобы написанных Кики в 1952 году (в них «Кики» приезжает в Нью-Йорк и встречается с «папой» Хемингуэем).

Ман Рэй. *Кики и Андре Ларок* (1930-е)

В тридцатые годы Кики все чаще выступает в кабаре и ночных клубах, выпускает пластинку с записями своих песен и держит собственный ночной клуб «Оазис», позже переименованный в «У Кики». Ее постоянным аккомпаниатором, а затем и спутником жизни становится Андре Ларок, бывший налоговый

инспектор, бросивший работу ради игры на пианино и аккордеоне. Артистическая карьера Кики сошла на нет одновременно с закатом Монпарнаса.

Брассай. *Кики и ее аккомпаниатор* (1930-е)

Преданный Ларок пытался отучить Кики от пристрастия к алкоголю и наркотикам. Свидетели ее последних лет рисуют женщину, разрушенную болезнями и забытую многими прежними друзьями, но сохранившую неизбывный оптимизм и любовь к жизни. Перед самой смертью она находила время и силы на то, чтобы регулярно навещать пожилых пациентов одной из парижских больниц и раздавать им конфеты, которые покупала на свои скромные средства. Все эти годы она жила с Лароком в квартире на улице Бре, 2, где стены были украшены ее картинами.

Кики умерла 23 марта 1953 года. Многочисленные французские газеты и журналы напечатали некрологи, а чуть позже американский журнал «Лайф» посвятил ей три страницы под заголовком «Даже после смерти, натурщица живет как символ ушедшего богемного Парижа».

Кики была «настоящим ребенком по натуре, ребенком, который действовал спонтанно и импульсивно. <...> Дерзкая и раскованная, она легко выбирала возлюбленных, но была при этом преданной и щедрой. Она могла неожиданно обнажить грудь, задрать юбку в баре или ресторане, заявить довольным посетителям 'вам это обойдется в пару франков', а потом отдать полученные деньги нуждающемуся другу» – пишет Билли Клювер, биограф Кики. «Кики продолжает оставаться олицетворением открытости, дерзости и творческого начала, отметивших ту эпоху Монпарнаса, что по словам французского писателя Жюля Ромена 'была ни с чем не сравнима, не имела параллелей – мгновение во времени, безвозвратно потерянное, но не забытое'».

***

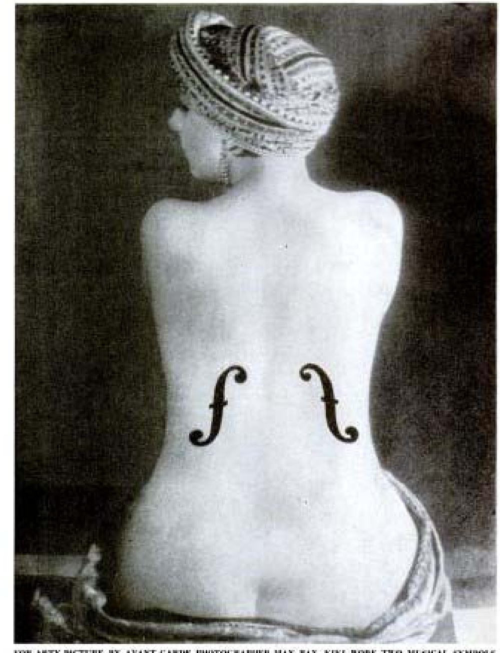
Свой след, хотя и эфемерный, Кики оставила и в русской культуре. Видимо, она была знакома с Владимиром Маяковским: по возвращении из Берлина в 1924 г. сестра Лили Брик, Эльза Триоле, жила в той же монпарнасской гостинице «Истрия» на улице Кампань-Премьер 29, где по соседству с мастерской (расположенной в доме 31-бис) снимали номер Ман Рэй и

SOMBER KIKI posed in rare solemnity for U.S. Photographer Man Ray.

GAY KIKI appeared in a magazine of the 1920s, which titled the photograph *The Unforced Smile.*

FOR ARTY PICTURE BY AVANT-GARDE PHOTOGRAPHER MAN RAY, KIKI WORE TWO MUSICAL SYMBOLS

SPEAKING OF PICTURES...

Even after death an artist's model lives on as symbol of bygone Bohemian Paris

In the delightfully mad world of the Paris Left Bank during the 1920s no one lived and loved more deliriously than an artist's model known simply as Kiki of Montparnasse. A friend of tramps, prostitutes and stray cats, she was also the darling of poets and painters. Artists loved to paint her not only because she had a fascinating catlike face and a voluptuous body but because she always seemed gay. In the tiny nightclub she opened at the height of her career she was at her zaniest, dancing the shimmy and singing bawdy songs of love for delighted audiences.

In hundreds of photographs and paintings (*p. 14*), Kiki won immortality as a symbol of Bohemian Paris. But as the years went by and the artists moved away, the aging flapper retreated into a murky dream world of drink and dope. This spring Kiki, whose real name was plain Alice Prin, died at 51. Recalling the good old days she had brightened for so many, a friend said wistfully, "We laughed, *mon Dieu*, how we laughed."

← **LAMENTING HIS FRIEND,** Artist Tsuguhara Foujita places flowers on Kiki's body after her death.

Страница журнала «Лайф» со статьей о Кики (1953). Внизу слева фотография Фуджиты у гроба Кики

Кики. В «Истрии» же осенью-зимой 1924 г. и на обратном пути из Америки в мае-июне 1925 г. останавливался и Маяковский – и дважды обратил на себя внимание гостиничных воров, похитивших его бумажник и башмаки. В своих воспоминаниях «Заглянуть в прошлое» Триоле оставила описание интерьера гостиницы, существующей до сих пор, и упоминает Кики в числе других постояльцев «Истрии»: «Гостиница ‘Истрия’, где останавливался Маяковский, изнутри похожа на башню: узкая лестничная клетка с узкой лестницей, пятью лестничными площадками без коридоров; вокруг каждой площадки – пять одностворчатых дверей, за ними – по маленькой комнате. Все комнаты в резко-полосатых, как матрацы, обоях, в каждой – двуспальная железная кровать, ночной столик, столик у окна, два стула, зеркальный шкаф, умывальник с горячей водой, на полу потертый желтый бобрик с разводами. Из людей известных там в то время жили: художник-дадаист Пикабия с женой, художник Марсель Дюшан, сюрреалист-фотограф американец Ман Рей со знаменитой в Париже девушкой, бывшей моделью, по имени Кики и т.д.».

Совсем рядом, на углу улицы, находился «Жокей», открывшийся в ноябре 1923 г. Вполне вероятно, что Маяковский бывал в этом популярнейшем ночном клубе Монпарнаса тех лет и слушал неприличные песенки Кики; Триоле упоминает, что они с Маяковским бродили по ночному Парижу и часто посещали «дансинги»: «Володя <...> любил ходить по танцулькам, хотя сам и не танцевал». Бывали они и «в танцульке, на втором этаже кафе ‘Ротонда’». В парижских стихотворениях Маяковского упоминается и «Ротонда», и любимый Кики «Дом»; «Верлена и Сезана» он начал с описания «Истрии» и «коротышки» Кампань-Премьер и завершил знаменитыми строками, которые кажутся поэтическим портретом (если не эпитафией) всего старого Монпарнаса и «парижской школы»: «Париж, фиолетовый, Париж в анилине вставал за окном ‘Ротонды’».

«Маяковский каждый день приходил в ‘Ротонду’» – свидетельствует Илья Эренбург, который осенью 1924 г. после долгого отсутствия сумел наконец получить французскую визу и вновь приехать в Париж. Как и Маяковский, Эренбург ходил

не только в «Ротонду», бывал он и в «Жокее», песенки Кики ему запомнились.

Туллио Гарбари. *Интеллектуалы в кафе «Ротонда»* (1916)

«В ‘Сигаль’, в ‘Жоке’ танцевали до утра, а красавица Кики с глазами совы печально пела скабрезные песенки» – вспоминал Эренбург в мемуарной книге «Люди, годы, жизнь». О Кики упоминает в книге «Встречи» и Юрий Терапиано: «По рассказам, в 1919 и в начале 20-х годов хозяин ‘Ротонды’, сам писавший стихи, из уважения к поэтам и художникам, отпус-

кал им в кредит чашку кофе и луковый суп, художники приходили со своими натурщицами, знаменитая ‘модель’ Кики, приказав никого из посторонних не впускать в кафе, устраивала конкурсы красоты ‘ню’, — но в 25-м году все это было уже легендой. Кики я еще застал, она продолжала блистать на Монпарнассе, но уже безо всяких ‘конкурсов’, а на месте прежней ‘Ротонды’ выросло огромное буржуазное кафе».

В архиве Ивана Мозжухина сохранились любовные письма Кики. «Я только что посмотрела ‘Проходящие тени’. Вы рассмешили меня, как Чарли Чаплин, и лишь к концу заставили пролить одну горькую слезу» – писала она актеру. Сохранился экземпляр «Мемуаров» Кики с ее рисунком и дарственной надписью Сергею Эйзенштейну: они встретились в 1930 г. в Париже во время лекционного турне Эйзенштейна. Кики написала и портрет Эйзенштейна, о чем тот не без понятного «посвященным» юмора рассказывает в своих автобиографических записках:

«Таков пресловутый кабак ‘Бык на крыше’ <…> В подвальной его части я встретил несравненную Кики — модель всех крупных художников-монпарнасцев.

Кики, танцующая в испанских шалях танец живота на крышке рояля, на котором играет Жорж-Анри Ривьер из Musee du Trocadero.

Кики, подарившая мне книжку своих мемуаров с надписью:

‘Car moi aussi j'aime les gros bateaux et les matelots’*.

Наконец, Кики, сама ставшая писать красками, рисующая мой портрет.

К концу второго сеанса неожиданно входит Гриша.

Она скашивает свои громадные миндалевидные глаза неизменно благосклонной кобылицы из-под длинных ресниц в сторону Александрова и… в мой портрет оказываются вписанными губы будущего постановщика ‘Веселых ребят’».

Любопытно, что на этом приключения Кики в мире кино одной шестой не закончились: по воспоминаниям В. Катаняна («Прикосновение к идолам»), портрет Эйзенштейна работы Кики, хранившийся в семье режиссера, так понравился Сергею

---

* «Потому что я тоже люблю большие корабли и моряков» (*франц.*).

Параджанову, что однажды он воспроизвел его на пасхальном яйце. Катанян поясняет, что Параджанов и вдова Эйзенштейна Пера Аташева «часто передавали через меня приветы, а однажды на Пасху Сережа прислал ей из Киева расписанные им яйца. На одном, помню, он довольно точно воспроизвел портрет Эйзенштейна работы Кики, который ему очень понравился. Это яйцо стояло на полке с книгами долго, а все остальные благополучно съели».

И все же из русских современников лучший и наиболее подробный портрет Кики оставила художница Валентина Ходасевич – недаром ее мемуарная книга называется «Портреты словами»:

«Однажды в маленьком кафе я увидела женщину невиданной внешности. Конечно, надо было быть очень талантливой и храброй, чтобы так себя «сделать».

От природы она не красавица, но у нее значительное лицо, очень белая матовая кожа и огромные черные глаза. Лицо ее необычайно! Глаз не оторвешь не только от ее глаз (они хороши, очень похожи на египетские), но вся она интригующе интересна и какая-то из «будущего». Брови начисто уничтожены и нарисованы заново сантиметра на два выше своих очень четкой черной линией. Рот большой, темно-пунцовый. Она знаменитость района, и вскоре ее слава раскинулась на весь Париж, она стала достопримечательностью. Ее снимали, о ней и ей писали стихи. О ней написана книга. Имя ее Кики.

Где бы она ни появлялась, всегда казалось, что вот пришла хозяйка и задает тон веселью или какому-то взволнованно-напряженному состоянию. Казалось: вот-вот должно что-то случиться, но обязательно – интересное. И люди глазели на нее в ожидании... чего? Иногда она пела под банджо или ругалась хриплым голосом, иногда танцевала или просто – ничего... И все равно, при ней не до скуки! Ее глаза просто гипнотизировали. Вдруг хриплая сверхъестественная брань сыпалась с ее как лук изогнутых, больших, но очень красивых губ. В лице ни кровинки, шея, руки – все белое, и невольно начинаешь думать: а тело? Я узнала, что начинала она с того, что была натурщицей. Говорили: не счесть, сколько художников прошли через ее тело и написали ее портреты.

Несмотря на то, что она себя так видоизменила, в ней проглядывало исконное народное очарование француженки».

***

В нашем издании мемуары Кики печатаются по французской версии («Souvenirs», 1929) с соответствующими дополнениями по английскому изданию («Kiki's Memoirs», 1930). При работе над комментариями широко использовалось современное американское издание воспоминаний Кики (1996) с предисловием и примечаниями Билли Клювера и Джули Мартин (перевод фрагментов – Н. Семонифф). Это издание, также как их книга «Париж Кики. Художники и любовники 1900-1930» (1994), является неоценимым подспорьем для всех, кто хочет больше узнать о жизни Кики и артистического мира Монпарнаса первой трети XX века. В числе других книг можно назвать «Кики, королеву Монпарнаса» Лу Моллгаард (1988), «Автопортрет» Ман Рэя (1963), «Воспоминания о Монпарнасе» Джона Глассо (2007), «Совместную гениальность, 1920-1930» Роберта Мак-Алмона и Кей Бойл (1997), несколько бульварный «Богемный Париж: Пикассо, Модильяни, Матисс и рождение современного искусства» Дана Франка и Синтии Либов (2003) и пр.

Из книг, имеющихся на русском языке, читателя может заинтересовать информативная, но изобилующая весьма странными оценками «Повседневная жизнь Монпарнаса в великую эпоху, 1905-1930» Жан-Поля Креспеля (2000), фундаментальный труд Мишеля Сануйе «Дада в Париже» (1999) и «Парижская школа» М. Германа (2003). Монпарнас героического периода превосходно описан в мемуарах Ильи Эренбурга «Люди-ди, годы, жизнь», а Париж двадцатых годов, конечно же – в «Празднике, который всегда с тобой» Эрнеста Хемингуэя.

И. Соболева

Саша Залюк. *Кики, модель художников-кубистов или женщина, которую вот-вот разрежут на куски* (рисунок из журнала «Фантазио», 1925)

С. 7. ***Эпоха, начавшаяся с Локарно*** – В 1925 г. в швейцарском городе Локарно был подписан ряд договоров, определивших послевоенные границы Германии в соответствии с Версальским договором 1919 г. и гарантии европейских государств для Германии и ее восточных соседей. Вопрос о восточных границах Германии остался открытым, что фактически подготовило почву для экспансии на восток как направления германской внешней политики. В свое время т. наз. «дух Локарно» символизировал надежды на мир во всей Европе.

С. 8. ***В «Доме»...*** – Кафе «Дом» (Café du Dôme) на перекрестке Вавен (бульвар Монпарнас, 109), наряду с «Клозри де Лила» и позднее «Ротондой», долгое время было самым известным кафе Монпарнаса. «Дом» открылся в 1898 г. на месте лавки старьевщика; кафе посещали художники, писатели, поэты, скульпторы, натурщицы и любители искусств, а в двадцатые годы «Дом» облюбовали представители американской литературной колонии в Париже. В настоящее время «Дом» превратился в дорогой рыбный ресторан.

С. 9. ***«Огромной комнаты»*** – «Огромная комната» (1922) – роман американского поэта-авангардиста, писателя и художника Э. Э. Каммингса (1894-1962), в котором автор описывает свое трехмесячное пребывание во французском концлагере, куда он попал по подозрению в шпионаже во время Первой мировой войны.

С. 9. ***Джулиана Грина...*** – Писатель Джулиан Грин (1900-1998) родился в Париже в американской семье и писал в основном на французском. Автор многочисленных романов, Грин известен сегодня главным образом благодаря 10-томным дневникам, запечатлевшим художественную жизнь Парижа в 1926-1976 гг., а также литературные и религиозные искания автора.

С. 9. ***Жана Кокто...*** – Жан Кокто (1889-1963), виднейший французский писатель, поэт, драматург и кинорежиссер, был другом Кики и Ман Рэя. Автор многочисленных сборников стихотворений, пьес, эссе, романов и пр., оказавших глубокое влияние на сюрреалистов, в чьем наследии авангардные тенденции сочетались с классическими. Среди наиболее известных работ Кокто – постановка сюр-

реалистического балета «Парад» (1917) с П. Пикассо, Э. Сати и труппой С. Дягилева, пьеса «Человеческий голос» (1930), роман «Ужасные дети» (1929), фильмы «Кровь поэта» (1930), «Красавица и чудовище» (1946), «Орфей» (1950), «Завещание Орфея» (1960).

С. 9. ***Единственная книга на свете, к какой я когда-либо писал предисловие...*** – В конце 1933 г. Хемингуэй написал также предисловие к книге своего приятеля-англичанина, бывшего боксера Джеймса Чартерса «То самое место. Воспоминания о Монпарнасе» (1934). Чартерс по прозвищу «Джимми-бармен» был одним из самых известных и любимых барменов Монпарнаса 1920-х гг., работал в «Динго», «Фальстафе» и других заведениях и вместе с Хемингуэем посещал боксерские матчи.

С. 9. ***Другой книгой, названной женским именем и написанной Даниэлем Дефо*** – Хемингуэй подразумевает либо роман Дефо «Молл Фландерс» (1722) о судьбе распутной вдовушки-мошенницы, либо роман «Роксана» (1724), повествующий о жизни проститутки, которая благодаря различным ухищрениям добивается высокого положения в обществе и богатеет.

С. 10. ***Фуджита*** – Леонард Цугухару Фуджита (также Фудзита, 1886-1968), японский художник из рода самураев, с 1913 г. жил в Париже на Монпарнасе, быстро подружился с Пикассо, Модильяни, Сутиным, Матиссом и другими художниками. Носил челку, серьгу и круглые очки, учился танцам в студии А. Дункан. Часто утверждается, что его успешная выставка 1918 г. стала началом «золотого века» Монпарнаса. В 1920-1930-х гг. художник пользовался огромной популярностью, в особенности в странах Латинской Америки, где он жил и путешествовал в начале тридцатых годов. В годы Второй мировой войны жил в Японии и был официальным военным художником. В 1950 г. вернулся во Францию, в 1959 г. принял католичество. Умер от рака в Цюрихе и был похоронен в выстроенной и расписанной им «часовне Фуджиты» в Реймсе. Был одним из ближайших друзей Кики. Лучшие работы Фуджиты, включающие портреты, «ню» и зарисовки кошек, сочетают мотивы традиционного японского и современного западного искусства.

С. 10. ***Кики ван Донген*** – Голландский художник-фовист Кеес ван Донген (1877-1968), прозванный «Кики». С начала 1900-х гг. художник выставлялся и жил в Париже, участвовал в знаменитом «Осеннем салоне» 1905 года, позднее выработал собственный красочный стиль. Излюбленный портретист буржуа и светских дам, ван Донген вел роскошный образ жизни и славился своими вечеринками. Выше Фуджита изобразил ван Донгена в виде «Зимы-Кики».

С. 10. ***Кики Кислинг*** – Моисей (Моис) Кислинг (1891-1953), польско-еврейский художник, также известный под прозвищем «Кики», изобретательный портретист и мастер «ню». Учился в Школе изящных искусств в Кракове, в 1910 г. уехал в Париж и в 1913 г. поселился на Монпарнасе, где прожил 27 лет и стал виднейшей фигурой в артистической среде. Во время Первой мировой войны сражался в Иностранном легионе и получил французское гражданство после тяжелого ранения в битве на Сомме. В годы Второй мировой вновь вызвался добровольцем на фронт, но после капитуляции французской армии перебрался в США и вернулся во Францию лишь в 1946 году. Многие полотна Кислинга изображают обнаженную Кики, одну из его любимых натурщиц. Сохранилась дарственная надпись, сделанная Кики для Кислинга на странице «Мемуаров Кики», где она сфотографирована обнаженной: «Моему дорогому Кики Кислингу – Кики. Любимый, я отдаю тебе себя». Слова Фуджиты о «Лете-Кики» относятся к Кислингу: часть года он проводил в доме, который снимал для жены и своих сыновей Жана и Ги близ Санари-сюр-Мер.

С. 10. ***Сняв пальто, она оказалась абсолютно обнаженной*** – как замечает Б. Клювер, «Кики ходила в одном пальто на голое тело, чтобы таким непринужденным методом решить проблему, описанную беседовавшими со мной натурщицами – линии на теле от резинок в трусах».

С. 10. ***«Nu couché de Kiki»*** – Имеется в виду работа «Nu couché à la toile de Jouy» (1922).

Майо. *Кики* (1929)

С. 12. ***Государственный покупатель немного опоздал*** – Для поддержки художников представители государства покупали некоторое количество работ на парижских салонах.

С. 12. ***Улицы Гэте, улицы Веселья*** – Эта улица была традиционным увеселительным центром Монпарнаса; здесь было множество ресторанов, кафе, баров, магазинчиков, театров – включая знаменитый театр «Бобино», основанный в 1819 г., через который прошли все крупные звезды французской эстрады первой половины XX в.

С. 19. ***«Добрым сестрам»…*** – Здесь имеются в виду монахини, занимавшиеся социальной работой и помощью общине.

С. 19. ***В Бодлоке…*** – Больница на монпарнасском бульваре Порт-Рояль. Печально прославилась во время Первой мировой войны, когда немецкий снаряд, выпущенный 11 апреля 1918 г., разрушил палату родильного дома, убив мать с новорожденным младенцем и акушерку-ученицу; три другие женщины позднее скончались от ран.

С. 24. ***Лез Аль…*** – Лез Аль (Les Halles) – район в 1-м арондисмане Парижа, где находился один из центральных городских рынков, который был снесен в 1970-х гг. при строительстве подземного шоппинг-центра.

С. 26. ***«Фантомаса»…*** – Кики говорит о невероятно популярной серии романов французских писателей Пьера Сувестра (1874-1914) и Марселя Аллена (1885–1969). Между 1911 и 1913 гг. Сувестр и Аллен опубликовали 32 романа о таинственном злодее Фантомасе, еще 11 были написаны Алленом после смерти Сувестра. Фантомас стал героем многочисленных пастишей, комиксов, телевизионных постановок и фильмов, включая 5-серийный фильм, снятый в 1913-1914 годах пионером немого кино Луи Фейадом и три ленты Андре Юнебеля (1964-1966) с Луи де Фюнесом и Жаном Маре в главных ролях, которые обрели культовую известность в бывшем СССР.

С. 30. ***Здоровье у нее неважное*** – Мадлен надолго пережила Кики. Она потеряла мужа и дочь и, по свидетельству Б. Клювера, дожила в Шатийоне до преклонных лет в сожительстве с неким Клодом, резчиком надгробных изваяний, который был на 40 лет младше своей подруги.

С. 37. ***Мы заходим в «Майоль» попробоваться в обнаженке…*** – В этом концертном зале, основанном певцом Феликсом Майолем, ставились номера с участием обнаженных женщин.

С. 38. ***Фрателлини*** – Братья Поль (1877-1940), Франсуа (1879-1951) и Альбер (18866-1961) Фрателлини, выходцы из итальянской цирковой семьи, выступавшие в цирке «Медрано» на Монмартре. Их популярность достигла апогея в послевоенные годы и особенно в начале 1920-х гг., когда братья Фрателлини стали любимцами парижских интеллектуалов.

С. 41. ***Вокзал Монпарнас*** – Вокзал на Монпарнасе, открывшийся в 1840 г., ныне железнодорожная станция Париж-Монпарнас. Этот вокзал стал сценой известной катастрофы 1895 года, когда поезд, не сумев остановиться, пролетел сквозь здание вокзала и рухнул на площадь внизу; каменным обломком была убита продавщица газет, однако в самом поезде среди 130 с лишним человек насчитали лишь пять раненых. Невероятная картина паровоза, торчащего из здания вокзала и уткнувшегося носом в землю, долго вдохновляла сюрреалистов.

С. 44. ***A-la Нинон*** – Прическа «а-ля Нинон», названная так по имени прославленной куртизанки XVII-XVIII вв. Нинон де Ланкло, подразумевала легкую челку на лбу, пробор надо лбом и более крупные локоны до плеч на висках; волосы до плеч Кики носила до конца 1910-х гг.

С. 48. ***Слоновьей щетины … браслетов*** – Традиционные африканские браслеты, сплетенные из жестких волос слоновьего хвоста, по сей день считаются мистическими счастливыми амулетами и вызывают протесты защитников животных, т.к. спрос на них зачастую влечет за собой убийство слонов. Подобный браслет носила знаменитая американская летчица Амелия Эрхарт (1897-1937), причем перед кругосветным перелетом 1937 г., во время которого Эрхарт бесследно исчезла, свой браслет она не надела.

С. 53. ***Сутиным*** – Хаим Сутин (1843-1943) – выдающийся французский художник еврейского происхождения и один из величайших живописцев XX века. Уроженец белорусского местечка Смиловичи, выходец из бедной еврейской семьи. В 1913 г. вместе со своим другом Михаилом (Мишелем) Кикоиным перебрался в Париж,

дружил с Амедео Модильяни и жил в крайней нищете, в 1918 году переехал на юг Франции. В начале 1920-х годов благодаря усилиям ряда торговцев картинами и в том числе Леопольда Зборовского выбился из нищеты; в 1923 г. американский коллекционер Альберт Барнс приобрел около 60 работ Сутина. После первой персональной выставки в 1927 г. выставлялся сравнительно мало, жил под опекой меценатов. Во время Второй мировой войны был вынужден скрываться от гестапо, часто ночевал то на улице, то в лесах и, страдая язвенным кровотечением, умер в Париже от перитонита – операция была сделана слишком поздно. В работах Сутина внимание к классическому наследию сочетается с глубоко индивидуальным и экспрессивным живописным языком и экзистенциальным пафосом; его нередко называют одним из предшественников абстрактного экспрессионизма.

С.53. ***«Cité Falguière»*** – Буквально – «городок Фальгьер». Так называлось скопление одно- и двухэтажных зданий с мастерскими художников в тупике вдоль улицы Фальгьер, недалеко от дома матери Кики. В «городке» одновременно или в разное время жили Модильяни, Сутин, Фуджита, скульпторы Жак Липшиц и Константин Бранкузи и др. Модильяни жил здесь в студии на первом этаже дома №14 в 1910-1913 гг.; Сутин въехал в мастерскую в том же здании около 1916 г. Начиная с 1960-х гг. большая часть домов «городка Фальгьер» была снесена.

С. 57. ***«Ротонды»...*** – «Ротонда» (Café de la Rotonde) на перекрестке Вавен, на скрещении бульваров Монпарнас и Распай, была в свое время, пожалуй, самым знаменитым художественным кафе Монпарнаса и описана в бесчисленных мемуарах. Кафе основал в 1910 г. Виктор Либион, выкупавший и выгодно перепродававший разорившиеся предприятия. Купив обувной магазин, он переделал его в бар, затем приобрел соседнюю лавочку и обустроил там зал на десять-двенадцать столиков для постоянных посетителей. В годы Первой мировой войны власти дважды закрывали «Ротонду» – Либиона подозревали в революционной пропаганде и торговле контрабандным табаком. В 1920 г. Либион продал «Ротонду», которая была расширена за счет соседней парфюмерной лавки и кафе «Парнас» и превратилась в гибрид бара, пивной и ресторана с танцевальной площадкой на втором этаже. В отличие от Либиона, обладавшего вор-

чливым, но добродушным характером и покровительствовавшего художникам, новые хозяева не слишком жаловали неимущих посетителей: при них «Ротонда» из второго дома художников, поэтов, писателей и интеллектуалов превратилась в один из центров ночной жизни Монпарнаса. Современная «Ротонда» притягивает множество туристов, но имеет мало общего с тем кафе «великой эпохи», что запечатлели на своих картинах и рисунках Диего Ривера, Фуджита, Александр Яковлев и др.

Александр Яковлев.
В кафе «Ротонда»

С. 58. ***У меня не было шляпки*** – Порядочная женщина в те годы не могла появиться в кафе без шляпки, т.к. в ней могли заподозрить проститутку.

С. 62. ***«У Розали» … шести су за суп*** – До Первой мировой войны среди парижских натурщиков и натурщиц доминировали выходцы из Италии; одной из таких натурщиц была Розали Тобиа. Она об-

ладала прекрасным телом и многие годы позировала для всевозможных Венер, русалок и нимф популярного академического художника Вильяма-Адольфа Бугро (1825-1905). Выйдя на покой, Розали открыла на ул. Кампань-Премьер, 3 небольшое бистро-ресторан «У Розали» (Chez Rosalie), рассчитанный на 24 человека. Художники и литераторы из «Ротонды» и «Дома» часто обедали у Розали: здесь бывали Гийом Аполлинер, Макс Жакоб, Андре Сальмон, Моисей Кислинг и многие другие. Обед у Розали обходился в два франка, однако же она позволяла нуждающимся художникам брать по половинной порции или расплачиваться картинами и рисунками, украшавшими стены, а в случае полного безденежья обедать одним супом.

С. 62. ***Из посетителей Розали больше всех выводил из себя Модильяни*** – Поскольку биография Амедео Модильяни (1884-1920), главной легенды Монпарнаса, широко известна, останавливаться на ней мы не будем. Модильяни был постоянным и любимым клиентом Розали, причем нередко выводил из себя бывшую натурщицу едкими замечаниями и затем наслаждался ее колоритными ругательствами на простонародном итальянском жаргоне. Модильяни часто расплачивался с Розали рисунками, которые Розали то ли бросала в подвал, то ли использовала для растопки плиты.

С. 63. ***Утрилло***... – Морис Утрилло (1883-1955), французский художник-постимпрессионист, прославившийся своими городскими пейзажами. Сын бывшей цирковой акробатки и натурщицы Сюзанны Валадон (1865-1938), ставшей известной художницей. Утрилло, страдавший алкоголизмом и душевными расстройствами, в описываемое время жил с матерью и ее мужем Андре Уттером на Монмартре, но часто ускользал из-под материнского надзора и появлялся в «Ротонде» или других заведениях, любил встречался с Модильяни в ресторанчике «У Розали» и выпивать с ним.

С. 65. ***Я поселилась с одним художником*** – Речь идет о польском художнике «парижской школы» Морисе Менджицком (1890-1951). Менджицкий мечтал стать дирижером и в 1906 г. обучался музыкальной композиции в Берлине, затем служил в польской армии. В 1906 г. приехал в Париж и жил в знаменитом «Улье». В 1912 году состоялась его первая персональная выставка; предисловие к

каталогу написал Андре Сальмон. В 1913 г. познакомился с Ренуаром, провел некоторое время в его доме в Кань-сюр-Мер и, полюбив эти края, осел там на три года. До возвращения в Кань-сюр-Мер жил на Монпарнасе с Кики. Менджицкий рано осознал опасность фашизма и в 1933 г. стал одним из основателей «Движения интеллектуалов за мир». Во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления: его жена была арестована, а сын Клод расстрелян за две недели до освобождения Франции. Известен посвященный Варшавскому гетто альбом рисунков Менджицкого, изданный в 1955 г. с предисловием Поля Элюара.

С. 65. ***«Потен»... споласкиваю бутылки*** – «Потен» (Potin) – сеть продуктовых магазинов в Париже, основанная в середине XIX века предпринимателем Жан-Луи Потеном и включавшая также винокуренный завод и шоколадную фабрику. Покупая в «Потен» столовое вино, покупатели возвращали пустые бутылки, которые после споласкивания использовались снова.

С. 66. ***Больницу «Кошен»...*** – Общественный госпиталь, расположенный между бульваром Порт-Рояль и улицей Фобур-Сен-Жак. Основан в 1780 г. священником Жан-Дени Кошеном в качестве больницы для бедняков и рабочего сословия, с 1902 г. располагал 850 койками.

С. 66. ***Умру от страха... одной лампой...*** – Кики боялась оставаться одна, спать в темноте и т.д.

С. 70. ***Бар «Парнас»...*** – Кафе «Парнас» (Café du Parnasse) располагалось рядом с «Ротондой» и слилось с нею в 1924 г. После Первой мировой войны стало первым кафе, где на стенах были выставлены работы монпарнасских художников.

С. 70. ***Хуссон... журнал «Монпарнас»*** – Ежемесячный журнал литературы и искусств «Монпарнас» Поля Хуссона (ум. 1928) начал выходить в 1914 г.. Издание его было прервано войной и возобновилось лишь в июле 1921 г., так что Кики здесь ошибается в дате.

С. 78. ***Зборовский...*** – Леопольд Зборовский (1889-1932), польский литератор, которого нужда вынудила заняться торговлей картинами. Был ближайшим другом, меценатом и организатором первых выставок Амедео Модильяни, опекуном Хаима Сутина, представлял также Марка Шагала, Мориса Утрилло, Андре Дерена и др. Невероятный рост цен на картины Модильяни после смерти художника в 1920 г. сделал Зборовского богатым человеком, однако в результате экономического кризиса 1929 г. он полностью разорился и умер в нищете.

С. 78. ***Фелс*** – Искусствовед, художественный критик Флоран Фелс (Фейзенберг, 1893-1977), друг Кислинга. Автор книг о Жюле Паскине, Анри Матиссе, Винсенте Ван-Гоге и др., в 1925-1935 гг. главный редактор журнала «L'Art vivant».

С. 81. ***Сорок су...*** – Т.е. два франка.

С. 81. ***Спеть Луизу...*** – Видимо, имеется в виду популярная опера Гюстава Шарпантье «Луиза» (1900), действие которой связано с богемной жизнью Парижа.

С. 83. ***Американцем, лучшим фотографом*** – Ман Рэй (Эмануэль Радницкий, 1890-1976), выдающийся американский фотограф, художник-авангардист, неустанный экспериментатор, тесно связанный с дадаизмом и сюрреализмом. Родился в семье еврейских иммигрантов из России, в детстве помогал отцу-портному кроить одежду. В начале 1910-х гг. в Нью-Йорке сблизился с Марселем Дюшаном, создавал «готовые объекты». В 1919 г. разошелся с первой женой и в 1921 г. перебрался в Париж, где быстро вошел в круг сюрреалистов и приобрел известность как фотограф. Участвовал в первой сюрреалистической выставке в «Galerie Pierre» в 1925 г. вместе с Жаном Арпом, Максом Эрнстом, Хуаном Миро и др. Много экспериментировал с различными техниками фотографии и живописи, создавал инсталляции, объекты и ранние прототипы перформанса и концептуального искусства. В двадцатых годах создал ряд короткометражных фильмов, считающихся классикой авангардного киноискусства; Кики снялась в трех из них: «Возвращение разума» (1923),

«Эмак-Бакия» (1926) и «Морская звезда» (1928). После романа с Кики новой любовью, музой и ассистенткой Рэя стала Ли Миллер (1907-1977), бывшая модель и начинающий фотограф. Вторая мировая война вынудила Рэя вернуться в США; с 1940 года он жил в Лос-Анжелесе, где женился на танцовщице и натурщице Джульетт Браунер. Тем не менее, Рэй считал Монпарнас своим домом и в 1951 г. вернулся в Париж. Умер в Париже от легочной инфекции, похоронен на кладбище Монпарнас.

С. 84. ***«Даму с камелиями»*** – Вероятно, Кики говорит о «Камилле», фильме Рэя Шервуда (1921) по роману А. Дюма-сына с Аллой Назимовой и Рудольфо Валентино в главных ролях.

С. 84. ***Васильева...*** – Мария Васильева (1884-1957), русская художница, которая в 1905 и 1907 гг. брала уроки у Анри Матисса и с 1908 года обосновалась в Париже. От работ в духе Матисса и Поля Сезанна перешла к кубизму, занималась кубистической скульптурой, дизайном мебели и интерьеров, мастерила куклы-карикатуры на знаменитостей художественного мира. В своей академии на проспекте Мен Васильева в 1914-1917 гг. держала благотворительную столовую для нуждающихся художников.

С. 84. ***И вот он становится моим возлюбленным*** – В своих воспоминаниях, цитируемых Клювером, Рэй так описывает первую встречу с Кики: «Однажды я сидел в кафе и болтал с Марией Васильевой... Напротив нас сидели две девушки... Та, что покрасивее, помахала рукой Марии, которая и сообщила мне, что это популярная натурщица Кики... Мария пригласила Кики с подругой за наш столик». Все отправились в кино, где Рэй «почти не смотрел на экран и искал руку Кики в темноте». И все же Кики сперва отказалась позировать Рэю, говоря, что фотографии выдают ее «физический недостаток». Ман Рэй настаивал и Кики, в конце концов, согласилась. Они отправились в его мансарду на улице Кондамин. «Кики разделась за ширмой в углу и вышла, скромно прикрываясь рукой, в точности отождествляя собой картину Энгра «Источник». Оглядывая ее с ног до головы, я не мог найти ни одного недостатка. Она по-детски стеснительно улыбнулась и сказала, что у нее нет лобковых волос». Кики сообщила, что «перепробовала все, что можно, включая пома-

ды с массажами, но это не помогло». Рэй заверил ее, что «это нормально и пройдет цензуру <...> Я добился нескольких поз от нее, сконцентрировавшись на ее голове. Вскоре мне пришлось сдаться... мысли о другом нахлынули на меня. Я велел ей одеться, и мы пошли в кафе». На следующий день «Кики пришла вновь, и я показал ей снимки. Она была соответственно впечатлена... Затем она разделась, пока я сидел на краю кровати с камерой в руках. Она вышла из-за ширмы, и я дал ей знак подойти и присесть рядом со мной. Я обнял ее и она ответила тем же. Наши губы встретились, и мы легли вдвоем. В тот день не было сделано ни одной фотографии».

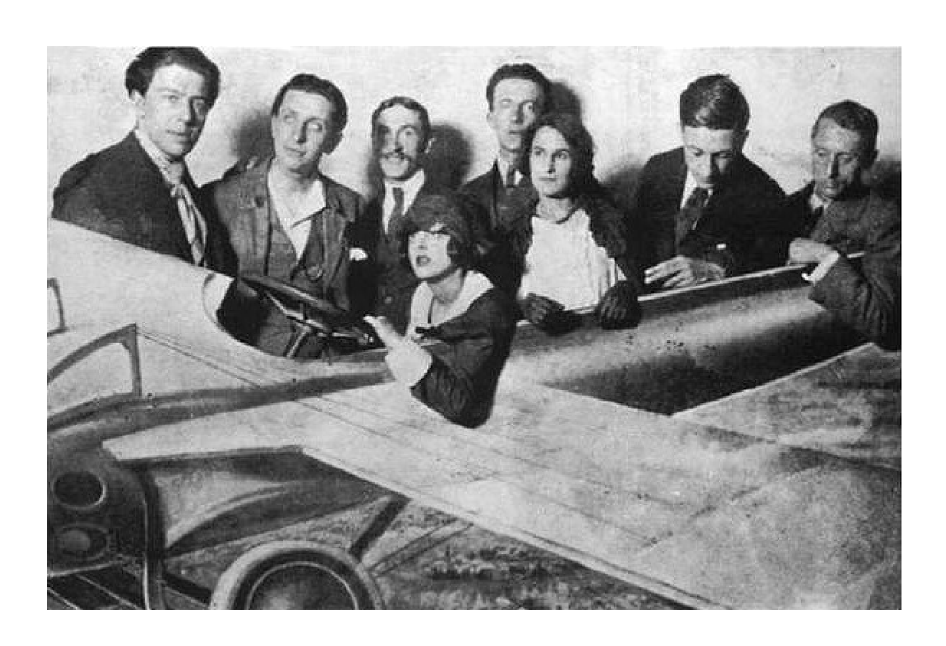
Ман Рэй. *Кики* (1922)

С. 89. ***Он фотографирует людей в нашем номере...*** – В декабре 1921 г. Ман Рэй снял номер в «Отель дез Эколь» на улице Деламбр, где поселилась и Кики. Свой номер Рэй превратил в хорошо оборудованную фотографическую студию; он делал портреты американских и английских писателей, живших в Париже, художников, аристократии и т.д. В 1922 г. Рэй и Кики переехали в мастерскую на улице Кампань-Премьер, 31.

Кики в фильме Ман Рэя «Эмак-Бакия» (1926)

С. 90. ***Среди них Тристан Тцара, Бретон, Филлип Супо, Арагон, Макс Эрнст, Поль Элюар...*** – Перечислены литераторы и художники, стоявшие у истоков дадаизма, а затем и сюрреалистического движения во Франции: Тристан Тцара (Самуэль Розеншток, 1896-1963), Андре Бретон (1896-1966), Филипп Супо (1897-1990), Макс Эрнст (1891-1976), Поль Элюар (1895-1952).

Сюрреалисты в парке аттракционов. Слева направо: Андре Бретон, Робер Деснос, Симона Бретон (на первом плане), неизвестный, Поль Элюар, Гала Элюар, Филипп Супо, Макс Эрнст

С. 91. ***Маркизы Казати...*** – Луиза, маркиза Казати (1881-1957) была богатой итальянской аристократкой и покровительницей искусств, вдохновляла многих художников и литераторов, в особенности итальянских футуристов. Известна длительным романом с Габриэле д'Аннунцио. Коллекционировала экзотических животных, устраивала легендарные приемы в снятом ею палаццо в Венеции и на Капри. К 1930 г. влезла в громадные долги; имущество Казати было распродано, а сама она нашла убежище в Лондоне, где до самой смерти жила в относительной бедности.

С. 97. ***Художник Хилер ... красивым оформлением*** – Хилэйр Хилер (1898-1966), художник-самоучка из Миннесоты. В Париже оказался в 1919 г., до «Жокея» играл на саксофоне в джаз-банде. В тридцатые годы работал в Сан-Франциско, открыл недолго просуществовавший ночной клуб в Голливуде, позднее жил в Нью-Йорке

и в начале 1960-х гг. вернулся в Париж. «Жокей», первый ночной клуб Монпарнаса, открылся в ноябре 1923 гг. на углу Кампань-Премьер (на месте артистического ресторана «Хамелеон») и быстро стал одним из самых популярных заведений Монпарнаса. Хилер выкрасил внешнюю стену здания в черный цвет и расписал ее фигурами ковбоев и индейцев. Внутри на стенах и даже на потолке были наклеены плакаты, кое-где на них были написаны шутливые стихи и непристойные английские трехстишия. Танцующие сталкивались друг с другом на крохотной площадке под звуки пианино, гавайской гитары или патефона. Непринужденная атмосфера «Жокея» немедленно привлекла в клуб художников и литераторов; клуб посещали также натурщицы, люли из мира кино, туристы и т.д. Дважды за вечер Кики исполняла в «Жокее» свои песенки.

Завсегдатаи у «Жокея». Слева направо, на заднем плане: Билли Берд, неизвестный, Хольгер Кахилл, Миллер, Лес Коупленд, Хилэйр Хилер, Кертис Мофитт. В середине: Кики, Маргарет Андерсон, Джейн Хип, неизвестная, Эзра Паунд. На первом плане: Ман Рэй, Мина Лой, Тристан Тцара, Жан Кокто

С. 99. ***Прекрасная Флориан ... шаловливые танцы*** – Роберт Мак-Алмон оставил следующее описание танца Флориан: «Она исполняла восточный танец, извиваясь своим лишенным бедер телом с низкой талией. Она изгибалась назад и ее маленькие крепкие груди колыхались из стороны в сторону, руки раскачивались, а чувственный рот, напряженный и возбужденный, был очарователен».

С. 99. ***Славный Дадди Лондиш***... – Дадди Лондиш и его жена были владельцами ресторана «Хамелеон», переехавшего на бульвар Распай, и позднее перекупили «Жокей».

С. 101. ***«Трез»*** – Тереза Маур (1900-?) была ближайшей подругой Кики. Уроженка Парижа, она обучалась у Жоржа Эбера (1875-1957), видного теоретика и практика физического воспитания и автора доктрины «эберизма», проповедовавшего классическое развитие духа и тела, и держала гимнастическую школу. Прозвище «Трез» («Тринадцать») подарил Терезе поэт-сюрреалист Робер Деснос, с которым у Трез был неудачный роман в начале 1920-х гг. Трез, как поступали многие девушки Монпарнаса, сделала это прозвище своей фамилией, так как оно обеспечивало ей анонимность и тем самым она не «позорила» буржуазных родственников. В тридцатых годах, после романа с художником Пером Крогом, вышла замуж за кубинского художника Мануэля Кано де Кастро.

С. 101. ***Пер Крог ... Дерен*** – Пер Крог (1889-1965) – норвежский художник. Родился в семье художников, в начале 1900-х гг. учился у своего отца Кристиана, затем в 1909-1910 гг. у Анри Матисса. После парижских лет много преподавал в Норвегии, в 1950-е гг. был директором Национальной академии искусств, награжден многочисленными королевскими наградами. Фреска его работы находится в зале заседаний Совета Безопасности ООН. Андре Дерен (1880-1954) – французский художник и скульптор, прошедший путь от фовизма до кубизма, подражаний Полю Сезанну и наконец классицизма. Был заметной фигурой на Монмартре и позднее Монпарнасе. Во время Второй мировой войны и оккупации Франции жил в Париже, в 1941 году принял приглашение посетить фашистскую Германию; визит был раздут немецкой пропагандой и после войны многие отвернулись от художника, обвиняя его в сотрудничестве с нацистами.

С. 101. ***Иван Мозжухин... Кином*** – Иван Мозжухин (1889-1939) – знаменитый актер российского немого кино. Родился в селе Кондоль близ Пензы, с детства играл в любительских спектаклях и, бросив юридический факультет Московского университета, ушел в актеры и вскоре стал звездой экрана. После эмиграции в 1920 г. снимался во Франции, где поставил и собственный фильм «Костер пылающий» (1923). В 1926 г. уехал в Голливуд, но успеха не добился и после возвращения в Европу с 1928 по 1930 гг. работал в Германии. За свою жизнь Мозжухин снялся более чем в 100 фильмах. Триумф звукового кино положил конец его артистической карьере. Умер в Париже от скоротечной чахотки. «Кин» («Кин, или Гений и беспутство») – фильм А. Волкова (1924) по пьесе А. Дюма с Мозжухиным в

Иван Мозжухин

главной роли. Кики не упоминает о том, что некоторое время ее связывали с Мозжухиным романтические отношения. Трез рассказывала Б. Клюверу, что актер часто заходил в «Жокей», разыскивая их с Кики: «Он лихо водил свои спортивные машины, был обаятелен, обольстителен и очень прост. Он достаточно хорошо говорил по-французски. Кики ходила к нему на свидания в его холостяцкую гостиницу. Вдвоем они походили на двух красивых кошек. Жена его ревновала, но ее там не было». В архиве И. Мозжухина сохранились любовные письма Кики.

С. 101. ***Жак Катлен...*** – Жак Катлен (1897-1965) – популярный в двадцатые годы французский актер немого кино, соратник и друг видного режиссера Марселя Л'Эрбье (1888-1979), сыграл в 12 немых и одном звуковом его фильме. Поставил фильмы «Торговец наслаждениями» (1922) и «Галерея монстров» (1924). В двадцатые годы отказался от выгодного голливудского контракта, играл в театре, работал в Германии и сумел успешно преодолеть барьер звукового кино. Во время Второй мировой войны снимался в Голливуде, вернулся во Францию в 1946 г. и в пятидесятых годах продолжал сниматься в различных второстепенных ролях.

С. 103. ***Я еду в Америку*** – Ман Рэй, отмечает Клювер, рассказывает, что «Кики привела какую-то пару ко мне в номер... Они оказались американцами, путешествующими по Европе в поисках талантов. Мужчина был высоким и красивым, а женщина казалась чуть старше него. Они выглядели богатыми. Они были очарованы Кики, ее пением и индивидуальностью и предложили забрать ее в Штаты, заверяя, что смогут устроить ей там контракт в театре или кино. Они обещали оплатить все расходы. Ее бы поселили с французской семьей в Гринвич-Вилледж... они бы ее опекали... Меня уговорили, и я дал свое разрешение... Мы слезно прощались в поезде по дороге к кораблю... Я дал ей пару адресов друзей, включая и адрес сестры». Трез, однако, сообщила Клюверу, что летом 1923 года Кики познакомилась с неким Майком, американским журналистом из Сент-Луиса, красавцем и великолепным любовником: «Это была чудесная, чувственная встреча. Он был счастлив с Кики, называл ее *mon petit haricot blanc* [моя маленькая фасолинка] и они наслаждались сексом». К тому же вечная холодность Рэя злила Кики: «Во время ужина Кики сказала Ман Рэю: 'Ман, я люблю тебя', на что тот ответил: 'Что такое любовь, идиотка? Мы не любим, мы сношаемся'». Решив, что Рэй не любит ее, Кики уехала в Нью-Йорк с Майком и поселилась с ним в гостинице «Лафайет» в Гринвич-Вилледж. Из идеи кинопроб для студии «Парамаунт» ничего не вышло. Кики жила в Нью-Йорке приблизительно с конца июля по октябрь 1923 г. и успела навестить семью Рэя в Бруклине. Затем Майк уехал в Сент-Луис, оставив Кики некоторую сумму денег. По словам Трез, Кики осталась одна в незнакомом городе, была испугана и подавлена и отправила Рэю телеграмму с просьбой о помощи. «Однажды утром я получил по телеграфу сигнал SOS с просьбой выслать ей деньги на обратный билет. Я тут же выполнил просьбу и получил телеграмму с

датой прибытия корабля. Я поехал на поезде в Гавр и встретил ее.... Теперь она была счастлива, карьера ее больше не интересовала и она хотела остаться со мной навсегда. В поезде по дороге в Париж мы молча сидели, взявшись за руки, как в кино во время первого нашего свидания». Спустя всего лишь несколько дней между Кики и Рэем вновь произошла размолвка, завершившаяся красочной дракой в гостинице.

С. 104. ***«Галерея монстров»... медведь*** – Фильм Жака Катлена (1924), рассказывающий о приключениях влюбленной испанской парочки, которая убегает из дома и попадает в бродячий цирк. Кики, чье имя означено в титрах как «Кики Рэй», играет в фильме саму себя; в нем играли другие известные персонажи – карлик-актер Жан-Поль ле Тарар (его портрет работы Кики см. на с. 185), танцовщица Флоранс Мартин, натурщицы Тиля и Броня Перельмутер (будущая жена кинорежиссера Рене Клера). В одной из сцен фильма рядом с танцующей Кики появлялся дрессированный медведь.

С. 106. ***Вильфранше*** – Вильфранш-сюр-Мер, популярный курорт на Лазурном берегу.

С. 106. ***Американскими моряками*** – Вильфранш был местом стоянки иностранных военных кораблей; в описываемое время в городе было много американских моряков с броненосного крейсера «Питтсбург», находившегося во Франции с благотворительной миссией.

С. 116. ***Мой друг тоже присутствует в качестве свидетеля...*** – Узнав об аресте Кики, Ман Рэй и Трез развили бурную деятельность по ее освобождению. Им помогал приятель Робера Десноса, художник-сюрреалист Жорж Малкин (1898-1970), работавший в Ницце. Письмо от начальника Малкина, владельца крупнейшей городской компании по сбору мусора, убедило назначенного судом адвоката Бонифацио помочь Кики. Рэй приехал на суд в качестве свидетеля и привез ряд документов (см. ниже).

С. 118. ***Показал документы, удостоверяющие мою проблему с нервами…*** – Ман Рэй заручился справкой от коллекционера живописи д-ра Теодора Френкеля, в которой говорилось о ранимости и нервозности Кики (что было недалеко от истины). Рэй также привез письменные показания Десноса и Луи Арагона, описывавших Кики как серьезного художника. В результате Кики была приговорена к двум месяцам условного заключения с испытательным сроком от одного до трех лет.

С. 118. ***«Девочки Камаре»*** – коронный номер Кики, старинная народная песенка с новыми словами Десноса: «Девочки из Камаре / в невинности клянутся / но у меня в постели / держатся за мой прибор / а не за свечи, свечи, свечи…»

С. 118. ***Папашу Шамбона…*** – Владелец кафе «Дом» Поль Шамбон. В 1924 г. продал кафе другим хозяевам, которые за два года утроили доход. После смерти Шамбона его вдова за громадные деньги выкупила «Дом» обратно. Ниже, считает Клювер, описывается сын Шамбона Эрнест, хотя некоторые авторы уверены, что эта шуточная фраза относится к Эрнесту Хемингуэю.

С. 121. ***«Быке на крыше» на Буасси-д'Англа … Дюсе читал любовные рассказы*** – «Бык на крыше» – фешенебельное заведение, открытое в январе 1922 г. хозяином бара «Гайя» Луи Мойзесом на улице Буасси-д'Англа на правом берегу. Название было подсказано балетом «Бык на крыше» Дариюса Мийо и Жана Кокто (1919). «Бык на крыше» регулярно посещали обитатели Монпарнаса. Здесь выступал известный бельгийский джазовый пианист Клеман Дюсе (1895-1950), который в своих выступлениях сочетал художественное чтение с игрой на пианино.

С. 125. ***Picons-citron*** – Т.е. любители пикона (подкрашенного карамелью биттера из апельсиновых корочек и коры хинного дерева), изобретенного в 1830-х гг. Гаэтаном Пиконом.

С. 125. ***Айша...*** – Айша Гобле (1898-?), популярная темнокожая натурщица 1910-1920-х гг. Семья ее, возможно, была родом с Мартиники. Ребенком приехала в Париж с севера Франции, выступала в цирке, в 16 лет была замечена Жюлем Паскиным и почти год позировала исключительно ему. Но «монополия» Паскина вскоре рухнула, так как и другие художники были привлечены экзотической красотой Айши, часто носившей тюрбан. Выступала в мюзик-холлах и театрах, нередко в почти обнаженном виде. В числе прочих знаменитостей Монпарнаса ее чествовали 2 октября 1929 г. на банкете в «Куполе» (другие банкеты были даны в честь Кики, Моисея Кислинга и Андре Сальмона).

С. 125. ***Красавица Юки...*** – Юки (Люси Баду, 1903-1966) родилась в Париже, но выросла в Бельгии. Вернувшись в Париж в 1921 г., стала моделью. По рассказам, одной встречи в «Ротонде» оказалось достаточно, чтобы между нею и Фуджитой вспыхнула любовь с первого

Фуджита за работой над портретом Юки (1920-е)

взгляда; пара провела три дня, не выходя из гостиничного номера. Именно тогда очарованный Фуджита дал ей японское прозвище «Юки» – «розовый снег». В конце 1920-х гг. Юки увлеклась близким другом семьи, страстно любившим ее поэтом Робером Десносом, а в 1931 г. Фуджита ушел из дома и неожиданно покинул Францию вместе со своей новой любовью, натурщицей Мади Дорман. Роберу и Юки он оставил прощальные записки. «Спасибо, спасибо, больше мне не нужно здесь оставаться, твоя судьба – заботиться о Юки» – написал он Десносу. Юки Фуджита писал, что «Робер занял мое место, в глубине души ты уже живешь с ним, для него ты самое дорогое в мире». Юки, адресат высокой любовной лирики Десноса, оставалась его женой до самой трагической гибели поэта в 1945 г.

С. 125. ***Томмиксовскими рубашками*** – Рубашками в стиле «короля ковбоев», американского киноактера Тома Микса (1880-1940), сыгравшего более чем в 300 фильмах и поставившего более сотни лент, в том числе по меньшей мере 250 вестернов.

Робер Деснос
и Юки

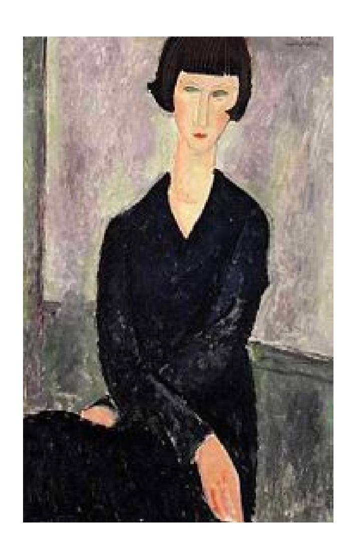
С. 125. ***Деснос...*** – виднейший французский поэт-сюрреалист Робер Деснос (1900-1945). Родился в Париже в семье владельца кафе. После окончания коммерческого училища некоторое время зани-

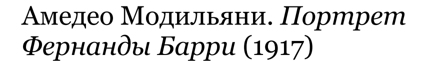
мался конторской работой, затем стал литературным критиком «Пари-Суар». В 1919 благодаря знакомству с Бенжаменом Пере вошел в группу французских дадаистов, подружился с Андре Бретоном. Обладая особым даром автоматического письма, вместе с Луи Арагоном и Полем Элюаром составил литературный авангард сюрреализма. К концу 1920-х гг. политические и художественные разногласия привели к разрыву Десноса с Бретоном. В 1930-х гг. Деснос выступал на радио, писал статьи критические статьи о джазе и кино, был участником многочисленных периодических изданий; в этот период он сближается с Антоненом Арто, Эрнестом Хемингуэем, Пабло Пикассо. Во время Второй мировой войны активно участвовал в Сопротивлении, публиковался под различными псевдонимами, в феврале 1944 года был арестован гестапо и отправлен в Освенцим, оттуда в Бухенвальд и наконец в Терезиенштадт. Умер от тифа в мае 1945 г. через несколько недель после освобождения лагеря. Деснос – автор более 20 книг, многие из которых были опубликованы посмертно; написал сценарий «Морской звезды» Ман Рэя (1928).

С. 126. ***Сессю Хаякава…*** – Сессю Хаякава (1889-1973) – знаменитый американский актер, уроженец Японии, первая мировая звезда кинематографа азиатского происхождения. В юности пытался совершить ритуальное самоубийство, т.к. во время ныряния повредил барабанную перепонку, не смог продолжать учебу в японской военно-морской академии и тем опозорил семью. Позднее учился в Чикагском университете. Случайное посещение японского театра в Лос-Анжелесе привело его на сцену. Снимался в американских, японских, французских, немецких и английских фильмах и в 1920-х гг. был одним из самых высокооплачиваемых актеров мира. За роль в полковника Сайто в фильме Д. Лина «Мост через реку Квай» (1957) был номинирован на «Оскар». Снялся более чем в 80 кинолентах, отличался разносторонними талантами: писал пьесы, рисовал акварели, ставил собственные фильмы, занимался боевыми искусствами и был мастером дзен. В описываемое время был возлюбленным Фернанды Барри.

С. 126. ***Фернанда***… – Фернанда Барри (1893-1960), французская натурщица и художница, в 1917-1922 гг. жена Фуджиты. В свое время она сыграла важную роль в судьбе Модильяни, убедив начинающего торговца картинами, польского литератора Леопольда Зборов-

ского, познакомиться с художником. После встречи с Модильяни в 1916 г. Зборовский стал его агентом и меценатом.

Амедео Модильяни. *Портрет Фернанды Барри* (1917)

С. 126. ***Люси … Паскин в котелке*** – Люси – Сесиль Мари (Люси) Видиль (1891-1977), первая жена Пера Крога. В 1920 г. влюбилась в Жюля Паскина, а пять лет спустя их отношения стали известны всем. Люси проводила с Паскиным большую часть своего времени, появляясь дома лишь для того, чтобы накормить сына Ги ужином и отправить его с утра в школу. Формально развелась с Крогом в 1934 году. Жюль Паскин (также Паскен, 1885-1930), еще одна легенда Монпарнаса, родился в Болгарии в итальянско-еврейско-сербской семье, его настоящая фамилия – Пинхас. В 1905 г. приехал в Париж. В 1914-1920 гг. жил и работал в США. Был женат на художнице Эрмине Давид (1886-1970). Чувственные акварели и наброски Паскина, изображавшие натурщиц, проституток и эротические сценки, пользовались большим успехом. Художник, в своем вечном котелке, любил совершать обходы веселых заведений Монпарнаса и Монмартра в сопровождении толпы друзей, натурщиц и случайных знакомых или устраивал шумные вечеринки у себя дома, пытаясь избавиться от постоянно терзавшей его депрессии. Алкоголизм, депрессия и сомнения в собственном художественном даре в конце концов довели Паскина до самоубийства: накануне большой персональной

выставки он перерезал себе вены и повесился у себя в мастерской, написав кровью на стене послание своей возлюбленной Люси Крог. В завещании Паскин распорядился разделить все свое имущество между Люси и Эрминой Давид.

Жюль Паскин. *Портрет Люси Крог*

С. 127. ***Станции метро «Вавен»...*** – Станция метро с выходами на бульвар Монпарнас, открывшаяся в 1910 г.

С. 128. ***Школу Берлица...*** – Языковая школа, основанная в 1878 г. в США преподавателем классических и европейских языков Максимилианом Берлицем; современная корпорация Берлиц располагает более 470 центрами обучения языкам в 70 странах мира.

С. 128. ***Баре «Куполь»...*** – «Куполь», заведение бывших управляющих «Дома» Эрнеста Фро и Рене Лафона, открылся с большой пышностью на бульваре Монпарнас 20 декабря 1927 г. Это был целый

комплекс, включавший ресторан на первом этаже с колоннами, расписанными известными художниками, бар, дансинг, ресторан «Пергола» на втором этаже и площадку для игры в шары на крыше. В вечер открытия, по словам Лафона, гости уничтожили 1500 бутылок «Кордон Руж», 10 тысяч бутербродов, 3 тысячи крутых яиц и 800 пирогов. Куполь быстро затмил другие заведения Монпарнаса и даже в кризисные тридцатые годы, благодаря своей отличной кухне, регулярно обслуживал до тысячи и более человек в день. Сюда любили приходить художники, писатели и журналисты, а в разные годы в «Куполе» можно было встретить Жана Кокто и Ман Рэя, Моисея Кислинга, Фуджиту, Эрнеста Хемингуэя, Андре Мальро, Жан-Поля Сартра или Жака Превера.

С. 129. **Меркадье и Паулюса** – Эмиль Меркадье (1860-1929) и Пау-люс (Жан-Поль Абан, 1845-1908) – популярные певцы рубежа веков, выступавшие в т. наз. «кафе-концертах».

С. 130. ***Андре Сальмон***... – Андре Сальмон (1881-1969) – французский поэт, писатель, журналист и художественный критик. В юности жил в Санкт-Петербурге с отцом, гравером и скульптором Теодором Сальмоном. Вернувшись во Францию, познакомился и подружился с Гийомом Аполлинером, Пабло Пикассо и Максом Жакобом, в 1908 г. поселился в общежитии художников Бато-Лавуар на Монмартре, в 1910-х гг. жил на Монпарнасе. Участник многих литературно-художественных изданий, в статьях в прессе неустанно защищал и пропагандировал новое искусство. В годы фашистской оккупации Франции продолжал работать в журнале «Пти Паризьен», с которым сотрудничал 20 лет, после освобождения страны был приговорен к пяти годам поражения в правах как коллаборационист, но вскоре был амнистирован, а в 1964 г. получил гран-при Французской академии. Автор нескольких десятков книг и колоритных воспоминаний о художественной жизни Парижа первой трети XX в., в которых правда зачастую смешивается с выдумкой.

С. 130. ***Нильс Дардель...*** – Нильс фон Дардель (1888-1943), шведский художник, живший в Париже, друг Жюля Паскина. Его ранние работы отражают влияние постимпрессионистов, фовистов и япон-

ского искусства, работы 1920-х гг. становятся все более оригинальными и по сути сюрреалистическими. Умер в Нью-Йорке в 1943 г.

С. 130. ***«Бал де ла Орд», «Бал Рюс» … «Бал Судуа» в академии «Ватто»…*** – Ежегодные балы-маскарады, проводившиеся в поддержку неимущих художников. «Бал Судуа» проходил в шведском культурном центре «Мезон Ватто» на улице Жюля Шаплена на Монпарнасе, где Пер Крог и другие художники преподавали рисование и живопись.

Брассай. *Пантера. «Бал де ла Орд», Монпарнас* (нач. 1930-х)

С. 135. ***Моему отцу – девятнадцать*** – Видимо, ошибка Кики. На самом деле Максим Легро был на 10 лет старше ее матери.

С. 136. ***Настоящий «Перно»*** – Т.е. абсент производства компании «Перно». С 1914-1915 гг. во Франции была запрещена продажа и производство абсента.

С. 146. ***La Belle Epoque*** – «Прекрасная эпоха» (франц.), как часто называют период европейской истории между последней четвертью XIX в. и Первой мировой войной.

С. 152. ***Пакеретт…*** – Прозвище актрисы и модели Эмильены Жесло, означающее «маргаритка». Пакеретт работала у модельера Поля Пуаре и была одной из возлюбленных Пабло Пикассо в 1916-1917 гг. Согласно воспоминаниям Гертруды Стайн, «он постоянно приходил в дом и приводил Пакеретт, очень милую девушку». В 1924 г. Пакеретт вышла замуж за врача-кардиолога.

С. 158. ***Папаша Либион – лучший из людей…*** – Обстоятельный портрет Виктора Либиона включил в свою мемуарную книгу «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург: «Это был добродушный толстый кабатчик, который купил небольшое кафе; случайно «Ротонда» стала генеральным штабом разноязычных чудаков <…>, поэтов и художников, из которых некоторые впоследствии стали знаменитыми. Будучи обыкновенным средним буржуа, Либион вначале косо поглядывал на весьма странных клиентов; кажется, он принимал нас за анархистов. Потом он к нам привык, даже полюбил нас. Кто-то сказал ему, что некоторые люди разбогатели на живописи: покупали за гроши картины у никому не известных художников, а двадцать лет спустя продавали их за большие деньги. Идея такого заработка не очень соблазняла Либиона; как-то он сказал мне, что не любит азартных игр, а покупать картины — это лотерея: хорошо, если из тысячи художников один выйдет в люди. Он предпочитал зарабатывать на напитках. Конечно, порой он брал рисунок Модильяни за десять франков — ведь блюдечек гора, а у бедняги нет ни одного су… Иногда Либион совал пять франков поэту или художнику, сердито говорил: «Найди себе бабу, а то у те-

бя глаза сумасшедшие...» На его нижней губе неизменно красовался окурок погасшей сигареты. Ходил он по большей части без пиджака, но в жилетке. Однажды, когда я сидел в «Ротонде», художница Мямлина попросила меня подержать ее грудного ребенка — ей нужно купить напротив сигареты. Прошло полчаса, прошел час — Мямлиной не было. Младенец начал кричать. Подошел Либион, выслушал меня и явно не поверил: «Знаю я вас — изготовляете ребят, а потом от них открещиваетесь. Ладно, неси его ко мне — у меня там старая женщина, она тебе поможет. Хорош папаша!..» Либион жил рядом с «Ротондой»; квартира была мещанской: красные портьеры, на стене красивенький пейзаж. Никогда бы он не повесил у себя Модильяни или Сутина, боже упаси! Он привязался к своим клиентам, но не к их произведениям...» Продав «Ротонду», добавляет Эренбург, Либион «купил небольшое кафе в спокойном месте — подальше от художников. Но тогда-то он понял, что обыкновенные посетители ему не интересны. Иногда он приходил в «Ротонду», садился в темный угол, заказывал стакан пива и тоскливо глядел по сторонам. Несколько лет спустя он умер; хоронить его пришли художники, поэты; некоторые стали к тому времени известными, и Либион, как многие его клиенты, узнал посмертную славу».

С. 167. ***Сэмюэль Патнэм*** – Сэмюэль Патнэм (1892-1950) – американский журналист, издатель и переводчик, известный своим переводом «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса. Родился в Иллинойсе, был журналистом «Чикаго трибюн», «Ивнинг пост» и др. изданий. В 1926 г. с женой и сыном переехал в Париж, издавал журнал «Нью ревю» (1930-1932), но в 1933 г. в связи с финансовыми трудностями был вынужден вернуться в США. Занимался переводами и до 1945 года, испытывая симпатии к коммунизму, писал для «Дейли уоркер». Умер в Нью-Джерси.

С. 167. ***Блаженному Иерониму...*** – Евсевий Софроний Иероним, церковный писатель, переводчик, ученый и аскет IV-V вв.., создатель канонического латинского текста Библии (Вульгаты), почитаемый как святой.

С. 168. ***Аниты Лус…*** – Анита Лус (Loos, 1888-1981) – американская писательница, сценаристка, драматург, автор чрезвычайно популярных книг «Джентльмены предпочитают блондинок» (1925) и «Но женятся джентльмены на брюнетках» (1927).

С. 168. ***«Фанни Хилл»*** – Непристойный роман английского писателя и драматурга Джона Клиланда (1709-1789) «Фанни Хилл, или мемуары женщины для утех» (1748), рассказывающий о похождениях лондонской проститутки и ставший символом изящной литературной порнографии.

С. 169. ***Св. Терезы…*** – Речь идет о святой Терезе Авильской (1515-1585), испанской монахине-кармелитке, реформаторе кармелитского ордена и авторе мистических сочинений.

С. 171. ***Эдвард Титус*** – Эдвард Титус (1870-1952) – американский журналист и издатель, уроженец Польши. В 1908 г. женился в Лондоне на будущей королеве косметики Елене Рубинштейн; у пары было двое сыновей (Титус и Рубинштейн развелись в 1937 г.). В 1920-х гг. держал книжный магазин в Париже на улице Деламбр, 4 и основал издательство с загадочным названием «Под знаком черного манекена». Наряду с английским переводом мемуаров Кики выпустил первое издание «Любовника леди Чаттерлей» Д. Г. Лоуренса, первую книгу Анаис Нин, переводы Рембо и Бодлера и ряд книг современных американских и французких авторов.

С. 172. ***Чудо Каны…*** – Первое чудо Иисуса Христа, превращение воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской, описанное в Евангелии от Иоанна (Ин. 2:1-11).

С. 174. ***Малейшее пагубное влияние на женщину…*** – Намек на пристрастие Жана Кокто к однополой любви. Наиболее серьезной гетеросексуальной связью Кокто был роман с моделью и актрисой русских княжеских кровей Натали Палей (1905-1981) в 1932 году; Палей забеременела, но поддалась на уговоры знакомых и сделала аборт, о чем и она, и Кокто всю жизнь не переставали сожалеть.

Брассай. *Кики, Тереза Трез де Каро и Лили* (1932)

К иллюстрациям

На фронтисписе – обложка первого издания мемуаров Кики, выпущенного Анри Брока в 1929 г., с портретом Кики работы Моисея Кислинга. На с. 60 – работа Ман Рэя «Облако Кики» (1921). Фотографии Кики на с. 6, 85-87, 113 также принадлежат Ман Рэю и были сделаны в начале 1920-х гг. Фотографии на с. 73 и 161, запечатлевшие Пабло Пикассо, Моисея Кислинга, Андре Сальмона и Пакеретт, были сделаны Жаном Кокто летом 1916 г. На с. 82 – «Черное и белое» Ман Рэя (1926). Портрет Жана Кокто на с. 120 сделан им же в начале 1920-х гг. Фотография собора Нотр-Дам на с. 144 принадлежит Эжену Атже. На с. 123 – «Бульвар Монпарнас» Брассая (ок. 1932). Кики с ведром воды на с. 175 была сфотографирована Терезой Трез. На обложке книги – «Скрипка Энгра» Ман Рэя (1924).

Оглавление

Кики откровенничает с вами

П р и л о ж е н и я

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Дилан Томас. Собрание стихотворений 1934-1953. 258 с., илл.

Первый полный перевод на русский язык канонического собрания стихотворений одного из величайших английских поэтов XX в. Дилана Томаса, отобранного самим Томасом в качестве поэтического наследия. Переводы известного поэта и переводчика Василия Бетаки снабжены подробными комментариями и статьей о жизни и творчестве Томаса.

Кики. Мемуары Кики. 243 с., илл.

Самая знаменитая натурщица XX века, она вдохновляла Сутина и Модильяни, Фуджиту и Кальдера, Брассая и Пикабиа, была возлюбленной Ман Рэя, подругой Жана Кокто и Макса Эрнста и удостоилась титула «королевы Монпарнаса». Первый русский перевод откровенных мемуаров Алисы Эрнестины Прен (1901-1953), прославившейся под именем Кики, дополнен в нашем издании предисловиями Эрнеста Хемингуэя и Фуджиты, подробными комментариями и другими материалами, а также мемуарными отрывками, написанными Кики в 1950 г.

Книги серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма»:

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и о повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник А. Я. Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Книги серии «Библиотека авангарда»:

Владимир Гольцшмидт. Послания Владимира жизни с пути к истине. 85 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. I).

Первое современное издание произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса. Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

Филиппо Томмазо Маринетти. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. 97 с., карта, илл. (Библиотека авангарда: Вып. II).

Основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти – на фронте итало-турецкой войны. Книга поэтической прозы «Битва у Триполи» в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитарист-

ский пафос итальянского футуриста. Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью.

Е. П. Радин. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. 94 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. III). Факсимильное изд.

Наряду с острой критикой футуризма, понимаемого как мистическое течение, в книге содержится немало ценных наблюдений касательно ряда основных принципов футуристической креативности. Особое внимание психиатр Е. П. Радин уделяет творчеству В. Хлебникова, а также приводит многочисленные примеры текстов, рисунков и картин душевнобольных. В предисловии к факсимильному переизданию этой редкой ныне книги монография Радина (1914) рассматривается на фоне дискурса «вырождения» и «дегенерации» конца XIX-начала XX вв.